В. В. Сиповскій.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ
ПО ИСТОРІИ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Томъ II.—Вып. II.

(Русская литература 40—70-хъ годовъ XIX в.)

Изданіе [illegible]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. БАШМАКОВА и К°.

Полянкинъ.

Цѣна въ переплетъ 60 коп.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ
ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

СОСТАВИЛЪ

Проф. В. В. СИПОВСКІЙ.

Т. III, вып. 3-й: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 40—70-хъ годовъ XIX в.

Н. НЕКРАСОВЪ, Гр. А. ТОЛСТОЙ, Я. ПОЛОНСКІЙ, А. МАЙКОВЪ,
Ѳ. ТЮТЧЕВЪ и А. ФЕТЪ.

Примѣнительно къ „исторіи русской словесности"
того же автора ч. III, вып. 2-ой.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

Изданіе 1-е допущено Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. въ качествѣ учебнаго пособія въ среднеучебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія книга эта допускается и въ учебн.завед. Вѣд. Императрицы Маріи Ѳеодоровны и учебн. заведенія Мин. Торговли и Промышленности.

Цѣна въ переплетѣ 60 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и Ко
1911

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ“. Кавалергардская, 40.

26 Авг.—20 окт. 1911 г.

Томил —

Оглавленіе.

Н. А. Некрасовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Муза.

Нѣтъ, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной!
Въ небесной красотѣ, неслышимо, какъ духъ,
Слетая съ высоты, младенческій мой слухъ
Она гармоніи волшебной не учила,
Въ пеленкахъ у меня свирѣли не забыла,
Среди забавъ моихъ и отроческихъ думъ
Мечтой неясною не волновала умъ,
И не явилась вдругъ восторженному взору
Подругой любящей въ блаженную ту пору,
Когда томительно волнуетъ нашу кровь
Нераздѣлимыя и Муза, и Любовь...
Но рано надо мной отяготѣли узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для труда, страданья и оковъ, —
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото — единственный кумиръ...
Въ усладу новаго пришельца въ Божій міръ,
Въ убогой хижинѣ, предъ дымною лучиной,
Согбенная трудомъ, убитая кручиной,
Она пѣвала мнѣ — и полонъ былъ тоской,
И вѣчной жалобой напѣвъ ея простой.
Случалось, не стерпѣвъ томительнаго горя,
Вдругъ плакала она, моимъ рыданьямъ вторя,
Или тревожила младенческій мой сонъ
Разгульной пѣснею... Но тотъ-же скорбный стонъ
Еще пронзительнѣй звучалъ въ разгулѣ шумномъ;
Все слышалося въ немъ въ смѣшеніи безумномъ:
Расчеты мелочной и грязной суеты,
И юношескихъ лѣтъ прекрасныя мечты,
Погибшая любовь, подавленныя слезы,
Проклятья, жалобы, безсильныя угрозы...
Въ порывѣ ярости, съ неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой;
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бѣшено моею колыбелью,
Кричала: «мщеніе!» — и буйнымъ языкомъ
Въ сообщники свои звала Господень громъ!
Въ душѣ озлобленной, но любящей и нѣжной,

Непрочен был порыв жестокости
мятежной;
Слабѣя медленно, томительный недуг
Смирялся, утихал... и выкупалось
вдруг
Все буйство дикое страстей и скорби
лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалица, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» шептала
надо мной...
Так вѣчно плачущей и непонятной
дѣвы
Лелѣяли мой слух суровые напѣвы,
Покуда, наконец, обычной чередой
Я с нею не вступил в ожесточенный бой.
Но с дѣтства прочнаго и кровнаго
союза
Со мною разорвать не торопилась
Муза:
Чрез бездны темныя Насилія и Зла,
Труда и Голода она меня вела, —
Почувствовать свои страданья научила
И свѣту возвѣстить о них благословила...

* *
*

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привѣт
Друзей спокойнаго искусства;
Ему сочувствіе в толпѣ,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнѣнія в себѣ —
Сей пытки творческаго духа;
Любя безпечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.
Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят...
Но нѣт пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Стал обличителем толпы,
Ея страстей и заблужденій.
Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.
Его преслѣдуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропотѣ хвалы,
А в диких криках озлобленья.
И вѣря, и не вѣря вновь
Мечтѣ высокаго призванья,
Он проповѣдует любовь
Враждебным словом отрицанья, —
И каждый звук его рѣчей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.
Со всѣх сторон его клянут
И только труп его увидя,
Как много сдѣлал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣс обнажился, поля опустѣли,
Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.
Кажется, шепчут колосья друг
другу:
«Скучно нам слушать осеннюю
вьюгу,
Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зерна купая в пыли!
Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой
птицы,
Заяц нас топчет и буря нас
бьет...
Гдѣ-же наш пахарь? чего еще
ждет?
Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвѣли-колосились?
Нѣт! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрѣло зерно.
Не для того-же пахал он и сѣял,
Чтобы нас вѣтер осенній развѣял?..»

И, считая внимательно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;
Одинокій-ли путникъ ночной
Ихъ заслышитъ — бодрѣе шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ
И, крестомъ осѣнясь въ полуснѣ,
Проситъ Бога о ведряномъ днѣ.
Звукъ за звукомъ гудя прокатился,
Насчиталъ я двѣнадцать часовъ.
Съ колокольни старикъ возвратился,
Слышу шумъ его звонкихъ шаговъ,
Вижу тѣнь его; сѣлъ на ступени,
Дремлетъ, голову свѣсивъ въ колѣни.
Онъ въ мохнатую шапку одѣтъ,
Въ балахонѣ убогомъ и темномъ...
Все, чего не видалъ столько лѣтъ,
Отъ чего я пространствомъ огромнымъ
Отдѣленъ — все живетъ предо мной,
Все такъ ярко рисуется взору,
Что не вѣрится мнѣ въ эту пору,
Чтобъ не могъ увидать я и той,
Чья душа здѣсь незримо витаетъ,
Кто подъ этимъ крестомъ почиваетъ...
Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сер-
дитою
Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилася!
Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла,
За враговъ, умирая, молилася,
На дѣтей милость Бога звала.
Неужели за годы страданія
Тотъ, кто столько тобою былъ чтимъ,
Не пошлетъ тебѣ радость свиданія
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?..
Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью.
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.
О, прости! то не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь...
Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой-же явилась ты мнѣ
При волшебно-свѣтящей лунѣ.
Да! я вижу тебя, блѣднолицую,
И на судъ твой себя отдаю.
Не робѣть передъ правдой-царицею
Научила ты Музу мою:
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество, —
Изреки только слово прощенія,
Ты, чистѣйшей любви божество!
Что враги? пусть клевещутъ язви-
тельнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу:
Не придумать имъ казни мучитель-
нѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
Что друзья? Наши силы не ровныя:
Я ни въ чемъ середины не зналъ,
Что обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерзалъ;
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — впередъ и впередъ!
Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ — и вовсе упалъ!
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ стра-
стей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!
Тотъ, чья жизнь безполезно разби-
лася,
Можетъ смертью еще доказать.

Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить...

. . . .

(утромъ, въ постели).

О, мечты! о, волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы —
Все въ душѣ угнетенной моей
Пробудилось... но гдѣ-же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабѣй!
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будетъ могила,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать.
Все, что въ сердцѣ кипѣло, боролось,
Все лучъ блѣднаго утра спугнулъ,
И насмѣшливый, внутренній голосъ
Злую пѣсню свою затянулъ:
«Покорись — о, ничтожное племя! —
Неизбѣжной и горькой судьбѣ;
Захватило васъ трудное время,
Неготовыми къ трудной борьбѣ:
Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно;
Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано...»

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Княгиня Трубецкая.

Она рѣшила ѣхать въ Сибирь къ своему мужу, сосланному за участіе въ бунтѣ 14 декабря 1825 г. Сборы были недолги. Отецъ, горюя, отпустилъ дочь на трудный подвигъ. Она простилась съ нимъ и съ родиной.

«О, видитъ Богъ!.. Но долгъ другой,
И выше, и труднѣй,
Меня зоветъ... прости, родной!
Напрасныхъ слезъ не лей!
Далекъ мой путь, тяжелъ мой путь,
Страшна судьба моя;
Но сталью я одѣла грудь...
Гордись — я дочь твоя!
Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты... о, городъ роковой,
Гнѣздо всѣхъ бѣдъ... прощай!
Кто видѣлъ Лондонъ и Парижъ,
Венецію и Римъ,
Того ты блескомъ не прельстишь,
Но былъ ты мной любимъ.
Счастливо молодость моя
Прошла въ стѣнахъ твоихъ,
Твои балы любила я,
Катанья съ горъ крутыхъ,
Любила плескъ Невы твоей
Въ вечерней тишинѣ,
И эту площадь передъ ней
Съ героемъ на конѣ...

Дологъ и труденъ былъ путь; было достаточно времени для воспоминаній; и вотъ княгиня многое вспоминала изъ своего свѣтлаго прошлаго: балы, путешествіе въ Италіи, жизнь въ русской деревнѣ, удрученной крѣпостничествомъ.

И вотъ уѣхала она
Съ избранникомъ своимъ.
Предъ нею чудная страна,
Предъ нею — вѣчный Римъ...
Ахъ! чѣмъ бы жизнь намъ помянуть—
Не будь у насъ тѣхъ дней,
Когда, урвавшись какъ-нибудь
Изъ родины своей,
И скучный сѣверъ миновавъ,
Примчимся мы на югъ.
До насъ нужды, надъ нами правъ
Ни у кого... Самъ-другъ
Всегда лишь съ тѣмъ, кто дорогъ намъ,
Живемъ мы, какъ хотимъ;
Сегодня смотримъ древній храмъ,
А завтра посѣтимъ
Дворецъ, развалины, музей...
Какъ весело притомъ
Дѣлиться мыслію своей
Съ любимымъ существомъ!
Подъ обаяньемъ красоты,
Во власти строгихъ думъ,
По Ватикану бродишь ты
Подавленъ и угрюмъ;
Отжившимъ міромъ окруженъ,
Не помнишь о живомъ;
За то какъ странно пораженъ
Ты въ первый мигъ потомъ,
Когда, покинувъ Ватиканъ,
Вернешься въ міръ живой,
Гдѣ ржетъ оселъ, шумитъ фонтанъ,

Поетъ мастеровой;
Торговля бойкая кипитъ,
Кричатъ на всѣ лады:
Коралловъ! раковинъ! улитъ!
Мороженой воды!
Танцуетъ, ѣстъ, дерется голь,
Довольная собой.
И косу черную, какъ смоль,
Римлянкѣ молодой
Старуха чешетъ... Жарокъ день,
Несносенъ черни гамъ,
Гдѣ намъ найти покой и тѣнь?
Заходимъ въ первый храмъ.
Не слышенъ здѣсь житейскій шумъ,
Прохлада, тишина
И полусумракъ... Строгихъ думъ
Опять душа полна.
Святыхъ и ангеловъ толпой
Вверху украшенъ храмъ,
Порфиръ и яшма подъ ногой
И мраморъ по стѣнамъ...
Какъ сладко слушать моря шумъ!
Сидишь по часу нѣмъ,
Неугнетенный, бодрый умъ
Работаетъ межъ тѣмъ...
До солнца горною тропой
Взберешься высоко —
Какое утро предъ тобой!
Какъ дышется легко!
Но жарче, жарче южный день,
На зелени долинъ
Росинки нѣтъ... Уйдемъ подъ тѣнь
Зонтообразныхъ пиннъ...
Княгинѣ памятны тѣ дни
Прогулокъ и бесѣдъ,
Въ душѣ оставили они
Неизгладимый слѣдъ.
Но не вернуть ей дней былыхъ,
Тѣхъ дней надеждъ и грезъ,
Какъ не вернуть потомъ о нихъ
Пролитыхъ ею слезъ!..
Исчезли радужные сны,
Предъ нею рядъ картинъ
Забытой Богомъ стороны:
Суровый господинъ
И жалкій труженикъ-мужикъ
Съ понурой головой...
Какъ первый властвовать привыкъ!
Какъ рабствуетъ второй!
Ей снятся группы бѣдняковъ
На нивахъ, на лугахъ,
Ей снятся стоны бурлаковъ
На волжскихъ берегахъ...
Наивнымъ ужасомъ полна,
Она не ѣстъ, не спитъ,
Засыпать спутника она
Вопросами спѣшитъ.
«Скажи, уже-ль весь край таковъ?
Довольства тѣни нѣтъ?..»
— Ты въ царствѣ нищихъ и рабовъ!
Короткій былъ отвѣтъ...

Тяжелыя впечатлѣнія отъ суровыхъ картинъ сибирской природы смѣняются смутными воспоминаніями о бунтѣ 14 декабря, объ арестѣ мужа, о свиданіи съ нимъ. Эти воспоминанія, мысли и образы постоянно перебиваются впечатлѣніями дѣйствительности.

Княгиня вздрогнула, — глядитъ
Испуганно кругомъ,
Ей ужасъ сердце леденитъ:
Не все тутъ было сномъ!..
Луна плыла среди небесъ
Безъ блеска, безъ лучей,
Налѣво былъ угрюмый лѣсъ,
Направо — Енисей.
Темно! На встрѣчу ни души,
Ямщикъ на козлахъ спалъ,
Голодный волкъ въ лѣсной глуши
Пронзительно стоналъ,
Да вѣтеръ бился и ревѣлъ,
Играя на рѣкѣ,
Да инородецъ гдѣ-то пѣлъ
На странномъ языкѣ.
Суровымъ паѳосомъ звучалъ
Невѣдомый языкъ,
И пуще сердце надрывалъ,
Какъ въ бурю чайки крикъ...
Княгинѣ холодно: въ ту ночь
Морозъ былъ нестерпимъ,
Упали силы; ей не въ мочь
Бороться больше съ нимъ.
Разсудкомъ ужасъ овладѣлъ,
Что не доѣхать ей.
Ямщикъ давно уже не пѣлъ,
Не понукалъ коней,
Передней тройки не слыхать...
«Эй, живъ ли ты, ямщикъ?
Что ты замолкъ? не вздумай спать!»
— Не бойтесь, я привыкъ...
Летятъ... Изъ мерзлаго окна

Не видно ничего:
Опасный гонитъ сонъ она,
Но не прогнать его!
Онъ волю женщины больной
Мгновенно покорилъ,
И, какъ волшебникъ, въ край иной
Ее переселилъ.
Тотъ край — онъ ей уже знакомъ —
Какъ прежде, нѣги полнъ,
И теплымъ солнечнымъ лучемъ,
И сладкимъ пѣньемъ волнъ
Ее привѣтствовалъ, какъ другъ...
Куда ни поглядитъ:
«Да, это югъ! да, это югъ!»
Все взору говоритъ...
Ни тучки въ небѣ голубомъ,
Долина вся въ цвѣтахъ,
Все солнцемъ залито, — на всемъ,
Внизу и на горахъ,
Печать могучей красоты,
Ликуетъ все вокругъ;
Ей солнце, море и цвѣты
Поютъ: да, это — югъ!»
Въ долинѣ, между цѣпью горъ
И моремъ голубымъ,
Она летитъ во весь опоръ
Съ избранникомъ своимъ.
Дорога ихъ — роскошный садъ:
Съ деревьевъ льется ароматъ,
На каждомъ деревѣ горитъ
Румяный, пышный плодъ;
Сквозь вѣтви темныя сквозитъ
Лазурь небесъ и водъ;
По морю рѣютъ корабли,
Мелькаютъ паруса.
А горы, видныя вдали,
Уходятъ въ небеса.
Какъ чудны краски ихъ! За часъ
Рубины рдѣли тамъ.
Теперь заискрился топазъ
По бѣлымъ ихъ хребтамъ...
Вотъ вьючный мулъ идетъ шажкомъ,
Въ бубенчикахъ, въ цвѣтахъ,
За муломъ — женщина съ вѣнкомъ,
Съ корзинкою въ рукахъ.
Она кричитъ имъ: добрый путь!
И, засмѣявшись вдругъ,
Бросаетъ быстро ей на грудь
Цвѣтокъ... да, это югъ!
Страна античныхъ смуглыхъ дѣвъ
И вѣчныхъ розъ страна...
Чу, мелодическій напѣвъ,
Чу! музыка слышна!
«Да, это югъ! да, это югъ!
(Поетъ ей добрый сонъ)!
Опять съ тобой, любимый другъ,
Опять свободенъ онъ!...»

Въ Иркутскѣ губернаторъ сталъ отговаривать княгиню отъ дальнѣйшаго путешествія. Онъ сталъ говорить объ ея отцѣ, заболѣвшемъ безъ нея, объ ужасахъ той страны, куда стремилась княгиня. Она оставалась тверда въ своемъ рѣшеніи.

Нѣтъ! что однажды рѣшено,
Исполню до конца!
Мнѣ вамъ разсказывать смѣшно,
Какъ я люблю отца,
Какъ любитъ онъ. Но долгъ другой,
И выше, и святѣй,
Меня зоветъ. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Позвольте-жъ. Я согласенъ самъ,
Что дорогъ каждый часъ;
Но хорошо-ль извѣстно вамъ,
Что ожидаетъ васъ?
Безплодна наша сторона,
А та — еще бѣднѣй;
Короче нашей тамъ весна,
Зима — еще длиннѣй.
Да-съ, восемь мѣсяцевъ зима
Тамъ — знаете-ли вы?
Тамъ люди рѣдки безъ клейма,
И тѣ душой черствы;
На волѣ рыскаютъ кругомъ
Тамъ только варнаки,
Ужасенъ тамъ тюремный домъ,
Глубоки рудники.
Вамъ не придется съ мужемъ быть
Минуты глазъ-на-глазъ:
Въ казармѣ общей надо жить,
А пища: хлѣбъ да квасъ.
Пять тысячъ каторжниковъ тамъ,
Озлоблены судьбой,
Заводятъ драки по ночамъ,
Убійства и разбой;
Коротокъ имъ и страшенъ судъ, —
Грознѣе нѣтъ суда!
И вы, княгиня, вѣчно тутъ,

Свидѣтельницей... Да!
Повѣрьте, васъ не пощадятъ,
Не сжалится никто!
Пускай вашъ мужъ — онъ виноватъ.
А вамъ терпѣть... за что?

КНЯГИНЯ.

Ужасна будетъ, знаю я,
Жизнь мужа моего;
Пускай-же будетъ и моя
Не радостнѣй его!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Но вы не будете тамъ жить:
Тотъ климатъ васъ убьетъ;
Я васъ обязанъ убѣдить:
Не ѣздите впередъ!
Ахъ! вамъ-ли жить въ странѣ такой,
Гдѣ воздухъ у людей
Не паромъ — пылью ледяной
Выходитъ изъ ноздрей?
Гдѣ мракъ и холодъ круглый годъ,
А въ краткія жары
Непросыхающихъ болотъ
Зловредные пары?
Да... страшный край! Оттуда прочь
Бѣжитъ и звѣрь лѣсной,
Когда стосуточная ночь
Повиснетъ надъ страной...

КНЯГИНЯ.

Живутъ-же люди въ томъ краю,
Привыкну я, шутя...

ГУБЕРНАТОРЪ.

Живутъ? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здѣсь мать — водицей снѣговой,
Родивъ, омоетъ дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкаетъ всю ночь,
А будитъ дикій звѣрь, рыча
Близъ хижины лѣсной,
Да пурга, бѣшено стуча
Въ окно, какъ домовой.
Съ глухихъ лѣсовъ, съ пустынныхъ рѣкъ
Сбирая дань свою,
Окрѣпъ туземный человѣкъ
Съ природою въ бою.
А вы?...

КНЯГИНЯ

Пусть смерть мнѣ суждена —
Мнѣ нечего жалѣть!..
Я ѣду! ѣду! я должна
Близъ мужа умереть.

ГУБЕРНАТОРЪ.

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ѣздите туда!
Споснѣе одному,
Уставъ отъ тяжкаго труда,
Придти въ свою тюрьму,
Придти — и лечь на голый полъ
И съ черствымъ сухаремъ
Заснуть... а добрый сонъ пришелъ —
И узникъ сталъ царемъ!
Летя мечтой къ родньшъ, къ друзьямъ,
Увидя васъ самихъ,
Проснется онъ къ дневнымъ трудамъ
И бодръ, и сердцемъ тихъ.
А съ вами?.. съ вами не знавать
Ему счастливыхъ грезъ,
Въ себѣ онъ будетъ сознавать
Причину вашихъ слезъ.

КНЯГИНЯ

Ахъ!.. Эти рѣчи поберечь
Вамъ лучше для другихъ.
Всѣмъ вашимъ пыткамъ не извлечь
Слезы изъ глазъ моихъ!
Покинувъ родину, друзей,
Любимаго отца,
Принявъ обѣтъ въ душѣ моей
Исполнить до конца
Мой долгъ, — я слезъ не принесу
Въ проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость въ немъ спасу,
Я силы дамъ ему!

. . . .
. . . .
. . . .

Губернаторъ сталъ доказывать, что ея мужъ не стоитъ такой жертвы, что онъ мало ее любилъ, если рѣшился принять участіе въ бунтѣ.

А онъ, не думая о томъ,
Что станется съ женой,
Увлекся призракомъ пустымъ,
И — вотъ его судьба!..
И что-жъ?.. бѣжите вы за нимъ,
Какъ жалкая раба!

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей вѣрна!
О, если-бъ онъ меня забылъ
Для женщины другой,
Въ моей душѣ достало-бъ силъ
Не быть его рабой!
Но знаю: къ родинѣ любовь
Соперница моя,
И если-бъ нужно было, вновь
Ему простила-бъ я!..

Долго томилъ ее губернаторъ; онъ предложилъ ей подписать бумагу, въ которой она отказывалась отъ всѣхъ правъ—она согласилась и на это; онъ пригрозилъ ей, что лошадей не дастъ, а отправитъ ее по этапу, съ колодниками—она согласилась и на это. Наконецъ старикъ-губернаторъ, имѣвшій приказаніе отговорить княгиню отъ путешествія, былъ побѣжденъ ея твердостью и любовью къ мужу. Княгиня поѣхала дальше

И, наконецъ, сказалъ: «Быть такъ!
Васъ не спасешь, увы!..
Но знайте: сдѣлавъ этотъ шагъ,
Всего лишитесь вы!»
— Да что-же мнѣ еще терять?
«За мужемъ поскакавъ,
Вы отреченье подписать
Должны отъ вашихъ правъ!»

Княгиня Волконская.

Она разсказываетъ уже подъ старость грустную исторію своей молодости внукамъ. Она, урожденная Раевская, вспоминаетъ съ гордостью и любовью своего отца, героя войны 1812 года.

Войной озабоченъ, въ семействѣ своемъ
Отецъ ни во что не мѣшался,
Но крутъ былъ порою; почти божествомъ
Онъ матери нашей казался,
И самъ онъ глубоко привязанъ былъ къ ней.
Отца мы любили — въ героѣ.
Окончивъ походы, въ усадьбѣ своей
Онъ медленно гасъ на покоѣ.
Мы жили въ большомъ подгородномъ дому.
Дѣтей поручивъ англичанкѣ,
Старикъ отдыхалъ. Я училась всему,
Что нужно богатой дворянкѣ.
А послѣ уроковъ бѣжала я въ садъ
И пѣла весь день беззаботно,
Мой голосъ былъ очень хорошъ, говорятъ,
Отецъ его слушалъ охотно;
Записки свои приводилъ онъ къ концу,
Читалъ онъ газеты, журналы,
Пиры задавалъ; наѣзжали къ отцу
Сѣдые, какъ онъ, генералы,
И шли безконечные споры тогда;
Межъ тѣмъ молодежь танцовала.
Сказать-ли вамъ правду? была я всегда
Въ то время царицею бала:
Очей моихъ томныхъ огонь голубой
И черная съ синимъ отливомъ
Большая коса, и румянецъ густой
На личикѣ смугломъ, красивомъ,
И ростъ мой высокій, и гибкій мой станъ
И гордая поступь — плѣняли
Тогдашнихъ красавцевъ: гусаровъ, уланъ,
Что близко съ полками стояли.
Но слушала я неохотно ихъ лесть...
Отецъ за меня постарался:
«Не время-ли замужъ? Женихъ уже есть,
Онъ славно подъ Лейпцигомъ дрался,
Его полюбилъ Государь, нашъ отецъ,
И далъ ему чинъ генерала.
Постарше тебя... а собой молодецъ,—
Волконскій! Его ты видала
На царскомъ смотру... и у насъ онъ бывалъ,
По парку съ тобой все шатался!»

— Да, помню! Высокій такой генералъ...
«Онъ самый!» Старикъ засмѣялся...
— Отецъ! онъ такъ мало со мной говорилъ...—
Замѣтила я, покраснѣла...
«Ты будешь съ нимъ счастлива!»— круто рѣшилъ
Старикъ, — возражать я не смѣла...
Прошло двѣ недѣли и я подъ вѣнцомъ
Съ Сергѣемъ Волконскимъ стояла;
Немного я знала его женихомъ,
Немного и мужемъ узнала:

Мужъ былъ вѣчно занятъ службой и мало времени удѣлялъ женѣ. Однажды ночью онъ, встревоженный, разбудилъ жену и поѣхалъ съ нею въ Москву. Оставивъ ее въ домѣ ея отца, онъ поѣхалъ одинъ и затѣмъ надолго исчезъ. Въ это время у княгини родился сынъ. Она тосковала по мужѣ. Родные долго скрывали отъ нея тайну, наконецъ, она все узнала. Она рѣшилась увидаться съ нимъ.

Я въ крѣпость поѣхала къ мужу съ сестрой.
Пришли мы сперва къ «генералу»,
Потомъ насъ привелъ генералъ пожилой
Въ обширную, мрачную залу.
«Дождитесь, княгиня! мы будемъ сейчасъ!»
Раскланявшись вѣжливо съ нами,
Онъ вышелъ. Съ дверей не спускала я глазъ,
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,
За ними я мыслью летѣла,
Мнѣ чудилось: связку ключей принесли
И ржавая дверь заскрипѣла,
Въ угрюмой каморкѣ съ желѣзнымъ окномъ
Измученный узникъ томился.
— Жена къ вамъ пріѣхала!..»
Блѣдный лицомъ,
Онъ весь задрожалъ, оживился.
— Жена!.. — Коридоромъ онъ быстро бѣжалъ,
Довѣриться слуху не смѣя...

— Вотъ онъ! — громогласно сказалъ генералъ —
И я увидала Сергѣя...
Недаромъ надъ нимъ пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно блѣдно, глаза
Не такъ уже ярко свѣтились,
Но больше въ нихъ было, чѣмъ въ прежніе дни
Той тихой, знакомой печали;
Съ минуту пытливо смотрѣли они,
И радостью вдругъ заблистали;
Казалось, онъ въ душу мою заглянулъ...
Я горько, припавъ къ его груди,
Рыдала... Онъ обнялъ меня и шепнулъ:
«Здѣсь есть посторонніе люди».
Потомъ онъ сказалъ, что полезно ему
Узнать добродѣтель смиренья,
Что, впрочемъ, легко переноситъ тюрьму,
И нѣсколько словъ ободренья
Прибавилъ... По комнатѣ важно шагалъ
Свидѣтель: намъ было неловко...
Сергѣй на одежду свою показалъ:
«Поздравь меня, Маша, съ обновкой»
И тихо прибавилъ: «*пойми и прости*»—
Глаза засверкали слезою...
Но тутъ соглядатай успѣлъ подойти,
Онъ низко поникъ головою.
Я громко сказала: «Да, я не ждала
Найти тебя въ этой одеждѣ»,
И тихо шепнула: *я все поняла,*
Люблю тебя больше, чѣмъ прежде...
«Что дѣлать? И въ каторгѣ буду я жить»
(Покуда мнѣ жить не наскучитъ).
— Ты живъ, ты здоровъ, такъ о чемъ-же тужить?
(Вѣдь каторга насъ не разлучитъ?)
«Такъ вотъ ты какая!» — Сергѣй говорилъ,
Лицо его весело было...
Онъ вынулъ платокъ, на окно положилъ,
И рядомъ я свой положила,
Потомъ, разставаясь, Сергѣевъ платокъ

Взяла я — мой мужу остался...
Намъ послѣ годичной разлуки часокъ
Свиданья коротокъ казался,
Но что-жъ было дѣлать! Нашъ срокъ миновалъ —
Пришлось-бы другимъ дожидаться...
Въ карету меня подсадилъ генералъ,
Счастливо желалъ оставаться...
Великую радость нашла я въ платкѣ:
Цѣлуя его, увидала
Я нѣсколько словъ на одномъ уголкѣ;
Вотъ что я, дрожа, прочитала:
«Мой другъ, ты свободна. Пойми — не пеняй!
Душевно я бодръ и — желаю
Жену мою видѣть такой-же. Прощай!
Малюткѣ поклонъ посылаю...»
Теперь разскажу вамъ подробно, друзья,
Мою роковую побѣду.
Вся дружно и грозно возстала семья,
Когда я сказала: «я ѣду!»
Не знаю, какъ мнѣ удалось устоять.
Чего натерпѣлась я... Боже!..
Была изъ-подъ Кіева вызвана мать,
И братья пріѣхали тоже:
Отецъ «образумить» меня приказалъ,
Они убѣждали, просили,
Но волю мою самъ Господь подкрѣплялъ,
Ихъ рѣчи ее не сломили!
А много и горько поплакать пришлось...
Когда собрались мы къ обѣду,
Отецъ мимоходомъ мнѣ бросилъ вопросъ:
«На что ты рѣшилась?» — Я ѣду! —
Отецъ промолчалъ... промолчала семья...
Я вечеромъ горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я...
Вдругъ входитъ отецъ, — я вздрогнула!..
Ждала я грозы; но, печаленъ и тихъ,
Сказалъ онъ сердечно и кротко:
«За что обижаешь ты кровныхъ родныхъ?
Что будетъ съ несчастнымъ сироткой?
Что будетъ съ тобою, голубка моя?
Тамъ нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты тамъ только могилу!»
И ждалъ онъ отвѣта, и взглядъ мой ловилъ,
Лаская меня и цѣлуя...
«Я самъ виноватъ! Я тебя погубилъ!»
Воскликнулъ онъ вдругъ негодуя:
«Гдѣ былъ мой разсудокъ? Гдѣ были глаза?
Ужъ знала вся армія наша...»
И рвалъ онъ сѣдые свои волоса:
«Прости! не казни меня, Маша!
Останься!..» И снова молилъ горячо...
Богъ знаетъ, какъ я устояла!
Припавъ головою къ нему на плечо,
— «Поѣду!» я тихо сказала...
«Посмотримъ!.. И вдругъ распрямился старикъ,
Глаза его гнѣвомъ сверкали:
«Одно повторяетъ твой глупый языкъ:
Поѣду! Сказать не пора-ли,
Куда и зачѣмъ? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умѣетъ-ли думать твоя голова?
Врагами ты, что-ли, считаешь
И мать, и отца? Или глупы они...
Что споришь ты съ ними, какъ съ ровней?
Поглубже ты въ сердце свое загляни,
Впередъ посмотри хладнокровнѣй,
Подумай!.. Я завтра увижусь съ тобой...»
Ушелъ онъ, грозящій и гнѣвный.
А я, чуть жива, предъ иконой святой
Упала — въ истомѣ душевной...
«Подумай!..» Я цѣлую ночь не спала,
Молилась и плакала много;
Я Божію Матерь на помощь звала,
Совѣта просила у Бога,
Я думать училась: отецъ приказалъ
Подумать... нелегкое дѣло!
Давно-ли онъ думалъ за насъ — и рѣшалъ.
И жизнь наша мирно летѣла?
Училась я много; на трехъ языкахъ
Читала. Замѣтна была я
Въ парадныхъ гостиныхъ, на свѣтскихъ балахъ.
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всемъ,
Я музыку знала, я пѣла,
Я даже отлично скакала верхомъ,

Но думать совсѣмъ не умѣла.
Я только въ послѣдній двадцатый мой
годъ
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да въ дѣтствѣ, бывало, сердечко
вздрогнетъ,
Какъ грянетъ нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отецъ
Со мной не говаривалъ строго;
Осьмнадцати лѣтъ я пошла подъ вѣ-
нецъ
И тоже не думала много...
Въ послѣднее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвѣстность томила сперва;
Когда-же бѣду я узнала,
Безсмѣнно стоялъ предо мною Сергѣй,
Тюрьмою измученный, блѣдный,
И много невѣдомыхъ прежде страстей
Посѣялъ въ душѣ моей бѣдной.
Я все испытала, а больше всего
Жестокое чувство безсилья.
Я небо и сильныхъ людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнѣвъ мою душу больную палилъ,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала... но не было
силъ,
Ни времени думать спокойно.
Теперь непремѣнно я думать должна—
Отцу моему такъ угодно,
Пусть воля моя неизмѣнно одна,
Пусть всякая дума безплодна,
Я честно исполнить отцовскій приказъ
Рѣшилась, мои дорогіе.
Старикъ говорилъ: «Ты подумай о
насъ,
Мы люди тебѣ не чужіе:
И мать, и отца, и дитя, наконецъ,—
Ты всѣхъ безразсудно бросаешь,
За что-же?—Я долгъ исполняю, отецъ!
— «За что ты себя обрекаешь
На муку?»—Не буду я мучиться тамъ!
Здѣсь ждетъ меня страшная мука.
Да, если останусь, послушная вамъ,—
Меня истерзаетъ разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днемъ,
Рыдая надъ бѣднымъ сироткой,
Все буду я думать о мужѣ моемъ,
Да слышать упрекъ его кроткій.
Куда ни пойду я, — на лицахъ людей
Я свой приговоръ прочитаю:
Въ ихъ шопотѣ — повѣсть измѣны
моей,
Въ улыбкѣ — укоръ угадаю:
Что мѣсто мое не на пышномъ балу,
А въ дальней пустыни угрюмой,
Гдѣ узникъ усталый въ тюремномъ
углу
Терзается лютою думой
Одинъ... безъ опоры... Скорѣе къ нему!
Тамъ только вздохну я свободно.
Дѣлила съ нимъ радость, дѣлить и
тюрьму
Должна я... Такъ небу угодно!..
Простите, родные! Мнѣ сердце давно
Мое подсказало рѣшенье,
И вѣрю я твердо: отъ Бога оно!
А въ васъ говоритъ — сожалѣнье.
Да, ежели выборъ рѣшить я должна
Межъ мужемъ и сыномъ — не болѣ,
Иду я туда, гдѣ я больше нужна,
Иду я къ тому, кто въ неволѣ!
Я сына оставлю въ семействѣ родномъ,
Онъ скоро меня позабудетъ.
Пусть дѣдушка будетъ малюткѣ от-
цомъ.
Сестра ему матерью будетъ.
Онъ такъ еще малъ! А когда подро-
стетъ
И страшную тайну узнаетъ,
Я вѣрю: онъ матери чувство пойметъ
И въ сердцѣ ее оправдаетъ!
Но если останусь я съ нимъ... и по-
томъ
Онъ тайну узнаетъ и спроситъ:
«Зачѣмъ не пошла ты за бѣднымъ
отцомъ?»
И слово укора мнѣ броситъ?
О, лучше въ могилу мнѣ заживо лечь,
Чѣмъ мужа лишить утѣшенья
И въ будущемъ сына презрѣнье на-
влечь...
Нѣтъ, нѣтъ! не хочу я презрѣнья!..
Отецъ! ты не знаешь, какъ дорогъ
онъ мнѣ!
Его предъ полкомъ я видала;
Въ блестящемъ нарядѣ, на гордомъ
конѣ,
Его предъ полкомъ я видала:
О подвигахъ жизни его боевой
Разсказы товарищей боя

Я слушала жадно — и всею душой
Я въ немъ полюбила героя...
Позднѣе, я въ немъ полюбила отца
Малютки, рожденнаго мною.
Разлука тянулась межъ тѣмъ безъ конца.
Онъ твердо стоялъ подъ грозою...
Вы знаете, гдѣ мы увидѣлись вновь —
Судьба свою волю творила! —
Послѣднюю, лучшую сердца любовь
Въ тюрьмѣ я ему подарила!
Напрасно чернила его клевета, —
Онъ былъ безупречнѣй, чѣмъ прежде,
И я полюбила его, какъ Христа...
Въ своей арестантской одеждѣ
Теперь онъ безсмѣнно стоитъ предо мной,
Величіемъ кроткимъ сіяя;
Терновый вѣнецъ надъ его головой,
Но взорѣ — любовь неземная...
Отецъ мой! должна я увидѣть его...
Умру я, тоскуя по мужѣ...
Ты, долгу служа, не щадилъ ничего,
И насъ научилъ ты тому-же...
Герой, выводившій своихъ сыновей
Туда, гдѣ смертельнѣй сраженье, —
Не вѣрю, чтобъ дочери бѣдной своей
Ты самъ не одобрилъ рѣшенье!

Княгиня рѣшила ѣхать, простилась съ ребенкомъ, роднымм и отправилась въ путь. Въ Москвѣ кн. Зинаида Волконская въ ея честь устроила вечеръ.

И сдѣлалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадныя, цугомъ, кареты
Гремѣли; напудривъ свои парики,
Потемкину ровня по лѣтамъ,
Явились былые тузы-старики
Съ отмѣнно-учтивымъ привѣтомъ;
Старушки, статсъ-дамы былого двора,
Въ объятья меня заключали:
«Какое геройство!.. Какая пора!..»
И въ тактъ головами качали.
Ну, словомъ, что было въ Москвѣ повиднѣй,
Что въ ней мимоѣздомъ гостило,
Все вечеромъ съѣхалось къ Зинѣ моей:
Артистовъ тутъ множество было,
Пѣвцовъ-итальянцевъ тутъ слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тутъ были, печалью убиты,
Тутъ были родные ушедшихъ туда,
Куда я сама торопилась.
Писателей группа, любимыхъ тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тутъ былъ и Одоевскій, Вяземскій; былъ
Поэтъ вдохновенный и милый,
Поклонникъ кузины, что рано почилъ,
Безвременно взятый могилой...
И Пушкинъ тутъ былъ... Я узнала его...
Онъ другомъ былъ нашего дѣтства,
Въ Юрзуфѣ онъ жилъ у отца моего.
Въ ту пору проказъ и кокетства
Смѣялись, болтали мы, бѣгали съ нимъ,
Бросали другъ въ друга цвѣтами.
Все наше семейство поѣхало въ Крымъ
И Пушкинъ отправился съ нами.
Мы ѣхали весело. Вотъ, наконецъ,
И горы, и Черное море!
Велѣлъ постоять экипажамъ отецъ,
Гуляли мы тутъ на просторѣ.
Тогда уже былъ мнѣ шестнадцатый годъ.
Гибка, высока не по лѣтамъ,
Покинувъ семью я стрѣлою впередъ
Умчалась съ курчавымъ поэтомъ;
Безъ шляпки, съ распущенной длинной косой,
Полуденнымъ солнцемъ палима,
Я къ морю летѣла, — и былъ предо мной
Видъ южнаго берега Крыма!
Я радостнымъ взоромъ глядѣла кругомъ,
Я прыгала, съ моремъ играла;
Когда удалялся приливъ, я бѣгомъ
До самой воды добѣгала,
Когда же приливъ возвращался опять
И волны грядой подступали,
Отъ нихъ я спѣшила назадъ убѣжать,
А волны меня настигали!..
И Пушкинъ смотрѣлъ... и смѣялся, что я
Ботинки мои промочила.
«Молчите! идетъ гувернантка моя!»
Сказала я строго... (Я скрыла,
Что ноги промокли)... Потомъ я прочла

Въ «Онѣгинѣ» чудныя строки.
Я вспыхнула вся — я довольна была...
Теперь я стара, такъ далеки
Тѣ красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкинъ въ то время казался
Влюбленнымъ въ меня... но, по правдѣ сказать,
Въ кого онъ тогда не влюблялся!
Но, думаю, онъ не любилъ никого
Тогда, кромѣ Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ея и печали...
Юрзуфъ живописенъ: въ роскошныхъ садахъ
Долины его потонули,
У ногъ его море, вдали Аюдагъ...
Татарскія хижины льнули
Къ подножію скалъ; виноградъ выбѣгалъ
На кручу лозой отягченной,
И тополь мѣстами недвижно стоялъ
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли домъ подъ нависшей скалой,
Поэтъ наверху пріютился;
Онъ намъ говорилъ, что доволенъ судьбой,
Что въ море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по днямъ
И были всегда одиноки;
Онъ у моря часто бродилъ по ночамъ.
По-англійски бралъ онъ уроки
У Лены, сестры моей: Байронъ тогда
Его занималъ чрезвычайно.
Случалось сестрѣ перевесть иногда
Изъ Байрона что-нибудь — тайно:
Она мнѣ читала попытки свои,
А послѣ рвала и бросала.
По Пушкину кто-то сказалъ изъ семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэтъ подобралъ лоскутки подъ окномъ
И вывелъ все дѣло на сцену.
Хваля переводы, онъ долго потомъ
Конфузилъ несчастную Лену...
Окончивъ занятья, спускался онъ внизъ
И съ нами дѣлился досугомъ;
У самой террасы стоялъ кипарисъ:
Поэтъ называлъ его другомъ,
Подъ нимъ заставалъ его часто разсвѣтъ,
Онъ съ нимъ, уѣзжая, прощался...
И мнѣ говорили, что Пушкина слѣдъ
Въ туземной легендѣ остался:
«Къ поэту леталъ соловей по ночамъ,
Какъ въ небо луна выплывала,
И вмѣстѣ съ поэтомъ онъ пѣлъ — и, пѣвцамъ
Внимая, природа смолкала!
Потомъ соловей — повѣствуетъ народъ —
Леталъ сюда каждое лѣто:
И свищетъ, и плачетъ, и словно зоветъ
Къ забытому другу поэта!
Но умеръ поэтъ... Прилетать пересталъ
Пернатый пѣвецъ... Полный горя,
Съ тѣхъ поръ кипарисъ сиротою стоялъ,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкинъ надолго прославилъ его:
Туристы его навѣщаютъ,
Садятся подъ нимъ и на память съ него
Душистыя вѣтки срываютъ...
Печальна была наша встрѣча. Поэтъ
Подавленъ былъ истиннымъ горемъ.
Припомнилъ онъ игры ребяческихъ лѣтъ
Въ далекомъ Юрзуфѣ, надъ моремъ.
Покинувъ привычный насмѣшливый тонъ,
Съ любовью, съ тоской безконечной,
Съ участіемъ брата напутствовалъ онъ
Подругу той жизни безпечной!
Со мной онъ по комнатѣ долго ходилъ,
Судьбой озабоченъ моею,
Я помню, родные, что онъ говорилъ,
Да такъ передать не сумѣю:
«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смѣлымъ терпѣньемъ богаты;
Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
Пусть васъ не смущаютъ утраты!
Повѣрьте, душевной такой чистоты
Не стоитъ сей свѣтъ ненавистный!
Блаженъ, кто мѣняетъ его суеты
На подвигъ любви безкорыстной!
Что свѣтъ? опостылѣвшій всѣмъ маскарадъ!

Въ немъ сердце черствѣетъ и дремлетъ,
Въ немъ царствуетъ вѣчный, разсчитанный хладъ
И пылкую правду объемлетъ...
Вражда умирится вліяньемъ годовъ,
Предъ временемъ рухнетъ преграда
И вамъ возвратятся пенаты отцовъ
И сѣни домашняго сада!
Цѣлебно вольется въ усталую грудь
Долины наслѣдственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.
«Да, вѣрю! не долго вамъ горе терпѣть,
Гнѣвъ царскій не будетъ же вѣчнымъ...
Но если придется въ степи умереть,
Помянутъ васъ словомъ сердечнымъ:
Плѣнителенъ образъ отважной жены,
Явившей душевную силу,
И въ снѣжныхъ пустыняхъ суровой страны
Сокрывшейся рано въ могилу!
Умрете, но вашихъ страданій разсказъ
Поймется живыми сердцами,
И за-полночь правнуки ваши о васъ
Бесѣды не кончатъ съ друзьями.
Они имъ покажутъ, вздохнувъ отъ души,
Черты незабвенныя ваши,
И въ память прабабки, погибшей въ глуши,
Осушатся полныя чаши!

. . . .

Но что я? Дай Богъ вамъ здоровья и силъ!
А тамъ и увидѣться можно:
Мнѣ царь «Пугачева» писать поручилъ,
Пугачъ меня мучитъ безбожно,
Расправиться съ нимъ я на славу хочу,
Мнѣ быть на Уралѣ придется...
Поѣду весной, поскорѣй захвачу
Что путнаго тамъ соберется,
Да къ вамъ и махну, переѣхавъ Уралъ...»
Поэтъ написалъ «Пугачева»,
Но въ дальніе наши снѣга не попалъ:
Какъ могъ онъ сдержать это слово?

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пѣнію жадно внимала;
Сама я не пѣла — была я больна,
Я только другихъ умоляла:
«Подумайте: я уѣзжаю съ зарей...
О, пойте же, пойте! играйте!..
Ни музыки я не услышу такой,
Ни пѣсни... Наслушаться дайте!..»
И чудные звуки лились безъ конца!
Торжественной пѣсней прощальной
Окончился вечеръ — не помню лица
Безъ грусти, безъ думы печальной!
Черты неподвижныхъ, суровыхъ старухъ
Утратили холодъ надменный,
И взоръ, что, казалось, на-вѣки потухъ,
Свѣтился слезой умиленной...
Артисты старались себя превзойти:
Не знаю я пѣсни прелестнѣй
Той пѣсни-молитвы о добромъ пути,
Той благословляющей пѣсни...
О, какъ вдохновенно играли они!
Какъ пѣли!.. и плакали сами...
И каждый сказалъ мнѣ: «Господь Васъ храни!»
Прощаясь со мной со слезами...

После долгаго пути, княгиня достигла цѣли своего путешествія. Она проникла даже въ шахту, гдѣ работалъ ея мужъ.

И словно подъ землю ведущую дверь
Увидѣла я — и солдата.
Сурово смотрѣлъ часовой — на-голо
Въ рукѣ его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здѣсь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть можетъ, вамъ хочется дальше читать,
Да просится слово изъ груди!
Помедлимъ немного. Хочу я сказать
Спасибо вамъ, русскіе люди!
Въ дорогѣ, въ изгнаньи, гдѣ я ни была,
Все трудное каторги время —
Народъ! я бодрѣе съ тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебѣ пало на часть, —
Ты дѣлишь чужія печали,
И гдѣ мои слезы готовы упасть,
Твои ужъ давно тамъ упали!..

Ты любишь несчастнаго, русскій народъ!
Страданія насъ породнили...
«Васъ въ каторгѣ самый законъ не спасетъ!»
На родинѣ мнѣ говорили;
Но добрыхъ людей я встрѣчала и тамъ,
На крайней ступени паденья,
Умѣли по-своему выразить намъ
Преступники дань уваженья;
Меня съ неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встрѣчали:
«Вы — ангелы наши!» За нашихъ мужей
Уроки они исполняли.
Не разъ мнѣ украдкой давалъ изъ полы
Картофель колодникъ клейменый:
«Покушай! горячій, сейчасъ изъ золы!»
Хорошъ былъ картофель печеный,
Но грудь и теперь занываетъ съ тоски,
Когда я о немъ вспоминаю...
Примите мой низкій поклонъ, бѣдняки!
Спасибо вамъ всѣмъ посылаю!
Спасибо!.. Считали свой трудъ ни во что
Для насъ эти люди простые,
Но горечи въ чашу не подлилъ никто,
Никто — изъ народа, родные!..
И стало, родные, свѣтлѣй и свѣтлѣй!
Увидѣла я возвышенье:
Какая-то площадь... и тѣни на ней...
Чу... молотъ! работа, движенье...
Тамъ люди! Увидятъ-ли только они?
Фигуры отчетливѣй стали!..
Вотъ ближе! сильнѣй замелькали огни...
Должно быть, меня увидали...
И кто-то, стоявшій на самомъ краю,
Воскликнулъ: «Не ангелъ-ли Божій?
Смотрите, смотрите!» — Вѣдь мы не въ раю!
Проклятая шахта похожей
На адъ! — говорили другіе, смѣясь,
И быстро на край выбѣгали,
И я приближалась поспѣшно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.
— Волконская, — вдругъ закричалъ Трубецкой
(Узнала я голосъ). Спустили
Мнѣ лѣстницу; я поднялася стрѣлой!
Все люди знакомые были:
Сергѣй Трубецкой, Артамонъ Муравьевъ,
Борисовы, князь Оболенскій...
Потокомъ сердечныхъ восторженныхъ словъ,
Похвалъ моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицамъ ихъ, полнымъ участья..
Но гдѣ-же Сергѣй мой? «За нимъ ужъ пошли,
Не умеръ-бы только отъ счастья!
Кончаетъ урокъ: по три пуда руды
Мы въ день достаемъ для Россіи,
Какъ видите, насъ не убили труды!»
Веселые были такіе,
Шутили, но я подъ веселостью ихъ
Печальную повѣсть читала
(Мнѣ новостью были оковы на нихъ,
Что ихъ закуютъ — я не знала)...
Извѣстьемъ о Катѣ, о милой женѣ,
Утѣшила я Трубецкого;
Всѣ письма, по счастію, были при мнѣ,
Съ привѣтомъ изъ края родного;
Спѣшила я ихъ передать.
Вдругъ кто-то воскликнулъ: «идетъ онъ! идетъ!»
Окинувъ пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись впередъ —
Канава была передъ нами.
«Потише, потише! Ужели затѣмъ
Вы тысячи верстъ пролетѣли, —
Сказалъ Трубецкой, — чтобъ на горе намъ всѣмъ
Въ канавѣ погибнуть — у цѣли?»
И за руку крѣпко меня онъ держалъ:
«Что-бъ было когда-бъ вы упали?»
Сергѣй торопился, но тихо шагалъ;
Оковы уныло звучали.
Предъ нимъ разступались, молчанье храня,
Рабочіе люди и стража...
И вотъ, онъ увидѣлъ, увидѣлъ меня!
И руки простеръ ко мнѣ: «Маша!»
И сталъ, обезсиленный словно вдали...
Два ссыльныхъ его поддержали.

По блѣднымъ щекамъ его слезы текли,
Простертыя руки дрожали...
Душѣ моей милаго голоса звукъ
Мгновенно послалъ обновленье,
Отраду, надежду, забвенiе мукъ,
Отцовской угрозы забвенье!
И съ крикомъ: «иду» я бѣжала бѣгомъ,
Рванувъ неожиданно руку,
По узкой доскѣ надъ зiяющимъ рвомъ
На встрѣчу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мнѣ ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я подбѣжала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
И только теперь, въ рудникѣ роковомъ,
Услышавъ ужасные звуки,
Увидѣвъ оковы на мужѣ моемъ,
Вполнѣ поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!
Невольно предъ нимъ я склонила
Колѣни, — и прежде чѣмъ мужа обнять,
Оковы къ губамъ приложила!..
И тихаго ангела Богъ ниспослалъ
Въ подземныя копи, — въ мгновенье
И говоръ, и грохотъ работъ замолчалъ,
И замерло словно движенье.
Чужiе, свои — со слезами въ глазахъ,
Взволнованы, блѣдны, суровы
Стояли кругомъ. На недвижныхъ ногахъ
Не издали звука оковы,
И въ воздухѣ поднятый молотъ застылъ...
Все тихо — ни пѣсни, ни рѣчи...
Казалось, что каждый здѣсь съ нами дѣлилъ
И горечь, и счастiе встрѣчи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна...

Гр. А. Толстой.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Тщетно, художникъ, ты мнишь, что творенiй своихъ ты создатель:
Вѣчно носились они надъ землею, незримыя оку,
Нѣтъ, то не Фидiй воздвигъ Олимпiйскаго славнаго Зевса!
Фидiй-ли выдумалъ это чело, эту львиную гриву,
Ласковый, царственный взоръ изъ мрака бровей громоносныхъ?
Нѣтъ, то не Гете великаго Фауста создалъ, который,
Въ древне-германской одеждѣ, но въ правдѣ глубокой, вселенской,
Съ образомъ сходенъ предвѣчнымъ своимъ отъ слова до слова!
Или Бетховенъ, когда находилъ онъ свой маршъ похоронный,
Бралъ изъ себя этотъ рядъ раздирающихъ сердце аккордовъ,
Плачъ неутѣшной души надъ погибшей великою мыслью,
Рушенiе свѣтлыхъ мiровъ въ безнадежную бездну хаоса?
Нѣтъ, эти звуки рыдали всегда въ безпредѣльномъ пространствѣ,
Онъ же, глухой для земли, неземныя подслушалъ рыданья!
Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и неслышимыхъ звуковъ,
Много чудесныхъ въ немъ есть сочетанiй и слова и свѣта,
Но передастъ ихъ лишь тотъ, кто умѣетъ и видѣть и слышать.
Кто, уловивъ лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,
Цѣлое съ нимъ вовлекаетъ созданье въ мiръ удивленный.
О, окружи себя мракомъ, поэтъ, окружися молчаньемъ.
Будь одинокъ и слѣпъ, какъ Гомеръ, и глухъ, какъ Бетховенъ,
Слухъ-же душевный сильнѣй напрягай и душевное зрѣнье,
И, какъ надъ пламенемъ грамоты тайной безцвѣтныя строки
Вдругъ выступаютъ, такъ выступятъ вдругъ предъ тобою картины,
Выйдутъ изъ мрака все ярче цвѣта, осязательнѣй формы,
Стройныя словъ сочетанья въ ясномъ сплетутся значеньи.
Ты-жъ въ этотъ мигъ и внимай, и гляди, притаивши дыханье,
И, созидая потомъ, мимолетное помни видѣнье...

Іоаннъ Дамаскинъ.

I.

Любимъ калифомъ Іоаннъ, —
Ему, что день, почетъ и ласка;
Къ дѣламъ правленiя призванъ
Лишь онъ одинъ изъ христiанъ
Порабощеннаго Дамаска.
Его поставилъ властелинъ
И судъ рядить, и править градомъ,
Онъ съ нимъ бесѣдуетъ одинъ,
Онъ съ нимъ сидитъ въ совѣтѣ рядомъ;
Окружены его дворцы
Благоуханными садами,

Лазурью блещутъ изразцы,
Убраны стѣны янтарями;
Въ полдневный зной пріютъ и тѣнь
Даютъ навѣсы шелкомъ тканы,
Въ узорныхъ баняхъ ночь и день
Шумятъ студеные фонтаны.

Но отъ него бѣжитъ покой,
Онъ бродитъ сумраченъ; не той
Онъ прежде мнилъ идти дорогой;
Онъ счастливъ былъ-бы и убогій,
Когда-бъ онъ могъ въ тиши лѣсной,
Въ глухой степи, въ уединеньи,
Двора волненіе забыть
И жизнь смиренно посвятить
Труду, молитвѣ, пѣснопѣнью.

И раздавался ужъ не разъ
Его краснорѣчивый гласъ
Противу ереси безумной,
Что на искусство поднялась
Грозой неистовой и шумной.
Упорно съ ней боролся онъ.
И отъ Дамаска до Царьграда
Былъ, какъ боецъ за честь иконъ
И какъ художества ограда,
Давно извѣстенъ и почтенъ.

Но шумъ и блескъ его тревожатъ,
Ужиться съ ними онъ не можетъ,
И тяжкой думой обуянъ,
Тоска въ душѣ и скорбь на ликѣ,
Вошелъ правитель Іоаннъ
Въ чертогъ Дамасскаго владыки:
«О, государь, внемли: мой санъ,
Величье, пышность, власть и сила —
Все мнѣ несносно, все постыло!
Инымъ призваніемъ влекомъ,
Я не могу народомъ править:
Простымъ рожденъ я быть пѣвцомъ,
Глаголомъ вольнымъ Бога славить.
Въ толпѣ вельможъ всегда одинъ,
Мученья полонъ я и скуки;
Среди пировъ, въ главѣ дружинъ,
Иные слышатся мнѣ звуки.
Неодолимый ихъ призывъ
Къ себѣ влечетъ меня все болѣ —
О, отпусти меня калифъ,
Дозволь дышать и пѣть на волѣ!»

И тотъ просящему въ отвѣтъ:
«Возвеселись, мой рабъ любимый!
Печали вѣчной въ мірѣ нѣтъ,
И нѣтъ тоски неизлѣчимой.
Твоею мудростью одной
Кругомъ Дамаскъ могучъ и славенъ;
Кто нынѣ намъ величьемъ равенъ
И кто дерзнетъ на насъ войной?
А я возвышу жребій твой —
Не даромъ я окрестъ державенъ —
Ты примешь чести торжество,
Ты будешь мнѣ мой братъ единый:
Возьми полцарства моего,
Лишь правь другою половиной!»

Къ нему пѣвецъ: «Твой щедрый
даръ,
О, государь, пѣвцу не нуженъ;
Съ иною силою онъ друженъ;
Въ его груди пылаетъ жаръ,
Которымъ зиждется созданье;
Служить Творцу — его призванье;
Его души незримый міръ
Престоловъ выше и порфиръ —
Онъ не измѣнитъ, не обманетъ —
Все, что другихъ влечетъ и манитъ:
Богатство, сила, слава, честь,
Все въ мірѣ томъ въ избыткѣ есть;
А всѣ сокровища природы:
Степей безбережный просторъ,
Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
И моря пѣнистыя воды,
Земля, и солнце, и луна,
И всѣхъ созвѣздій хороводы,
И синей тверди глубина —
То все одно лишь отраженье,
Лишь тѣнь таинственныхъ красотъ,
Которыхъ вѣчное видѣнье
Въ душѣ избранника живетъ.
О, вѣрь, ничѣмъ тотъ неподкупенъ,
Кому сей чудный міръ доступенъ,
Кому Господь дозволилъ взглядъ
Въ то сокровенное горнило,
Гдѣ первообразы кипятъ,
Трепещутъ творческія силы.
То ихъ торжественный приливъ
Звучитъ пѣвцу въ его глаголѣ —
О, отпусти меня, калифъ,
Дозволь дышать и пѣть на волѣ!»

И рекъ калифъ: «Въ твоей груди
Не властенъ я сдержать желанье:
Пѣвецъ, свободенъ ты, иди,
Куда влечетъ тебя призванье!»

Онъ уходитъ въ пустыню.

II.

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ краю и до краю,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду!
О, еслибъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить;
О, еслибъ могъ въ мои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!
Какъ горней бури приближенье,
Какъ натискъ пѣнящихся водъ,
Теперь въ груди моей растетъ
Святая сила вдохновенья.
Ужъ на устахъ дрожитъ хвала
Всему что̀ благо и достойно —
Какія-жъ мнѣ воспѣть дѣла,
Какія битвы или войны?
Гдѣ я для дара моего
Найду высокую задачу,
Чье передамъ я торжество,
Иль чье паденіе оплачу?
Блаженъ, кто рядомъ славныхъ дѣлъ
Свой вѣкъ украсилъ быстротечный,
Блаженъ, кто жизнію умѣлъ
Хоть разъ коснуться правды вѣчной;
Блаженъ, кто истину искалъ,
И тотъ, кто, побѣжденный, палъ
Въ толпѣ ничтожной и холодной,
Какъ жертва мысли благородной!
Но не для нихъ моя хвала,
Не имъ восторга изліянья —
Мечта для пѣсенъ избрала
Не ихъ высокія дѣянья,
И не въ вѣнцѣ сіяетъ Онъ,
Къ кому душа моя стремится;
Не блескомъ славы окруженъ,
Не на звенящей колесницѣ
Стоитъ Онъ, гордый сынъ побѣдъ,
Не въ торжествѣ величья — нѣтъ —
Я зрю Его передо мною
Съ толпою бѣдныхъ рыбаковъ,
Онъ тихо, мирною стезею,
Идетъ межъ зрѣющихъ хлѣбовъ;
Благихъ рѣчей Своихъ отраду
Въ сердца простыя Онъ ліетъ,
Онъ правды алчущее стадо
Къ ея источнику ведетъ.
Зачѣмъ не въ то рожденъ я время,
Когда межъ нами, во плоти,
Неся мучительное бремя,
Онъ шелъ на жизненномъ пути!
Зачѣмъ я не могу нести,
О, мой Господь, Твои оковы,
Твоимъ страданіемъ страдать
И крестъ на плечи Твой пріять,
И на главу вѣнецъ терновый!
О, еслибъ могъ я лобызать
Лишь край святой Твоей одежды,
Лишь пыльный слѣдъ твоихъ шаговъ!
О, мой Господь, моя надежда,
Моя и сила, и покровъ!
Тебѣ хочу я всѣ мышленья,
Тебѣ всѣхъ пѣсней благодать,
И думы дня, и ночи бдѣнья,
И сердца каждое біенье,
И душу всю мою отдать!
Не отверзайтесь для другого
Отнынѣ, вѣщія уста!
Греми лишь именемъ Христа,
Мое восторженное слово!

. . . .

IV.

— «Отшельники Кедронскаго потока,
Игуменъ васъ сзываетъ на совѣтъ.
Сбирайтесь всѣ: пришедшій издалека,
Вамъ новый братъ приноситъ свой привѣтъ.
Велики въ немъ и вѣра, и призианье, —
Но долженъ онъ пройти чрезъ испытанье.
Изъ васъ его вручаю одному:
Онъ тотъ пѣвецъ, межъ всѣми знаменитый,
Что̀ разогналъ иконоборства тьму,
Чьимъ словомъ ложь попрана и разбита,
То Іоаннъ, святыхъ иконъ защита —
Кто хочетъ быть наставникомъ ему?»
И лишь назвалъ игуменъ это имя,
Заволновался весь монаховъ рядъ,

И на пѣвца дивятся и глядятъ,
И пробѣгаетъ шопотъ между ними.
Главами всѣ поникнувши сѣдыми,
Съ смиреніемъ игумну говорятъ:
«Благословенъ сей славный Божій воинъ,
Благословенъ межъ насъ его приходъ;
Но кто-же здѣсь учить того достоинъ,
Кто правды свѣтъ вокругъ себя ліетъ?
Чье слово намъ какъ колоколъ звучало —
Того-ль пріять дерзнемъ мы подъ начало?»
Тутъ изъ толпы одинъ выходитъ братъ;
То чернорizецъ былъ на видъ суровый,
И строгъ его пытующій былъ взглядъ,
И строгое пѣвцу онъ молвилъ слово:
«Держать посты уставы намъ велятъ,
Служенья-жъ мы не вѣдаемъ иного,
Коль подъ моимъ началомъ хочешь быть,
Тебѣ согласенъ дать я наставленье,
Но долженъ ты отнынѣ отложить
Ненужныхъ думъ безплодное броженье;
Духъ праздности и прелесть пѣснопѣнья
Постомъ, пѣвецъ, ты долженъ побѣдить.
Коль ты пришелъ отшельникомъ въ пустыню,
Умѣй мечты житейскія попрать,
И на уста, смиривъ свою гордыню,
Ты наложи молчанія печать;
Исполни духъ молитвой и печалью —
Вотъ мой уставъ тебѣ въ новоначалье!»

Смущенный пѣвецъ видитъ въ этомъ отреченіи отъ пѣснопѣній ту жертву, которую онъ долженъ принести.

«Такъ вотъ гдѣ ты таилось, отреченье,
Что̀ я не разъ въ молитвахъ обѣщалъ!
Моей отрадой было пѣснопѣнье,
И въ жертву ты, Господь, его избралъ!
Настаньте-жъ дни молчанія и муки!
Прости, мой даръ! Ложись на гусли, прахъ!
А вы, въ груди взлелѣянные звуки,
Замрите всѣ на трепетныхъ устахъ!
Спустися, ночь, на горестнаго брата
И тьмой его отъ солнца отлучи!
Померкните, затмитесь безъ возврата,
Моихъ псалмовъ звенящіе лучи!
Погибни, жизнь! Погасни, огнь алтарный!
Уймись во мнѣ, взволнованная кровь!
Свѣти лишь ты, небесная любовь,
Въ моей ночи звѣздою лучезарной!
О, мой Господь, прости послѣдній стонъ,
Послѣдній сердца страждущаго ропотъ!
Единый мигъ — замреть и этотъ шопотъ,
И встану я, Тобою возрожденъ!
Свершилось. Мрака набѣгаютъ волны —
Взоръ гаснетъ — стынетъ кровь — всему конецъ!
Изъ міра звуковъ нынѣ въ міръ безмолвный
Нисходитъ къ вамъ развѣнчанный пѣвецъ!»

Прошло много лѣтъ. Іоаннъ соблюдалъ обѣтъ. Однажды къ нему пришелъ монахъ и сталъ просить, чтобы онъ сочинилъ пѣснь на смерть брата—пѣснь, отъ которой смягчилась-бы его тоска. Долго отказывался Іоаннъ, наконецъ уступилъ.

Собственной полонъ печали, пѣвецъ далъ жалости мѣсто;
Черною тучей тогда на него низошло вдохновенье,
Образы мрачной явились толпой, и въ воздухѣ звуки
Стали надгробное мѣрно гласить надъ усопшимъ рыданье.
Слушалъ пѣвецъ, наклонивши главу, то незримое пѣнье,
Долго слушалъ, и всталъ, и съ молитвой вошедши въ пещеру,
Тамъ послушной рукой начерталъ, что ему прозвучало —
Такъ былъ нарушенъ уставъ, такъ прервано было молчанье.

* *
*

Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ!
Ужели вправду мнилъ ты, близорукій,
Сковать свои мечты?
Ужель попрать въ себѣ живые звуки
Насильно думалъ ты?
Съ Ливанскихъ горъ, гдѣ, въ высотѣ лазурной,
Бѣлѣетъ дальній снѣгъ,
Въ просторъ степей стремяся, вѣтеръ бурный
Удержитъ-ли свой бѣгъ?
И потекутъ-ли вспять струи потока,
Что между скалъ гремятъ?
И солнце тамъ, поднявшись отъ востока,
Вернется-ли назадъ?

* *
*

Колоколовъ унылый звонъ
Съ утра долину оглашаетъ;
Покойникъ въ церковь принесенъ;
Обрядъ печальный похоронъ
Соборъ отшельниковъ свершаетъ.
Свѣчами свѣтится алтарь,
Стоитъ пѣвецъ съ поникшимъ взоромъ,
Поетъ напутственный тропарь,
Ему монахи вторятъ хоромъ.

Тропарь.

«Какая сладость въ жизни сей
Земной печали непричастна?
Чье ожиданье не напрасно,
И гдѣ счастливый межъ людей?
Все то превратно, все ничтожно,
Что̀ мы съ трудомъ пріобрѣли —
Какая слава на земли
Стоитъ тверда и непреложна?
Все пепелъ, призракъ, тѣнь и дымъ,
Исчезнетъ все, какъ вихорь пыльный,
И передъ смертью мы стоимъ
И безоружны, и безсильны.
Рука могучаго слаба,
Ничтожны царскія велѣнья —
Прими усопшаго раба,
Господь, въ блаженныя селенья!
Какъ ярый витязь смерть нашла,
Меня, какъ хищникъ, низложила,
Свой зѣвъ разинула могила
И все житейское взяла.
Спасайтесь, сродники и чада,
Изъ гроба къ вамъ взываю я,
Спасайтесь, братья и друзья,
Да не узрите пламень ада!
Вся жизнь есть царство суеты,
И, дуновенье смерти чуя,
Мы увядаемъ, какъ цвѣты —
Почто-же мы метемся всуе?
Престолы наши суть гроба,
Чертоги наши разрушенье —
Пріими усопшаго раба,
Господь, въ блаженныя селенья!
Средь груды тлѣющихъ костей
Кто царь, кто рабъ, судья, иль воинъ?
Кто царства Божія достоинъ,
И кто отверженный злодѣй?
О, братья, гдѣ сребро и злато,
Гдѣ сонмы многіе рабовъ?
Среди невѣдомыхъ гробовъ
Кто есть убогій, кто богатый?
Все пепелъ, дымъ, и пыль, и прахъ,
Все призракъ, тѣнь и привидѣнье —
Лишь у Тебя, на небесахъ,
Господь, и пристань, и спасенье!
Исчезнетъ все, что̀ было плоть,
Величье наше будетъ тлѣнье —
Пріими усопшаго, Господь,
Въ Твои блаженныя селенья!
И ты, предстательница всѣмъ,
И Ты, заступница скорбящимъ,
Къ тебѣ о братѣ, здѣсь лежащемъ,
Къ Тебѣ, Святая, вопіемъ!
Моли божественнаго Сына,
Его, Пречистая, моли,
Дабы отжившій на земли
Оставилъ здѣсь свои кручины!
Все пепелъ, прахъ, и дымъ, и тѣнь,
О, други, призраку не вѣрьте!
Когда дохнетъ въ нежданный день
Дыханье тлительное смерти,

Мы всѣ поляжемъ какъ хлѣба,
Серпомъ подрѣзанные въ нивахъ —
Пріими усопшаго раба,
Господь, въ селеніяхъ счастливыхъ!

Иду въ незнаемый я путь.
Иду межъ страха и надежды;
Мой взоръ угасъ, остыла грудь,
Не внемлетъ слухъ, сомкнуты вѣжды,
Лежу безгласенъ, недвижимъ,
Не слышу братскаго рыданья,
И отъ кадила синій дымъ
Не мнѣ струитъ благоуханье;
Но вѣчнымъ сномъ пока я сплю,
Моя любовь не умираетъ,
И сею, братья, васъ молю,
Да каждый къ Господу взываетъ:
Господь! Въ тотъ день, когда труба
Вострубитъ міра преставленье —
Пріими усопшаго раба
Въ Твои блаженныя селенья!»

Старецъ, запретивши Іоанну пѣснопѣнье, изгналъ его изъ монастыря. Ночью онъ увидалъ видѣнье.

Разверзся вдругъ утесовъ сводъ,
И разлилось благоуханье,
И отъ невидимыхъ высотъ
Въ пещеру падаетъ сіянье.
И въ трепетныхъ его лучахъ,
Одеждой звѣздною блистая,
Явилась Дѣва Пресвятая
Съ Младенцемъ спящимъ на рукахъ.
Изъ свѣта чуднаго сліянный
Ея небесно-кротокъ видъ:
«Почто ты гонишь Іоанна? —
Она монаху говоритъ:
Его молитвенные звуки,
Какъ голосъ неба для земли,
Въ сердца послушныя текли,
Врачуя горести и муки.
Почто-жъ ты, старецъ, заградилъ
Нещадно тотъ источникъ сильный,
Который міръ-бы напоилъ
Водой цѣлебной и обильной?
На то-ли жизни благодать
Господь послалъ своимъ созданьямъ,
Чтобъ имъ безплоднымъ истязаньемъ
Себя казнить и убивать?
Онъ далъ природѣ изобилье,
И бѣгъ струящимся рѣкамъ,
Онъ далъ движенье облакамъ,
Землѣ цвѣты и птицамъ крылья.
Почто-жъ пѣвца живую рѣчь
Сковалъ ты заповѣдью трудной?
Оставь его глаголу течь
Рѣкой пѣвучей неоскудно!
Да оросятъ его мечты
Какъ дождь житейскую долину —
Оставь землѣ ея цвѣты,
Оставь созвучья Дамаскину!»
Видѣнье скрылось въ облакахъ,
Заря выходитъ изъ тумана...
Встаетъ встревоженный монахъ,
Зоветъ и ищетъ Іоанна —
И вотъ обнялъ его старикъ:
«О, сынъ смиренія Христова,
Тебя душою я постигъ —
Отнынѣ пѣть ты можешь снова!
Отверзи вѣщія уста,
Твои окончены гоненья;
Во имя Господа Христа,
Пѣвецъ, святыя вдохновенья
Изъ сердца звучнаго излей —
Меня-жъ, молю, прости, о, чадо,
Что слову вольному преградой
Я былъ, по грубости моей!»

* *
*

Воспой-же, страдалецъ, воскресную пѣснь,
Возрадуйся жизнію новой!
Исчезла коснѣнія долгая плѣснь,
Воскресло свободное слово!
Того, Кто оковы души сокрушилъ,
Да славитъ немолчно созданье!
Да хвалятъ торжественно Господа силъ
И солнце, и мѣсяцъ, и хоры свѣтилъ,
И всякое въ мірѣ дыханье!
Блаженъ, кому нынѣ, Господь, предъ Тобой
И мыслить, и молвить возможно!
Съ безтрепетнымъ сердцемъ и съ теплой мольбой
Во имя Твое онъ выходитъ на бой
Со всѣмъ, что̀ неправо и ложно!
Раздайся-жъ, воскресшая пѣсня моя,
Какъ солнце взойди надъ землею!

Расторгни убійственный сонъ бытія,
И свѣтъ лучезарный повсюду лія,
Громи, что̀ созиждено тьмою!

* *
*

Не съ дикихъ падаетъ высотъ,
Средь темныхъ скалъ потокъ нагорный;
Не буря грозная идетъ,
Не вѣтеръ прахъ вздымаетъ черный;
Не сотни гнущихся дубовъ
Шумятъ главами вѣковыми,
Не рядъ морскихъ бѣжитъ валовъ,
Качая гребнями сѣдыми, —
То Іоанна льется рѣчь,
И силъ исполненная новыхъ,
Она громитъ, какъ Божій мечъ,
Во прахъ противниковъ Христо-
выхъ.
Не солнце красное встаетъ,
Не утро свѣтлое настало,
Не стая лебедей взыграла
Весной на лонѣ ясныхъ водъ;
Не соловьи, въ странѣ привольной,
Зовутъ сосѣднихъ соловьевъ,
Не гулъ несется колокольный
Отъ многохрамныхъ городовъ —
То слышенъ всюду плескъ народ-
ный,
То ликованье христіанъ —
То славитъ рѣчію свободной
И хвалитъ въ пѣсняхъ Іоаннъ,
Кого хвалить въ своемъ глаголѣ
Не перестанутъ никогда
Ни каждая былинка въ полѣ,
Ни въ небѣ каждая звѣзда!

* *
*

Не вѣтеръ, вѣя съ высоты,
Листовъ коснулся, ночью лунной —
Моей души коснулась ты:
Она тревожна какъ листы,
Она какъ гусли многострунна!
Житейскій вихрь ее терзалъ,
И сокрушительнымъ набѣгомъ,
Свистя и воя, струны рвалъ
И заносилъ холоднымъ снѣгомъ;
Твоя же рѣчь ласкаетъ слухъ,
Твое легко прикосновенье,
Какъ отъ цвѣтовъ летящій пухъ,
Какъ майской ночи дуновенье.

* *
*

Меня, во мракѣ и въ пыли
Досель влачившаго оковы,
Любови крылья вознесли
Въ отчизну пламени и слова;
И просвѣтлѣлъ мой темный взоръ,
И сталъ мнѣ виденъ міръ незримый,
И слышитъ ухо съ этихъ поръ,
Что̀ для другихъ неуловимо.
И съ горней выси я сошелъ,
Проникнутъ весь ея лучами,
И на волнующійся долъ
Взираю новыми очами.
И слышу я, какъ разговоръ
Вездѣ немолчный раздается,
Какъ сердце каменное горъ
Съ любовью въ темныхъ нѣдрахъ
бьется,
Съ любовью въ тверди голубой
Клубятся медленныя тучи,
И подъ древесною корой,
Весною свѣжей и пахучей,
Съ любовью въ листья сокъ живой
Струей подъемлется пѣвучей.
И вѣщимъ сердцемъ понялъ я,
Что все, рожденное отъ Слова,
Лучи любви кругомъ лія,
Къ нему вернуться жаждетъ снова,
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытія
Неудержимо къ Божью лону,
И всюду звукъ, и всюду свѣтъ,
И всѣмъ мірамъ одно начало,
И ничего въ природѣ нѣтъ,
Что̀ бы любовью не дышало...

* *
*

Слеза дрожитъ въ твоемъ ревни-
вомъ взорѣ—
О, не грусти, ты все мнѣ дорога!
Но я любить могу лишь на просторѣ—
Мою любовь, широкую какъ море,
Вмѣстить не могутъ жизни берега.
Когда Глагола творческая сила
Толпы міровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, оза-
рила,

И лишь на землю, къ намъ, ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.
И порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты;
Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею хладной,
И говорятъ, качаяся, цвѣты.
И любимъ мы любовью раздробленной
И тихій шопотъ вербы надъ ручьемъ,
И милой дѣвы взоръ на насъ склоненный,
И звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной,
И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.
Но не грусти, земное минетъ горе,
Пожди еще — неволя недолга —
Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
Въ одну любовь, широкую какъ море,
Что̀ не вмѣстятъ земные берега.

* *
*

Въ странѣ лучей, незримой нашимъ взорамъ,
Вокругъ міровъ вращаются міры;
Тамъ сонмы душъ возносятъ стройнымъ хоромъ
Своихъ молитвъ немолчные дары.
Блаженствомъ тамъ сіяющіе лики
Отвращены отъ міра суеты,
Не слышны имъ земной печали клики,
Не видны имъ земныя нищеты.
Все, что̀ онѣ желали и любили,
Все, что̀ къ землѣ привязывало ихъ,
Все на землѣ осталось горстью пыли,
А въ небѣ нѣтъ ни близкихъ, ни родныхъ.
Но ты, о другъ, лишь только звуки рая,
Какъ дальній зовъ, въ твою проникнутъ грудь,
Ты обо мнѣ подумай, умирая,
И хоть на мигъ блаженство позабудь!
Прощальный взоръ бросая нашей жизни,
Душою, другъ, вглядись въ мои черты,
Чтобы узнать въ заоблачной отчизнѣ
Кого звала, кого любила ты,
Чтобы не могъ моей молящей рѣчи
Небесный хоръ навѣки заглушить,
Чтобы тебѣ, до нашей новой встрѣчи
Въ странѣ лучей, и помнить, и грустить!

* *
*

Онъ водилъ по струнамъ; упадали
Волоса на безумныя очи;
Звуки скрипки такъ дивно звучали,
Разливаясь въ безмолвіи ночи.
Въ нихъ разсказъ убѣдительно-лживый
Разливалъ невозможную повѣсть,
И змѣннаго цвѣта отливы
Соблазняли и мучили совѣсть.
Обвиняющій слышался голосъ,
И рыдали въ отвѣтъ оправданья,
И безсильная воля боролась
Съ возрастающей бурей желанья;
И въ туманныхъ волнахъ рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземныя слова раздавались
И манили назадъ съ укоризной;
И такъ билося сердце тревожно,
Такъ ему становилось понятно
Все блаженство, что̀ было возможно
И потеряно такъ невозвратно;
И къ себѣ безпощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезею лазурной и звѣздной
Ужъ полъ-неба луна обогнула.
Звуки пѣли, дрожали такъ звонко,
Замирали и пѣли съ начала.
Бѣглымъ пламенемъ синяя жженка
Музыканта лицо освѣщала...

* *
*

Горними тихо летѣла душа небесами,
Грустныя долу она опускала рѣсницы;
Слезы, въ пространство отъ нихъ упадая звѣздами,
Свѣтлой и длинной вилися за ней вереницей.
Встрѣчныя тихо ее вопрошали свѣтила:
Что ты грустна? и о чемъ эти слезы во взорѣ?

Имъ отвѣчала она: Я земли не забыла,
Много оставила тамъ я страданья и горя.
Здѣсь я лишь ликамъ блаженства и радости внемлю,
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы —
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было-бъ о комъ пожалѣть и утѣшить кого-бы.

Волки.

Когда въ селахъ пустѣетъ,
Смолкнутъ пѣсни селянъ,
И сѣдой забѣлѣетъ
Надъ болотомъ туманъ,
Изъ лѣсовъ тихомолкомъ
По полямъ волкъ за волкомъ
Отправляются всѣ на добычу.
Семь волковъ идутъ смѣло;
Впереди ихъ идетъ
Волкъ осьмой, шерсти бѣлой;
А таинственный ходъ
Заключаетъ девятый;
Съ окровавленной пятой
Онъ за ними идетъ и хромаетъ.
Ихъ ничто не пугаетъ:
На село-ли имъ путь,
Песъ на нихъ и не лаетъ,
А мужикъ и дохнуть,
Видя ихъ, не посмѣетъ;
Онъ отъ страха блѣднѣетъ
И читаетъ тихонько молитву.
Волки церковь обходятъ
Осторожно кругомъ,
Въ дворъ поповскій заходятъ
И шевелятъ хвостомъ;
Близъ корчмы водятъ ухомъ
И внимаютъ всѣмъ слухомъ:
Не ведутся-ль тамъ грѣшныя рѣчи?
Ихъ глаза словно свѣчи,
Зубы шила острѣй;
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стрѣляй по нимъ смѣло!
Прежде рухнетъ волкъ бѣлый,
А за нимъ упадутъ и другіе.
На селѣ-жъ, когда спящихъ
Всѣхъ разбудитъ пѣтухъ,
Ты увидишь лежащихъ
Девять мертвыхъ старухъ:
Впереди ихъ сѣдая,
Позади ихъ хромая,
Всѣ въ крови — съ нами сила Господня!

Князь Михайло Репнинъ.

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильичъ Грозный подъ матушкой-Москвой.
Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.
Съ вечерни льются вины на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры;
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани и Астрахани пленъ.
Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ.
«Да здравствуютъ тіуны, опричники мои!
Вы-жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!
Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ —
Я первый открываю веселый хороводъ!
За мной, мои тіуны, опричники мои!
Вы-жъ громче бейте въ струны баяны-соловьи!»
И всѣ подъяли кубки. Не поднялъ лишь одинъ,
Одинъ не поднялъ кубка, Михайло князь Репнинъ.
«О, царь, забылъ ты Бога! Свой санъ ты, царь, забылъ!
Опричниной на горе престолъ свой окружилъ!
Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!

Тебѣ-ли, властелину, здѣсь въ ма̀шкерѣ плясать!»
Но царь, нахмуря брови: «Въ умѣ ты, знать, ослабъ,
Или хмѣленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!
Не возражай ни слова и ма̀шкеру надѣнь —
Или клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день!»
Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, правдивый князь:
«Опричнина да сгинетъ! онъ рекъ, перекрестясь,
Да здравствуетъ во вѣки нашъ православный царь!
Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!
Да презритъ, какъ измѣну, безстыдной лести гласъ!
Личины-жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ!»
Онъ молвилъ и ногами личину растопталъ,
Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ...
«Умри-же, дерзновенный!» — царь вскрикнулъ, разъярясь.
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правдивый князь.
И вновь подъяты кубки, ковши опять звучать,
За длинными столами опричники шумять,
И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ, —
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:
«Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу!»
Напрасно льются вины на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.

Василій Шибановъ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ, стремянный.
Дороденъ былъ князь, конь измученный палъ, —
Какъ быть среди ночи туманной?
Но рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Свово отдаетъ воеводѣ коня:
«Скачи, князь, до вражьяго стану,
Авось я пѣшо̂й не отстану!»
И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ изумленьи литовцы кругомъ,
Безъ шапокъ толпятся у входа,
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ,
Недаромъ дивится литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
«Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ!»
Но князя не радуетъ новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;
Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго въ себѣ я таю и ношу,
То все я пространно къ царю напишу,
Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
За всѣ его ласки спасибо!»
И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышетъ;
Прочтетъ, улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ,
И злыми словами язвитъ онъ царя,
И вотъ ужъ, когда занялася заря,
Поспѣло, ему на отраду,
Посланіе, полное яду.
Но кто-жъ дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова,
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно сомнѣнья на князя нашли...
Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли:

«Князь, служба моя не нужна-ли?
Вишь, наши меня не догнали!»
И въ радости князь посылаетъ раба.
Торопитъ его въ нетерпѣньи:
«Ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба,
А вотъ и рубли въ награжденье!»
Шибановъ въ отвѣтъ господину: «Добро!
Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро.
А я передамъ и за муки
Письмо твое въ царскія руки!»
Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой,
Царь, въ смирной одеждѣ, трезвонитъ:
Зоветъ-ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть на вѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ,
И звону внимаетъ московскій народъ
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.
Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема,
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опричии кромѣшная тьма,
И Васька Грязной и Малюта,
И тутъ-же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.
Царь кончилъ, на жезлъ опираясь, идетъ
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье —
Вдругъ ѣдетъ гонецъ, раздвигаетъ народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.
И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
«Отъ Курбскаго, князя Андрея!»
И очи царя загорѣлися вдругъ:
«Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихого?
Читайте-же, дьяки, читайте мнѣ вслухъ
Посланье отъ слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!»
И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль — и внимаетъ:
«Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ!
Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
Отвѣтствуй, не ими-ль, средь тяжкой войны.
Безъ счета твердыни враговъ сражены?
Не ихъ-ли ты мужествомъ славенъ?
И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?
Безумный! Иль, мнишись безсмертнѣе насъ,
Въ небытную ересь прельщенный?
Внимай-же! Пріидетъ возмездія часъ,
Писаніемъ намъ предреченный.
И азъ, иже кровь, въ непрестанныхъ бояхъ,
За тя, аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
Съ тобой предъ Судьею предстану!»
Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.
Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ окомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ,
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали,
И всѣ, въ ожиданьи, молчали.
И молвилъ такъ царь: «Да, бояринъ твой правъ,
И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной!
Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
Я песъ недостойный и смрадный!
Гонецъ, ты не рабъ, но товарищъ и другъ,
И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
Что выдалъ тебя за безцѣнокъ!
Ступай-же съ Малютой въ застѣнокъ!»

Пытаютъ и мучатъ гонца палачи,
Другъ къ другу приходятъ на смѣну.
«Товарищей Курбскаго ты уличи.
Открой ихъ собачью измѣну!»
И царь вопрошаетъ: «Ну, что-же гонецъ?
Назвалъ-ли онъ вора друзей наконецъ?»
— «Царь, слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина!»
День меркнетъ, приходитъ ночная пора,
Скрипятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять началася работа.
«Ну, что-же? Назвалъ-ли злодѣевъ гонецъ?»
— «Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
Но слово его все едино:
Онъ славитъ свово господина!»
«О, князь, ты, который предать меня могъ
За сладостный мигъ укоризны,
О, князь, я молю, да простить тебѣ Богъ
Измѣну твою предъ отчизной!
Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
Но въ сердцѣ любовь и прощенье —
Помилуй мои прегрѣшенья!
Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Прости моего господина!
Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ,
Но слово мое все едино:
За грознаго, Боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь —
И твердо жду смерти желанной!»
Такъ умеръ Шибановъ, стремянный.

БЫЛИНЫ.

Илья Муромецъ.

1.

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья;

2.

Ѣдетъ боромъ, только слышно
Какъ брящаетъ бронь;
Топчетъ папоротникъ пышный
Богатырскій конь.

3.

И ворчитъ Илья сердито:
— Ну, Владиміръ, что-жъ?
Посмотрю я, безъ Ильи-то
Какъ ты проживешь!

4.

Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
Не пировъ держусь;
Я мужикъ не прихотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!

5.

Но обнесъ меня ты чарой
Въ очередь мою —
Такъ шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6.

Безъ меня другихъ довольно,
Сядутъ — полонъ столъ;
Только лакомы ужъ больно,
Любятъ женскій полъ.

7.

Всѣ твои богатыри-то,
Значитъ, молодежь —
Вотъ безъ стараго Ильи-то
Какъ ты проживешь!!

8.

Тѣмъ-то я ихъ болѣ стою,
Что забылъ ужъ бабъ;
А какъ тресну булавою,
Такъ еще не слабъ;

9.

Правду молвить для княжого
Не гожусь двора,
Погулять по свѣту снова
Безъ того пора.

10.

Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ;
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ;

11.

Душно въ Кіевѣ что̀ въ скрынѣ —
Только киснетъ кровь;
Государынѣ-пустынѣ
Поклонюся вновь!

12.

Вновь извѣдаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!

13.

И старикъ лицомъ суровымъ
Просвѣтлѣлъ опять,
Понутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать;

14.

Снова вѣстъ воли дикой
На него просторъ,
И смолой, и земляникой
Пахнетъ темный боръ.

Алеша Поповичъ.

1.

Кто весломъ такъ ловко правитъ
Черезъ виръ и купырь?
Это тотъ Поповичъ славный,
Тотъ Алеша-богатырь.

2.

За плечами видны гусли,
А въ ногахъ червленый щитъ;
Супротивъ его царевна
Полоненая сидитъ.

3.

Подъ себя поджала ножки,
Лѣтникъ свой подобрала,
И считаетъ робко взмахи
Богатырскаго весла.

4.

— Ты почто меня, Алеша,
Въ лодку пѣсней заманилъ?
У меня женихъ есть дома,
Ты-жъ, похитчикъ, мнѣ не милъ!

5.

Но, смѣясь, Поповичъ молвитъ:
— Не похитчикъ я тебѣ,
Ты вошла своею волей,
Покорись своей судьбѣ!

6.

Ты не первая попалась
Въ лодку, дѣвица, мою;
Знаменитымъ птицеловомъ
Я слыву въ моемъ краю;

7.

Безъ силковъ и безъ приманокъ
Я не разъ межъ камышей
Голубыхъ очеретянокъ
Пѣсней лавливалъ моей;

8.

Но въ плѣну, кого поймаю,
Безъ нужды я не морю —
Покорися же, царевна,
Сдайся мнѣ, богатырю!

9.

Но она къ нему: — Алеша,
Тѣсно въ лодкѣ намъ вдвоемъ,
Тяжела ей будетъ ноша,
Вмѣстѣ ко-дну мы пойдемъ!

10.

Онъ же къ ней: — Смотри, царевна,
Видишь, тамъ, гдѣ тотъ откосъ,
Какъ на солнцѣ быстро блещутъ
Стаи легкія стрекозъ?

11.

На лозу когда бы сѣли,
Не погнули бы лозы,
Ты же въ лодкѣ не тяжеле
Легкокрылой стрекозы!

12.

И душистый гнетъ онъ аиръ,
И, скользя очеретомъ,
Стебли длинные купавокъ
Рветъ сверкающимъ весломъ.

13.

Много пѣвниковъ нарядныхъ
Въ лодку съ берега глядитъ,
Но Поповичу царевна,
Озираясь, говоритъ:

14.

— Птицеловъ ты безпощадный,
Иль тебѣ меня не жаль?
Отпусти меня на волю,
Лодку къ берегу причаль!

15.

Онъ же, въ берегъ упираясь
И осокою шурша,
Повторяетъ только: — Сдайся,
Сдайся, дѣвица-душа!

16.

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть,
Вольной волей иль неволей,
Ты должна меня любить.

17.

Онъ весло свое бросаетъ,
Гусли звонкія беретъ —
Дивнымъ пѣніемъ дрожащій
Огласился очеретъ...

18.

Звуки льются, звуки таютъ:
То не вѣтеръ-ли во ржи?
Не крылами-ль задѣваютъ
Мѣдный колоколъ стрижи?

19.

Иль въ тѣни журчатъ дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшей то звонъ заздравный?
Иль мечи бьютъ о мечи?

20.

Пламя-ль блещетъ? Дождь-ли льется?
Буря-ль встала, пыль крутя?
Конь-ли по полю несется?
Мать-ли пѣстуетъ дитя?

21.

Или то̀ воспоминанье,
Отголосокъ давнихъ лѣтъ?
Или счастья обѣщанье?
Или смерти то привѣтъ?

22.

Пѣсню кто уразумѣетъ?
Кто пойметъ ея слова?
Но отъ звуковъ сердце млѣетъ,
И кружится голова.

23.

Ихъ услыша, присмирѣли
Пташекъ рѣзвыя четы,
На тростникъ стрекозы сѣли,
Преклонилися цвѣты:

24.

Погремокъ, пестрецъ, и шильникъ,
И болотная заря,
Къ лодкѣ съ берега нагнулись
Слушать пѣснь богатыря.

25.

Такъ съ царевной по теченью
Онъ уносится межъ травъ,
И она внимаетъ пѣнью,
Руку бѣлую подпявъ.

26.

Что̀ внезапно въ ней свершилось?
Тоскованье-ль улеглось?
Сокровенное-ль открылось?
Невозможное-ль сбылось?

27.

Словно давнія печали
Разошлися какъ туманъ,
Словно всѣ преграды пали —
Или были лишь обманъ!

28.

Взоромъ любящимъ невольно
Въ ликъ его она впилась,
Ей и радостно, и больно,
Слезы капаютъ изъ глазъ;

29.

Любитъ онъ, иль лицемѣритъ —
Для нея то все равно;
Этимъ звукамъ сердце вѣритъ
И дрожитъ, побѣждено.

30.

И со всѣхъ сторонъ ихъ лодку
Обняла рѣчная тишь,
И куда не обернешься —
Только небо да камышъ...

Змѣй Тугаринъ.

1.

Надъ свѣтлымъ Днѣпромъ, средь могучихъ бояръ,
Близъ стольнаго Кіева-града,
Пируетъ Владиміръ, съ нимъ молодъ и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

2.

И молвитъ Владиміръ: — Что-жъ нѣту пѣвцовъ?
Безъ нихъ мнѣ и пиръ не отрада!
И вотъ незнакомый изъ дальнихъ рядовъ
Пѣвецъ выступаетъ на княжескій зовъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

3.

Глаза словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ,
И ахнулъ отъ ужаса русскій народъ:
Ай, рожа, ай, страшная рожа!

4.

И началъ онъ пѣть на невѣдомый ладъ:
— Владычество смѣлымъ награда!
Ты, княже, могучъ и казною богатъ,
И помнитъ ладьи твои дальній Царьградъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

5.

— Но родъ твой не вѣчно судьбою хранимъ,
Настанетъ тяжелое время,
Обнимутъ твой Кіевъ и пламя, и дымъ,
И внуки твои будутъ внукамъ моимъ
Держать золоченое стремя!

6.

И вспыхнулъ Владиміръ при словѣ такомъ,
Въ очахъ загорѣлась досада,
Но вдругъ засмѣялся, и хохотъ кругомъ
Въ рядахъ прокатился, какъ по небу громъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

7.

Смѣется Владиміръ и съ нимъ сыновья,
Смѣется, потупясь, княгиня,
Смѣются бояре, смѣются князья,
Удалый Поповичъ, и старый Илья,
И смѣлый Никитичъ Добрыня.

8.

Пѣвецъ продолжаетъ: — Смѣшна моя вѣсть
И вашему уху обидна?
Кто могъ-бы изъ васъ оскорбленіе снесть!
Безцѣнное русскимъ сокровище — честь,
Ихъ клятва: да будетъ мнѣ стыдно!

9.

На вѣчѣ народномъ вершится ихъ судъ,
Обиды смываетъ съ нихъ поле —

Но дни, погодите, иные придутъ,
И честь, государи, замѣнитъ вамъ кнутъ,
А вѣче — каганская воля!

10.

— Стой,—молвитъ Илья,—твой хоть голосъ и чистъ,
Да пѣсня твоя непригожа!
Былъ воръ-Соловей, какъ и ты, голосистъ,
Да я пятерней приглушилъ его свистъ —
Съ тобой не случилось-бы то-же!

11.

Пѣвецъ продолжаетъ: — И время придетъ:
Уступитъ нашъ ханъ христіанамъ,
И снова подымется русскій народъ,
И землю единый изъ васъ соберетъ,
Но самъ-же надъ ней станетъ ханомъ.

12.

И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своемъ,
Подобенъ кумиру средь храма,
И будетъ онъ спины вамъ бить батожьемъ,
А вы ему стукать да стукать челомъ —
Ой, срама, ой, горькаго срама!

13.

— Стой,—молвитъ Поповичъ,—хоть дюжій твой ростъ,
Но слушай, поганая рожа:
Зашла разъ корова къ отцу на погостъ,
Махнулъ я ее черезъ крышу за хвостъ —
Тебѣ не было-бы того-же!

14.

Но тотъ продолжаетъ, осклабивши пасть:
— Обычай вы нашъ переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вотъ, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!

15.

И съ честной поссоритесь вы стариной,
И предкамъ великимъ на соромъ,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: станемъ къ варягамъ спиной,
Лицомъ повернемся къ обдорамъ!

16.

— Стой! — молвитъ, поднявшись, Добрыня, — не смѣй
Пророчить такого намъ горя!
Тебя я узналъ изъ негодныхъ рѣчей:
Ты старый Тугаринъ, поганый тотъ змѣй,
Приплывшій отъ Чернаго моря!

17.

На крыльяхъ бумажныхъ, ночною порой,
Ты часто вкругъ Кіева-града
Леталъ и шипѣлъ, но тебя не впервой
Попотчую я каленою стрѣлой —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

18.

И началъ Добрыня натягивать лукъ,
И вотъ, на потѣху народу,
Струны богатырской послышавши звукъ,
Во змѣя пѣвецъ перекинулся вдругъ
И съ шипомъ бросается въ воду.

19.

— Тьфу, гадина! — молвилъ Владиміръ, и носъ
Зажалъ отъ несноснаго смрада, —
Чего ужъ онъ въ скаредной пѣсни не несъ,
Но благо удралъ отъ Добрынюшки песъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

20.

А змѣй, по Днѣпру, разстилаясь, плыветъ,
И смѣхомъ преслѣдуя гада,
По немъ улюлюкаетъ русскій народъ:

— Чай, пѣсни теперь уже намъ не споетъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

21.

Смѣется Владиміръ: — Вишь выдумалъ намъ
Какимъ угрожать онъ позоромъ!
Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ!
Чтобъ спины подставили мы батогамъ!
Чтобъ мы повернулись къ обдорамъ!

22.

Нѣтъ, шутишь! Живетъ наша русская Русь,
Татарской намъ Руси не надо!
Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь,
За честь нашей родины я не боюсь —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

23.

А еслибъ надъ нею бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ!
Бываетъ, — примолвилъ свѣтъ-солнышко князь, —
Неволя заставитъ пройти черезъ грязь.
Купаться въ ней—свиньи лишь могутъ!

24.

Подайте-жъ мнѣ чару большую мою,
Ту чару, добытую въ сѣчѣ,
Добытую съ ханомъ хозарскимъ въ бою —
За русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче!

25.

За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколъ пью Новаграда,
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

26.

Я пью за варяговъ, за дѣдовъ лихихъ,
Кѣмъ русская сила подъята,
Кѣмъ славенъ нашъ Кіевъ, кѣмъ грекъ пріутихъ,
За синее море, которое ихъ,
Шумя, принесло отъ заката!

27.

И выпилъ Владиміръ, и разомъ кругомъ,
Какъ плескъ лебединаго стада,
Какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ,
Народъ отвѣчаетъ: — За князя мы пьемъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

28.

Да правитъ по-русски онъ русскій народъ,
А хана намъ даромъ не надо!
И если настанетъ година невзгодъ,
Мы вѣримъ, что Русь ихъ побѣдно пройдетъ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

29.

Пируетъ Владиміръ со свѣтлымъ лицомъ,
Въ груди богатырской отрада;
Онъ вѣритъ: побѣдно мы горе пройдемъ,
И весело слышать ему надъ Днѣпромъ:
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

30.

Пируетъ съ Владиміромъ сила бояръ,
Пируютъ посадники града,
Пируетъ весь Кіевъ, и молодъ, и старъ,
И слышенъ далеко звонъ кованыхъ чаръ —
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

———

Садко.

1.

Сидитъ у царя водяного Садко
И съ думою смотритъ печальной,
Какъ моря пучина надъ нимъ высоко
Синѣетъ сквозь теремъ хрустальный;

2.

Тамъ ходятъ, какъ тѣни, надъ нимъ корабли,
Товарищи тамъ его ищутъ,
Тамъ берегъ остался цвѣтущей земли,
Тамъ птицы порхаютъ и свищутъ;

3.

А здѣсь на него любопытно глядитъ
Бѣлуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо бѣжитъ
Снетковъ серебристая стая.

4.

Куда онъ ни взглянетъ — все синяя гладь,
Все воду лишь видитъ да воду,
И пѣсни усталъ онъ на гусляхъ играть
Царю водяному въ угоду.

5.

А царь улыбаясь ему говоритъ:
— Садко, мое милое чадо,
Повѣдай, зачѣмъ такъ печаленъ твой видъ?
Скажи мнѣ, чего тебѣ надо?

6.

Кутья-ли съ шафраномъ моя не вкусна?
Блины съ инбиремъ не жирны-ли?
Аль въ чемъ непривѣтна царица-жена?
Аль дочери чѣмъ досадили?

7.

Смотри, какъ алмазы здѣсь ярко горятъ!
Какъ много здѣсь яхонтовъ алыхъ!
Сокровищъ ты столько нашелъ-бы наврядъ
Въ хваленыхъ софійскихъ подвалахъ!

8.

— Ты, гой-еси, царь-государь водяной,
Морское пресвѣтлое чудо!
Я много доволенъ твоею женой
И мнѣ отъ царевенъ не худо;

9.

Вкусны и кутья, и блины съ инбиремъ,
Одно, государь, мнѣ обидно:
Куда ни посмотришь, все мокро кругомъ,
Сухого мѣстечка не видно!

10.

Что пользы мнѣ въ томъ, что сокровищъ полны
Подводные эти хоромы!
Увидѣть-бы мнѣ хотя-бъ зелень сосны,
Прилечь хоть на ворохъ соломы!

11.

Богатствомъ своимъ ты меня не держи;
Всѣ роскоши эти и нѣги
Я-бъ отдалъ за крикъ перепелки во ржи,
За скрипъ новгородской телѣги!

12.

Давно такъ не видно мнѣ божьяго дня,
Мнѣ запаху здѣсь — только тина;
Хоть дегтемъ повѣяло-бъ разъ на меня,
Хоть дымомъ курного овина!

13.

Когда-же я вспомню, что этой порой
Весна на землѣ расцвѣтаетъ,
И самъ ужъ не знаю, что станетъ со мной:
За сердце вотъ такъ и хватаетъ!

14.

Теперь у насъ пляски въ лѣсу молодомъ,
Забыты и стужа, и слякоть —
Когда я подумаю только о томъ,
Отъ грусти мнѣ хочется плакать!

15.

Теперь, чай, и птица, и всякая звѣрь
У насъ на землѣ веселится;
Сквозь листъ прошлогодній пробив-
шись теперь,
Синѣетъ въ лѣсу медуница!

16.

Во свѣжемъ, въ зеленомъ лѣсу мо-
лодомъ
Березой душистою пахнетъ —
И сердце во мнѣ, лишь помыслю о
томъ,
Съ тоски изныаетъ и чахнетъ!

17.

— Садко, мое чадо, городишь ты
вздоръ,
Земля нестерпима отъ зною;
Я въ этомъ сошлюся па цѣлый мой
дворъ, —
Всегда онъ согласенъ со мною.

18.

Мой теремъ есть моря великаго пупъ,
Твой жеребій, стало-быть, свѣтелъ;
А ты непонятливъ, несвѣдущъ и
глупъ,
Я это давно ужъ замѣтилъ.

19.

Ты въ думѣ пригоденъ моей засѣдать,
Твою возвеличу я долю,
И санъ водяного совѣтника дать
Тебѣ непремѣнно изволю!

20.

— Ты, гой-еси, царь-государь водя-
ной,
Премного тебѣ я обязанъ,
Но почести я недостоинъ морской,
Ужъ очень къ землѣ я привязанъ.

21.

Бывало, не все тамъ норовилось мнѣ,
Не по-сердцу было иное;
Съ тѣхъ поръ-же какъ я очутился на
днѣ,
Мнѣ все стало мило земное;

22.

Припомнился песъ мнѣ, и грязенъ, и
хилъ,
Въ репьяхъ и въ сору изваляся;
На пиръ я въ ту пору, на званый,
спѣшилъ,
А онъ мнѣ подъ ноги попался;

23.

Брюзгливо взглянувъ, я его отогналъ,
Ногой оттолкнулъ его гордо —
Вотъ этого пса я-бъ теперь цѣловалъ
И въ темя, и въ очи, и въ морду!

24.

— Садко, мое чадо, на кую ты стать
О псѣ вспоминаешь сегодня?
Зачѣмъ тебѣ грязнаго пса цѣловать?
На то мои дочки пригоднѣй.

25.

Во истину, чѣмъ-бы ты имъ не же-
нихъ?
Я вижу, хоть въ усъ и не дую,
Пошла за тебя-бы любая изъ нихъ —
Бери-жъ себѣ въ жены любую!

26.

— Ты, гой-еси, царь-государь водя-
ной,
Морское пресвѣтлое чудо!
Боюся, отъ брака съ такою женой
Не вышло-бъ душѣ моей худо!

27.

Не спорю, онѣ у тебя хороши,
И цвѣтъ ихъ очей изумрудный,
Но только колючи онѣ, какъ ерши,
Намъ было-бъ сожительство трудно.

28.

Я тѣмъ не порочу твоихъ дочерей,
Но я бы не то, что любую,
А всѣхъ ихъ сейчасъ промѣнялъ-бы,
ей-ей,
На первую дѣвку рябую!

29.

— Садко, мое чадо, ужъ очень ты
грубъ,
Не нравится рѣчь мнѣ такая;

Когда-бы твою не цѣнилъ я игру-бъ,
Ногой тебѣ далъ-бы пинка я.

30.

Но печени какъ-то сегодня свѣжо,
Весселье въ утробѣ я чую;
О свадьбѣ твоей потолкуемъ ужо,
Теперь-же сыграй плясовую!

31.

Ударилъ Садко по струнамъ трепака,
Самъ къ чорту шлетъ царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, уперся въ бока,
Готовится, дрыгая, въ пляску:

32.

Сперва лишь на мѣстѣ поводитъ усомъ,
Щетинистой бровью киваетъ;
Но вотъ запыхтѣлъ и надулся какъ сомъ,
Все болѣ его разбираетъ.

33.

Похаживать началъ, плечьми шевеля,
Подпрыгивать мимо царицы,
Да вдругъ какъ пойдетъ выводить вензеля,
Такъ всѣ затряслись половицы.

34.

«Ну, — мыслитъ Садко, — я тебя заморю!»
Съ досады быстрѣй онъ играетъ.
Но какъ ни частитъ, водяному царю
Все болѣе силъ прибываетъ.

35.

Пустился на-выверть пятами мѣсить,
Закидывать ногу за ногу,
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядѣть индо страшно, ей-Богу!

36.

Бояре въ испугѣ ползутъ окарачь,
Царица присѣла ажъ на полъ,
Пищатъ-инъ царевны, а царь себѣ вскачь
Знай чешетъ ногами оба-полъ.

37.

То, выпятя грудь, на придворныхъ онъ претъ,
То, скорчившись, пятится бокомъ,
Ломаетъ колѣнца и взадъ, и впередъ,
Впляетъ загребомъ и скокомъ.

38.

И все веселѣй и привольнѣй ему,
Колѣнца выходятъ все круче —
Темнѣе становится все въ терему,
Надъ моремъ сбираются тучи...

39.

Но шибче играетъ Садко, осерча,
Сжавъ зубы и брови нахмуря,
Онъ злится, онъ дергаетъ струны сплеча —
Вверху подымается буря...

40.

Вотъ дальними грянулъ раскатами громъ,
Сверкнуло въ пучинномъ просторѣ,
И огненнымъ свѣтомъ зардѣла кругомъ
Глубокая пра-зелень моря.

41.

Вотъ крики послышались тамъ высоко,
То гибнутъ пловцы съ кораблями...
Отчаяннѣй бьетъ пятернями Садко,
Царь бѣшеннѣй мѣситъ ногами!

42.

Вприсядку понесъ его чортъ ходуномъ,—
Онъ фыркаетъ, пышетъ и дуетъ,
Гремитъ плясовая, колеблется домъ
И море реветъ и бушуетъ...

43.

И вотъ пузыри отъ подстѣнья пошли,
Садко уже видитъ сквозь стѣны:
Разбитые ко дну летятъ корабли,
Крутяся средь ила и пѣны;

44.

Онъ видитъ: морякъ не одинъ потонулъ,
Въ немъ сердце исполнилось жали,

Онъ сильною хваткой за струны рванулъ —
И, лопнувъ, онѣ завизжали.

45.

Споткнувшись на мѣстѣ, сталъ царь водяной,
Ногою подъятой болтая:
— Никакъ подшутилъ ты, Садко, надо мной?
Противна мнѣ шутка такая!

46.

Не въ пору, невѣжа, ты струны порвалъ,
Какъ разъ, когда я расплясался!
Такого колѣна никто не видалъ,
Какое я дать собирался!

47.

Зачѣмъ здоровѣе ты струнъ не припасъ?
Какъ буду теперь безъ музыки?
Аль ты, неумытый, плясать въ сухоплясъ
Велишь мнѣ, царю и владыкѣ?

48.

И плесомъ чешуйнымъ въ потылицу царь
Хватилъ его, ярости полный,
И вотъ завертѣлся Садко, какъ кубарь,
И вверхъ понесли его волны...

49.

Сидитъ въ Новѣградѣ Садко невредимъ,
Съ нимъ вящіе всѣ уличане;
На скатерти браной шипитъ передъ нимъ
Вино въ венецейскомъ стаканѣ.

50.

Степенный посадникъ, и тысяцкій тутъ,
И старыхъ посадниковъ двое,
И съ ними кончанскіе старосты пьютъ
Здоровье Садку круговое.

51.

— Повѣдай, Садко, уходилъ ты куда?
На чудскую Емь аль на Балты?
Гдѣ бросилъ свои расшивныя суда
И безъ вѣсти гдѣ пропадалъ ты?

52.

Поетъ и на гусляхъ играетъ Садко,
Поетъ про царя водяного:
Какъ было тамъ жить у него нелегко,
И какъ ужъ онъ пляшетъ здорово;

53.

Поетъ про походъ, безъ утайки, про свой,
Какая чему была чередь —
Качаютъ въ сомнѣніи всѣ головой.
Не могутъ разсказу повѣрить.

Сватовство.

1.

По вешнему по складу
Мы пѣсню завели,
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

2.

Повѣдай, пѣсня наша,
На весь на русскій край,
Что мѣсяцевъ всѣхъ краше
Веселый мѣсяцъ май!

3.

Въ лѣсахъ, въ поляхъ отрада,
Всѣ вербы расцвѣли,
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

4.

Затѣмъ такъ бодръ и веселъ
Владиміръ, старый князь,
На подлокотни креселъ
Сидитъ облокотясь.

5.

И съ нимъ, блестя нарядомъ,
Въ красѣ сѣдыхъ кудрей,

Сидитъ княгиня рядомъ
За пряжей за своей.

6.

Кружась, жужжитъ и пляшетъ
Ея веретено,
Черемухою пашетъ
Въ открытое окно.

7.

И тутъ-же молодыя,
Потупившія взглядъ,
Двѣ дочери княжія
За пяльцами сидятъ.

8.

Сидятъ онѣ такъ тихо,
И взоры въ ткань ушли,
Въ груди-жъ поется лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

9.

И вовсе имъ не шьется,
Хоть иглы изломай!
Такъ сильно сердце бьется
Въ веселый мѣсяцъ май!

10.

Когда-жъ беретъ изъ мочки
Княгиня волокно,
Украдкой обѣ дочки
Косятся на окно.

11.

Но вотъ, забывъ о пряжѣ,
Княгиня молвитъ вдругъ:
— Смотри, два гостя, княже,
Подъѣхали самъ-другъ;

12.

Съ коней спрыгнули смѣло
У самаго крыльца —
Узнать я не успѣла
Ни платья, ни лица.

13.

А князь смѣется: — Знаю!
Пусть входятъ молодцы;
Не дальняго, чай, краю
Залетные птенцы!

14.

И вотъ, ихъ входитъ двое
Въ лохмотьяхъ и тряпьяхъ,
Съ пеньковой бородою,
Въ пеньковыхъ волосахъ,

15.

Вошедши, на икону
Крестятся въ красный кутъ,
А послѣ по поклону
Хозяевамъ кладутъ.

16.

Князь проситъ ихъ садиться,
Онъ хитрость ихъ проникъ.
Заранѣ веселится
Обману ихъ старикъ.

17.

Но онъ обычай знаетъ,
И рѣчь заводитъ самъ:
— Откелѣ, — вопрошаетъ, —
Пожаловали къ намъ?

18.

— Мы, княже-господине,
Мы съ моря рыбаки;
Сейчасъ завязли въ тинѣ
Среди Днѣпра-рѣки;

19.

Двухъ рыбокъ златоперыхъ
Хотѣли мы поймать,
Да спрятались въ кокорахъ,
Пришлося подождать.

20.

Но князь на это: — Братья,
Не правда, ей-же-ей!
Не мокры ваши платья
И съ вами нѣтъ сѣтей!

21.

Днѣпра-жъ свѣтлы стремнины,
Чиста его вода,
Не видано въ немъ тины
Отъ вѣку никогда!

22.

На это гости: — Княже,
Коль мы не рыбаки,
Пожалуй, скажемъ глаже:
Мы брынскіе стрѣлки!

23.

Стрѣляемъ звѣрь да птицы
По дебрямъ по лѣснымъ,
А нонѣ двѣ куницы
Пушистыя слѣдимъ;

24.

Трущобой шли да дромомъ,
Досель удачи нѣтъ,
Но насъ къ твоимъ хоромамъ
Двойной приводитъ слѣдъ!

25.

А князь на это: — Что вы!
Трущобой вы не шли,
Лохмотья ваши новы
И даже не въ пыли!

26.

Куницъ-же бьютъ зимою,
А нонѣ мѣсяцъ май,
За звѣрью за иною
Пришли ко мнѣ вы, чай.

27.

— Ну, княже, — молвятъ гости, —
Тебя не обмануть!
Такъ скажемъ ужъ по-прости,
Кто мы такіе суть:

28.

Мы бѣдные калики,
Мы старцы-гусляры,
Но пѣть не горемыки,
Гдѣ только есть пиры;

29.

Мы скрозь отъ Новаграда
Сюда съ припѣвомъ шли:
— Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

30.

И если-бы двѣ свадьбы
Затѣялъ ты сыграть,
Мы стали распѣвать-бы
Да струны разбирать!

31.

— Вотъ, это, — князь отвѣтилъ, —
Другой выходитъ стихъ:
Но гуслей не замѣтилъ
При васъ я никакихъ!

32.

А что съ припѣвомъ шли вы
Сквозь цѣлый русскій край,
Оно теперь не диво,
Въ веселый мѣсяцъ май!

33.

Теперь въ вѣтвяхъ березы
Поютъ и соловьи,
Въ лугахъ поютъ стрекозы,
Въ поляхъ поютъ ручьи,

34.

И много, въ небѣ рѣя,
Поетъ пернатыхъ стай —
Всѣхъ мѣсяцевъ звончѣе
Веселый мѣсяцъ май!

35.

Но строй гуслярный, други,
Наврядъ-ли вамъ знакомъ:
Вы носите кольчуги,
Вы рубитесь мечомъ!

36.

Въ мѣшкѣ не спрятать шила!
Васъ выдалъ рѣчи звукъ:
Пленковичъ ты, Чурило,
А Ты Степанычъ, Дюкъ!

37.

Тутъ съ нихъ лохмотья спали,
И, свѣтлы какъ заря,
Два славные предстали
Предъ нимъ богатыря;

38.

Ихъ бороды упали,
Смѣются ихъ уста —
Подобная едва-ли
Встрѣчалась красота!

39.

Ихъ кровь, отъ силъ избытка,
Играетъ горячо,
Корсунская накидка
Надѣта на плечо, —

40.

Коты изъ аксамита
Съ каменіемъ цвѣтнымъ,
А берца вкрестъ обвиты
Оборомъ золотнымъ;

41.

Орлинымъ мечутъ окомъ
Не взоры, но лучи!
На поясѣ широкомъ
Крыжатые мечи.

42.

Съ притворнымъ со смущеньемъ
Глядятъ на нихъ княжны,
Какъ будто превращеньемъ
И впрямь удивлены;

43.

И взоры тотчасъ тихо
Склонили до земли,
А сердце скачетъ лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

44.

Княгиня-жъ молвитъ: — Знала
Я это напередъ,
Не даромъ куковала
Кукушка у воротъ,

45.

И снилось мнѣ съ полночи,
Что, голову поднявъ
И въ лѣсъ уставя очи,
Нашъ лаетъ волкодавъ!

46.

Но видъ принявъ суровый,
Пришельцамъ молвитъ князь:
— Отвѣтствуйте, почто вы
Вернулись, не спросясь?

47.

Указанъ былъ отселѣ
Вамъ путь на девять лѣтъ —
Какимъ же дѣломъ смѣли
Забыть вы мой запретъ?

48.

— Не будь, о, княже, гнѣвенъ,
Твой дворъ чтобъ видѣть вновь,
Армянскихъ двухъ царевенъ
Отвергли мы любовь;

49.

Зане твоихъ издавна
Мы любимъ дочерей —
Отдай же ихъ, державный,
За насъ, богатырей!

50.

Но видъ храня суровый,
А самъ въ душѣ смѣясь:
— Мнѣ эта вѣсть не нова, —
Отвѣтилъ старый князь;

51.

Отъ русской я державы
Велѣлъ вамъ быть вдали,
А вы ко мнѣ лукаво
На промыселъ пришли!

52.

Но, рыбъ чтобъ вы не смѣли
Ловить въ моемъ Днѣпру,
Всѣ глуби я и мели,
Оцѣпами запру!

53.

Чтобъ впредь вы не дерзали
Слѣдить моихъ куницъ,
Ограду я изъ стали
Поставлю кругъ границъ!

54.

Ни неводомъ вамъ болѣ,
Ни сѣтью не ловить —
Но будетъ въ вашей волѣ
Добромъ ихъ приманить:

55.

Коль быть хотятъ за вами,
Никто имъ не мѣшай!
Пускай рѣшаютъ сами
Въ веселый мѣсяцъ май!

56.

Услыша слово это,
Съ Чурилой славный Дюкъ
Отъ дочекъ ждутъ отвѣта,
Сердецъ ихъ слышенъ стукъ.

57.

Что дочки имъ сказали,
Кто можетъ отгадай —
Мы словъ ихъ не слыхали
Въ веселый мѣсяцъ май,

58.

Мы словъ ихъ не слыхали,
Намъ свистъ мѣшалъ дроздовъ,
Намъ иволги мѣшали
И рокотъ соловьевъ;

59.

И звонко такъ въ болотѣ
Кричали журавли,
Что мы, при всей охотѣ,
Разслышать не могли!

60.

Такая намъ досада!
Разслышать не могли!
Ой, ладо, диди-ладо,
Ой, ладо, лель-люли!

Пѣсня о Потокѣ-богатырѣ.

Зачинается пѣсня отъ древнихъ затѣй,
Отъ веселыхъ пировъ и обѣдовъ,
И отъ русыхъ отъ косъ, и отъ черныхъ кудрей,
И отъ тѣхъ ли отъ ласковыхъ дѣдовъ,
Что̀ съ потѣхой охотно мѣшали дѣла,
Отъ ихъ времени пѣсня теперь повела,
Отъ того-ль старорусскаго краю,
А чѣмъ кончится пѣсня — не знаю.
У Владиміра-Солнышка праздникъ идетъ,
Пированье идетъ, ликованье,
Съ молодицами гридни ведутъ хороводъ,
Гуслей звонъ и кимваловъ бряцанье;
Молодицы что̀ свѣтлыя звѣзды горятъ,
И подъ топотъ подошвъ, и подъ пѣсенный ладъ
Изгибаяся, ходятъ красиво,
Молодцы выступаютъ на-диво.
Но Потокъ-богатырь всѣхъ другихъ превзошелъ:
Взглянетъ — искрами словно обмечетъ;
Повернется направо — что̀ сизый орелъ,
Повернется налѣво — что̀ кречетъ;
Подвигается мѣрно и взадъ и впередъ:
То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ,
То вдругъ станетъ, тряхнувши кудрями,
Пожимаетъ на мѣстѣ плечами.
И дивится Владиміръ на стройную стать,
И дивится на свѣтлое око:
— Никому,—говоритъ:—на Руси не плясать
Супротивъ молодого Потока!
Но ужъ поздно — встаетъ со княгинею князь.
На три стороны въ поясъ гостямъ поклонясь,
Всѣмъ желаетъ довольнымъ остаться.
Это значитъ: пора разставаться.
И съ поклонами гости уходятъ домой,
И Владиміръ княгиню уводитъ,
Лишь одинъ остается Потокъ молодой,
Подбочася, попрежнему хо̀дитъ!
То притопнетъ ногою, то шапкой махнетъ,
Не замѣтилъ онъ, какъ отошелъ хороводъ,
Не слыхалъ онъ Владиміра ласку,
Продолжаетъ попрежнему пляску.
Вотъ ужъ мѣсяцъ изъ-за лѣсу кажетъ рога,
И туманомъ подернулись балки,
Вотъ и въ ступѣ поѣхала баба-яга,
И въ Днѣпрѣ заплескались русалки;
Въ Заднѣпровьѣ послышался лѣшаго вой,
По конюшнямъ дозоромъ пошелъ домовой,
На трубѣ вѣдьма по̀логомъ машетъ,
А Потокъ себѣ пляшетъ да пляшетъ.
Сквозь царьградскія окна въ хоромную сѣнь
Смотрятъ свѣтлыя звѣзды, дивяся,
Какъ по бѣлымъ стѣнамъ богатырская тѣнь

Ходитъ взадъ и впередъ, подбочася.
Передъ самой зарей утомился Потокъ,
Подъ собой уже рѣзвыхъ не чувствуетъ ногъ,
На мостницы какъ снопъ упадаетъ,
На полтысячи лѣтъ засыпаетъ.
Много сновъ ему снится въ полтысячи лѣтъ:
Видитъ славныя схватки и сѣчи,
Красныхъ дѣвицъ внимаетъ радушный привѣтъ
И съ боярами судитъ на вѣчѣ;
Или видитъ Владиміра вѣжливый дворъ,
За ковшами веселый ведетъ разговоръ,
Иль на ловлѣ со княземъ гуторитъ,
Иль въ совѣтѣ настойчиво споритъ.
. . . .

Пробуждается Потокъ въ старой Москвѣ XVI-го вѣка; его поражаетъ огрубѣніе нравовъ; въ ужасъ привело его раболѣпство москвичей передъ царемъ и зрѣлище казней на Москвѣ.

Но вдругъ слышитъ слова: —
То земной ѣдетъ богъ!
То отецъ нашъ казнить насъ изволитъ!
И на улицѣ, сколько тамъ было толпы:
Воеводы, бояре, монахи, попы,
Мужики, старики и старухи —
Всѣ предъ нимъ повалились на брюхи.
Удивляется притчѣ Потокъ молодой.
— Если князь онъ, иль царь напослѣдокъ,
Что-жъ метутъ они землю предъ нимъ бородой?
Мы честили князей, но не этакъ!
Да и полно, ужъ вправду ли я на Руси?
Отъ земного насъ бога, Господь упаси!
Намъ Писаніемъ велѣно строго
Признавать лишь небеснаго Бога!
И пытаетъ у встрѣчнаго онъ молодца:
— Гдѣ здѣсь, дядя, сбирается вѣче?
Но на томъ отъ испуга не видно лица:
— Цуръ меня, говоритъ, человѣче!
И пустился бѣжать отъ Потока бѣгомъ,
У того жъ голова заходила кругомъ,
Онъ на землю какъ снопъ упадаетъ,
Лѣтъ на триста еще засыпаетъ.
Пробудился Потокъ на другой на рѣкѣ,
На какой — не припомнитъ преданье;
Погулявъ себѣ взадъ и впередъ въ холодкѣ,
Входитъ онъ во просторное зданье;
Видитъ: судьи сидятъ, и торжественно тутъ
Надъ преступникомъ гласный свершается судъ:
Несомнѣнны и тяжки улики,
Преступленья-жъ довольно велики:
Онъ отца отравилъ, пару тетокъ убилъ,
Взялъ подлогомъ чужое имѣнье,
Да двухъ братьевъ и трехъ дочерей задушилъ —
Ожидаютъ присяжныхъ рѣшенья.
И присяжные входятъ съ довольнымъ лицомъ:
— Хоть убилъ, говорятъ, не виновенъ ни въ чемъ!
Тутъ платками имъ слѣва и справа
Машутъ барыни съ криками: браво!
И промолвилъ Потокъ: — со присяжными судъ
Былъ обыченъ и нашему міру,
Но когда бы такой подвернулся намъ шутъ,
Въ триста кунъ заплатилъ бы онъ виру!
А сосѣди, косясь на него, говорятъ:
— Вишь какой затесался сюда ретроградъ!
Отсталой онъ, то видно по платью,
Притѣснять хочетъ меньшую братью!
Но Потокъ изъ ихъ словъ ничего не пойметъ
И въ другое онъ зданіе входитъ;
Тамъ какой-то аптекарь, не то патріотъ,
Предъ толпою ученье проводитъ:
Что, молъ, нѣту души, а одна только плоть.
И что если и вправь существуетъ Господь,
То онъ только есть видъ кислорода,
Вся же суть въ безначальѣ народа.
И, увидя Потока, къ нему свысока
Патріотъ обратился сурово:
— Говори, уважаешь ли ты мужика?
Но Потокъ вопрошаетъ: — Какого?

— Мужика вообще, что̀ смиреньемъ
великъ!
Но Потокъ говоритъ: — Есть мужикъ
и мужикъ:
Если онъ не пропьетъ урожаю,
Я тогда мужика уважаю.
— Феодалъ! — закричалъ на него патріотъ: —
Знай, что только въ народѣ спасенье!
Но Потокъ говоритъ: — Я вѣдь тоже
народъ,
Такъ за что-жъ для меня исключенье?
Но къ нему патріотъ: — Ты народъ,
да не тотъ,
Править Русью призва̀нъ только черный народъ;
То по старой системѣ всякъ равенъ,
А по нашей лишь онъ полноправенъ!
И подумалъ Потокъ: — Ужъ, Господь
борони,
Не проснулся-ли слишкомъ я рано?
Вѣдь вчера еще, лежа на брюхѣ, они
Обожали московскаго хана,
А сегодня велятъ мужика обожать.
Мнѣ сдается: такая потребность лежать
То предъ тѣмъ, то предъ этимъ на
брюхѣ
На вчерашнемъ основана духѣ.
Въ третій входитъ онъ домъ — и
объялъ его страхъ,
Видитъ — въ длинной палатѣ вонючей,
Всѣ острижены вкругъ, въ сюртукахъ
и въ очкахъ
Собралися красавицы кучей.
Про какія-то женскія споря права,
Совершаютъ онѣ, засуча рукава,
Пресловутое общее дѣло:
Потрошатъ чье-то мертвое тѣло.
Ужаснулся Потокъ, отъ красавицъ
бѣжитъ,
А онѣ восклицаютъ ехидно:
— Ахъ, какой онъ *пошлякъ*! Ахъ,
какъ онъ *неразвитъ,*
Современности вовсе не видно!
Но Потокъ говоритъ, очутясь на
дворѣ:
— То-жъ бывало у насъ и на Лысой
Горѣ,
Только вѣдьмы, хоть голы и босы,
Но по крайности есть у нихъ косы!
И что̀ видѣть и слышать ему довелось:
И тотъ судъ, и о Богѣ ученье,
И въ сіяньи мужикъ, и дѣвицы безъ
косъ —
Все приводитъ его къ заключенью:
— Много разныхъ бываетъ на свѣтѣ
чудесъ;
Я не знаю, что̀ значитъ какой-то
прогрессъ,
Но до здраваго русскаго вѣча
Вамъ еще, государи, далече!
И такъ сдѣлалось гадко и тошно ему,
Что онъ на̀-земь какъ снопъ упадаетъ,
И подъ слово «прогрессъ», какъ въ
чаду и дыму,
Лѣтъ на двѣсти еще засыпаетъ.
Пробужденья его мы теперь подождемъ,
Что̀, проснувшись, увидитъ, о томъ и
споемъ.
А покудова онъ не проспится,
Наудачу намъ пѣть не годится.
Ахъ, ты гой-еси, Кіевъ, родимый
нашъ градъ.
Что̀ лежитъ на пути ко Царьграду!
Зачинали мы пѣсню на старый на
ладъ.
Такъ ужъ кончимъ по старому ладу!
Ахъ, ты гой-еси, Кіевъ, родимый
нашъ градъ!
Во тебѣ ли Потокъ пробудиться не
радъ!
Али, почвы ужъ новыя ради,
Пробудиться ему во Царьградѣ.

Грѣшница.

I.

Народъ кипитъ; веселье, хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Кругомъ и зелень, и цвѣты,
И межъ столбовъ, у входа дома,
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты.
Чертоги убраны богато,
Вездѣ горитъ хрусталь и злато,
Возницъ и коней полонъ дворъ;
Тѣснясь за трапезой великой,

Гостей пируетъ шумный хоръ,
Идетъ, сливаяся съ музыкой,
Ихъ перекрестный разговоръ.
Ничѣмъ бесѣда не стѣснима,
Они свободно говорятъ
О ненавистномъ игѣ Рима,
О томъ, какъ властвуетъ Пилатъ,
О ихъ старшинъ собраньи тайномъ,
Торговлѣ, мирѣ и войнѣ,
И мужѣ томъ необычайномъ,
Что появился въ ихъ странѣ.

II.

«Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
Народъ смиренью онъ училъ,
Онъ всѣ законы Моисея
Любви закону подчинилъ.
Не терпитъ гнѣва онъ, ни мщенья,
Онъ проповѣдуетъ прощенье,
Велитъ за зло платить добромъ.
Есть неземная сила въ немъ:
Слѣпымъ онъ возвращаетъ зрѣнье,
Даритъ и крѣпость, и движенье
Тому, кто былъ и слабъ, и хромъ.
Ему признанія не надо,
Сердецъ мышленье отперто,
Его пытующаго взгляда
Еще не выдержалъ никто.
Цѣля недугъ, врачуя муку,
Вездѣ спасителемъ онъ былъ,
И всѣмъ простеръ благую руку
И никого не осудилъ.
То, видно, Богомъ мужъ избранный.
Онъ тамъ, по дполь Іордана,
Ходилъ какъ посланный небесъ.
Онъ много тамъ свершилъ чудесъ.
Теперь пришелъ онъ, благодушный,
На эту сторону рѣки;
Толпой прилежной и послушной
За нимъ идутъ ученики».

III.

Такъ гости, вмѣстѣ разсуждая,
За длинной трапезой сидятъ,
Межъ ними, чашу осушая,
Сидитъ блудница молодая.
Ея причудливый нарядъ
Невольно привлекаетъ взоры:
Ея нескромные уборы
О грѣшной жизни говорятъ.
Но дѣва падшая прекрасна, —
Взирая на нее, наврядъ
Предъ силой прелести опасной
Мужи и старцы устоятъ:
Глаза насмѣшливы и смѣлы,
Какъ снѣгъ Ливана зубы бѣлы,
Какъ зной улыбка горяча;
Вкругъ стана падая широко,
Сквозныя ткани дразнятъ око,
Съ нагого спущены плеча.
Ея и серьги, и запястья,
Звеня, къ восторгамъ сладострастья,
Къ утѣхамъ пламеннымъ зовутъ;
Алмазы блещутъ тамъ и тутъ,
И тѣнь бросая на ланиты,
Во всемъ обиліи красы,
Жемчужной нитью перевиты,
Падутъ роскошные власы.
Въ ней совѣсть сердца не тревожитъ,
Стыдливо не вспыхаетъ кровь,
Купить за злато всякій можетъ
Ея продажную любовь.
И внемлетъ дѣва разговорамъ,
И ей они звучатъ укоромъ,
Гордыня пробудилась въ ней,
И говоритъ съ хвастливымъ взоромъ:
«Я власти не страшусь ничьей!
Закладъ со мной держать хотите-ль?
Пускай предстанетъ вашъ учитель,
Онъ не смутитъ моихъ очей!»

IV.

Вино струится, шумъ и хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Куренье, солнце и цвѣты —
И вотъ къ толпѣ, шумящей праздно,
Подходитъ мужъ благообразный.
Его чудесныя черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блескѣ юной красоты,
Полны огня и вдохновенья:
Его величественный видъ
Неотразимой дышетъ властью,
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья,
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ, на смертныхъ не похожій,
Печать избранника на немъ,
Онъ свѣтелъ какъ архангелъ Божій,
Когда пылающимъ мечомъ
Врага въ кромѣшныя оковы
Онъ гналъ по манію Іеговы.
Невольно грѣшная жена

Его величьемъ смущена
И смотритъ робко, взоръ понизивъ;
Но, вспомня свой недавній вызовъ,
Она съ сѣдалища встаетъ,
И станъ свой выпрямивши гибкой,
И смѣло выступивъ впередъ,
Пришельцу съ дерзкою улыбкой
Фіалъ шипящій подаетъ.
«Ты тотъ, что̀ учитъ отреченью?
Не вѣрю твоему ученью,
Мое надежнѣй и вѣрнѣй.
Меня смутить не мысли нынѣ,
Одинъ скитавшійся въ пустынѣ,
Въ постѣ проведшій сорокъ дней!
Лишь наслажденьемъ я влекома,
Съ постомъ, съ молитвой незнакома,
Я вѣрю только красотѣ,
Служу вину и поцѣлуямъ,
Мой духъ тобою не волнуемъ,
Твоей смѣюсь я чистотѣ!»
И рѣчь ея еще звучала,
Еще смѣялася она,
И пѣна легкая вина
По кольцамъ рукъ ея бѣжала,
Какъ общій говоръ вкругъ возникъ,
И слышитъ грѣшница въ смущеньи:
«Она ошиблась! Въ заблужденье
Ее привелъ пришельца ликъ:
То не Учитель передъ нею,
То Іоаннъ изъ Галилеи,
Его любимый ученикъ».

V.

Небрежно немощнымъ обидамъ
Внималъ онъ дѣвы молодой,
И вслѣдъ за нимъ, съ спокойнымъ видомъ
Подходитъ къ храминѣ другой.
Въ его смиренномъ выраженьи
Восторга нѣтъ, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очеркъ дивнаго чела.
То не пророка взглядъ орлиный,
Не прелесть ангельской красы —
Дѣлятся на двѣ половины
Его волнистые власы;
Поверхъ хитона упадая,
Одѣла риза шерстяная
Простою тканью стройный ростъ,
Въ движеньяхъ скроменъ онъ и простъ;
Ложась вкругъ устъ его прекрасныхъ,
Слегка раздвоена брада,
Такихъ очей благихъ и ясныхъ
Никто не видѣлъ никогда.
И пронеслося надъ народомъ
Какъ дуновенье тишины,
И чудно благостнымъ приходомъ
Сердца гостей потрясены.
Замолкнулъ говоръ. Въ ожиданьи
Сидитъ недвижное собранье,
Тревожно духъ переводя —
И онъ, въ молчаніи глубокомъ,
Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ,
И въ домъ веселья не входя,
На дерзкой дѣвѣ самохвальной
Остановилъ свой взоръ печальный.

VI.

И былъ тотъ взоръ какъ лучъ денницы,
И все открылося ему,
И въ сердцѣ сумрачномъ блудницы
Онъ разогналъ ночную тьму.
И все, что̀ было тамъ таимо,
Въ грѣхѣ что̀ было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ —
И ужасъ ею овладѣлъ.
Уже на грани сокрушенья,
Она постигла въ изумленьи,
Какъ много благъ, какъ много силъ
Господь ей щедро подарилъ,
И какъ она восходъ свой ясный
Грѣхомъ мрачила ежечасно.
И въ первый разъ гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ развратнымъ,
И милосердіе прочла;
И чуя новое начало,
Еще страшась земныхъ препонъ,
Она, колеблясь, стояла...
И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ,
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста —
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

Донъ-Жуанъ.

(ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА).

Въ прологѣ изображено, какъ духи и вся природа восхваляютъ Творца и весну.

ДУХИ.

Изъ иной страны чудесной
Людямъ въ горести помочь
Насъ на землю Царь небесный
Посылаетъ въ эту ночь:
Принести живое слово,
Жатвы всѣ благословить,
Человѣка къ жизни новой
Ободрить и укрѣпить.

Одинъ духъ жалѣетъ человѣка, но его утѣшаетъ другой.

Всѣ явленія вселенной,
Всѣ движенья вещества —
Все лишь отблескъ Божества,
Отраженьемъ раздробленный!
Врозь лучи его скользя,
Раздѣлились безпредѣльно,
Міръ земной есть лучъ отдѣльный —
Не свѣтить ему нельзя!

ТРЕТІЙ ДУХЪ.

Богъ одинъ есть свѣтъ безъ тѣни.
Нераздѣльно въ немъ слита
Совокупность всѣхъ явленій,
Всѣхъ сіяній полнота;
Но струящаясь отъ Бога
Сила борется со тьмой;
Въ Немъ могущества покой —
Вкругъ Него временъ тревога!

Четвертый духъ говоритъ, что „хаосъ мстительный“ не окончательно побѣжденъ Богомъ.

И всегда, обмановъ полный,
На Господню благодать
Мутно плещущія волны
Онъ старается поднять!

ПЯТЫЙ ДУХЪ.

И усильямъ духа злого
Вседержитель волю далъ,
И свершается все снова
Споръ враждующихъ началъ;
Въ битвѣ смерти и рожденья
Основало Божество
Нескончаемость творенья,
Мірозданья продолженье,
Вѣчной жизни торжество!

ШЕСТОЙ ДУХЪ.

Вѣчно вкругъ текутъ созвѣздья,
Вѣчно свѣтомъ мракъ смѣненъ,
Нарушенье и возмездье
Есть движенія законъ.
Чрезъ всемірное явленье
Богъ проводитъ мысль одну
И какъ символъ возрожденья
За зимой ведетъ весну.

Всѣ восхваляютъ весну.

Тише! Слышите-ли, братья,
Всѣ ликуютъ безъ изъятья,
Всѣ природы голоса!

ВСѢ.

На изложинахъ росистыхъ,
На поверхности озеръ,
Вдоль ручьевъ и рѣчекъ чистыхъ,
И куда ни кинешь взоръ,
Всюду звонкая тревога,
Всюду, въ зелень убрана,
Торжествуя хвалитъ Бога
Жизни полная весна!

Проходятъ облака, расцвѣтаютъ цвѣты, пролетаютъ журавли; озера и рѣки, соловей,—всѣ принимаютъ участіе въ восхваленіи Бога.

ДУХИ.

Блаженъ, кто простъ и чистъ душою,
Чей духъ молитвѣ не закрытъ,
Кто вмѣстѣ съ юною землею
Творца міровъ благодаритъ,
Но мыслью, вѣчно восходящей,
Не въ жизни ищетъ идеалъ
И кто души своей любящей
Упорно къ ней не приковалъ!
Чѣмъ тѣни сумрачнѣй ночныя,
Тѣмъ звѣзды ярче и яснѣй;
Блаженъ въ бѣдѣ не гнувшій выи.
Блаженъ пѣвецъ грядущихъ дней,
Кто среди тьмы денницы новой
Провидитъ радостный восходъ
И утѣшительное слово

Средь общихъ слезъ произнесетъ!
И тьму пусть терпитъ Божья воля,
Явленій двойственность храня —
Блаженны мы, что наша доля
Быть представителями дня!
Пути Творца необъяснимы,
Его судебъ таинственъ ходъ,
Блаженъ, кто всѣхъ сомнѣній мимо
Дорогой свѣтлою идетъ!

ГОЛОСЪ.

Прекрасно все. Я радуюсь сердечно,
Что на землѣ теперь весна.
Жаль только, что ея краса недолговѣчна.
И декорація ужъ слишкомъ не прочна!

ДУХИ.

Кѣмъ здѣсь нарушена святая тишина?
Чей голосъ разбудилъ уснувшія долины?

ГОЛОСЪ.

Я живописи тѣнь. Я темный фонъ картины,
Необходимости логическая дань.
Я нѣчто въ родѣ общей оболочки,
Я черная та ткань,
По коей шьете вы нарядные цвѣточки.
Хотя не Слово я, за то я—всѣ слова!
Все двигаю собой, куда лишь самъ ни двинусь;
По математикѣ я — минусъ,
По философіи — изнанка божества;
Короче, я ничто, я жизни отрицанье;
А какъ Господь весь міръ изъ ничего создалъ,
То я тотъ самый матерьялъ,
Который послужилъ для мірозданья.
Клеветникамъ на зло, прогрессъ во всемъ любя,
Чтобъ было что-нибудь, я въ даръ принесъ себя,
Не пожалѣлъ отдать часть собственнаго тѣста,
Чтобъ вылѣпиться могъ вселенной сложный шаръ;
А такъ какъ быть нельзя, не занимая мѣста,
То въ остальное онъ вошелъ какъ въ свой футляръ.

САТАНА.

Хотѣлось мнѣ, для развлеченья,
Весной немножко погулять.
Но, впрочемъ, у меня есть и другое дѣло.
Коль вамъ бесѣдовать со мной не надоѣло,
Охотно сообщу задуманный мной планъ.

(Садится на обгорѣлый пень).

Есть юноша въ Севильѣ, донъ-Жуанъ,
А по фамильи — де-Маранья.
Ему пятнадцать лѣтъ. Счастливые года!
Чуть пухомъ поросла младая борода,
Почти еще дитя. Но въ мысляхъ колебанье
И безпокойство видны иногда.
Какъ размышляетъ онъ глубоко
И какъ задумчивъ онъ порой!
Къ какой-то цѣли все неясной и высокой
Стремится онъ неопытной душой;
Но если рѣчь зайдетъ о воинской отвагѣ
Или любви коснется разговоръ,
Его рука уже на шпагѣ,
Огнемъ горитъ орлиный взоръ.
Какъ онъ хорошъ въ толпѣ придворной,
Одѣтый въ бархатъ и атласъ,
Когда онъ клонитъ такъ притворно
Свой взоръ при встрѣчѣ женскихъ глазъ!
За то какъ иногда онъ смѣло
На нихъ украдкою глядитъ!
Самъ бредитъ о любви, а кровь кипитъ, кипитъ...
О, молодость моя, куда ты улетѣла!
Вы правы, господа! На утрѣ бытія,
Мечтателемъ когда-то былъ и я,
Пока не преступилъ небеснаго предѣла!

ДУХИ.

О, сатана, кого назвалъ ты намъ!
Сей донъ-Жуанъ любимецъ есть природы,

Онъ призванъ къ подвигамъ и благостнымъ дѣламъ,
Предъ нимъ преклонятся народы,
Онъ будетъ славенъ до конца,
Онъ стражей огражденъ небесной неприступно,
Къ нему ты не прострешь руки своей преступной—
Познай: сей донъ-Жуанъ избранникъ есть Творца!

САТАНА.

Мой также. Я давно его замѣтилъ.
Я знаю, сколь удѣлъ его въ грядущемъ свѣтелъ,
И юношу всѣмъ сердцемъ возлюбя,
Я сдѣлаю его похожимъ на себя.

ДУХИ.

Но гдѣ-же власть твоя? Гдѣ сила?

САТАНА.

Оно и не легко. И дорого, да мило!
Послушайте. Во всемъ я къ точности привыкъ.
Вѣдь каждый данный пунктъ, характеръ или ликъ
Мы можемъ мысленно, по нашему капризу,
И кверху продолжить, и книзу.
Я часто самъ отъ скуки наблюдалъ,
Какъ иногда моя мѣняется натура;
Взберусь наверхъ—я мрачный идеалъ;
Спущуся внизъ — карикатура.
Теперь, какъ съ каѳедры адъюнктъ,
Я вашего прошу вниманья:
Любую женщину возьмемъ какъ данный пунктъ;
Коль кверху продолжимъ ея мы очертанье,
То наша линія, какъ я уже сказалъ,
Прямехонько въ ея упрется идеалъ,
Въ тотъ чистый прототипъ, въ тотъ образъ совершенный,
Для каждой личности заранѣ припасенный.
Я этотъ прототипъ, незримый никому,
Изъ дружбы покажу любимцу моему.
Пусть въ каждомъ личикѣ, хоть нѣсколько годящемъ.
Какое-бы себѣ онъ ни избралъ,
Онъ вмѣсто копіи все зритъ оригиналъ,
Послѣдній выводъ нашъ въ порядкѣ восходящемъ.
Когда-жъ захочетъ онъ, моимъ огнемъ палимъ,
Въ объятіяхъ любви найти себѣ блаженство,
Исчезнетъ для него видѣнье совершенства,
И женщина, какъ есть, появится предъ нимъ.
И пусть онъ бѣсится. Пусть ловитъ съ вѣчной жаждой
Все новый идеалъ въ объятьяхъ дѣвы каждой!
Такъ съ волей пламенной, съ упорствомъ на челѣ,
Съ отчаяньемъ въ груди, со страстію во взорѣ,
Небесное Жуанъ пусть ищетъ на землѣ
И въ каждомъ торжествѣ себѣ готовитъ горе!

ДУХИ.

О, духъ неправды! Тотъ, кто ищетъ свѣтъ.
Кто жаждетъ лишь обнять что̀ вѣчно и прекрасно,
Надъ тѣмъ у ада власти нѣтъ.
И ты сгубить его надѣешься напрасно.
Познаетъ правду онъ, разсѣется твой мракъ,
Какъ вѣтромъ на луну навѣянная тучка!
Довольно. Въ сумракѣ земля уже почила.
Безмолвенъ лѣсъ, тиха поверхность водъ,
Покой и миръ для смертныхъ настаетъ...
Да сгинетъ сатаны завистливая сила!

САТАНА.

Покойной ночи всѣмъ! Увидимъ, чья возьметъ!
(Исчезаетъ).

ДУХИ (*одни*).

Въ тревожномъ жизни колебаньи
Всегда съ душой враждуетъ плоть;
Да озаритъ твое сіянье
Стезю блудящаго Господь!
Но если, пламенный и страстный,
Онъ слѣпо вступитъ въ мракъ и ночь,
Въ часъ испытанья, въ часъ опасный,
Дозволь намъ слабому помочь!
Твои пути необъяснимы,
Твоихъ судебъ таинственъ ходъ,
Блаженъ, кто всѣхъ соблазновъ мимо
Дорогой свѣтлою идетъ!

Комната во дворцѣ донъ-Жуана.

Донъ-Жуанъ сидитъ въ задумчивости и держитъ раскрытое письмо.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Опомнись, донъ-Жуанъ! Какое чувство
Въ твоей груди проснулося опять?
Какой, давно забытый, свѣтлый міръ
Въ тебѣ записка эта пробудила?
Чѣмъ донна-Анна лучше всѣхъ другихъ?
Такой же станъ, и гибкій, и прекрасный,
Не разъ я обнималъ; къ устамъ такимъ же
Я прижималъ горячія уста;
Такой же голосъ и такой-же взглядъ
Не разъ меня Мадонной заклинали...
И этотъ взглядъ, и голосъ, и моленья,
И мой восторгъ, и жизни полнота —
Все было ложь. Я обнималъ лишь призракъ.
Отъ женщины, которую любилъ я,
Которую такъ ставилъ высоко,
И на землѣ небеснымъ исключеньемъ
Считалъ — не оставалось ничего —
Она была такая-жъ, какъ другія!
А, кажется, я понималъ любовь!
Я въ ней искалъ не узкое то чувство,
Которое, два сердца съединивъ,
Стѣною ихъ отъ міра отдѣляетъ.
Она меня роднила со вселенной,
Всѣхъ истинъ я источникъ видѣлъ въ ней,
Всѣхъ дѣлъ великихъ первую причину.
Черезъ нее я понималъ ужъ смутно
Чудесный строй законовъ бытія,
Явленій всѣхъ сокрытое начало.
Я понималъ, что всѣ ея лучи,
Раскинутые врозь по мірозданью,
Въ другомъ я сердцѣ вмѣстѣ-бъ съединилъ,
Сосредоточилъ бы ихъ блескъ блудящій
И сжатымъ свѣтомъ ярко-бъ озарилъ
Моей души неясныя стремленья!
О, если бы то сердце я нашелъ!
Я съ нимъ одно бы цѣлое составилъ,
Одно звено той безконечной цѣпи,
Которая, въ связи со всей вселенной,
Восходитъ вѣчно выше къ Божеству,
И оттого лишь слиться съ нимъ не можетъ,
Что путь къ нему, какъ вѣчность, безъ конца!
О, если бы изъ тѣхъ, кого любилъ я,
Хотя-бъ одна сдержала обѣщанье!
Я имъ не измѣнялъ — нѣтъ, нѣтъ — онѣ,
Онѣ меня безстыдно обманули,
Мой идеалъ онѣ мнѣ подмѣнили,
Подставили чужую личность мнѣ,
И ихъ любить, на мѣсто совершенства —
Вотъ гдѣ-бъ измѣна низкая была!
Нѣтъ, самъ себѣ я оставался вѣренъ:
Я продолжалъ носить въ себѣ ту мысль,
Которая являлась въ нихъ сначала;
Но вскорѣ я подлогъ ихъ узнавалъ,
Одну покинувъ, я искалъ другую,
И каждый разъ все сызнова обманутъ,
Съ ожесточеннымъ сталъ я любопытствомъ
Въ нихъ струны сердца всѣ перебирать;
Когда-жъ онѣ рвалися, равнодушно
Изломанный бросалъ я инструментъ
И далѣ шелъ, и всюду находилъ
Одни и тѣ же пошлыя явленья!
И въ ярости тогда я поклялся
Любви не вѣрить, ничему не вѣрить.
Искалъ я въ ней одно лишь обладанье,
Лишь чувственность одну въ ней находилъ.

Да, я искалъ ее лишь для того,
Чтобы насмѣшкой мстить ея насмѣшкамъ...
А нынѣ? Что со мной? Что̀ эти строки?
Зачѣмъ онѣ надежду оживили?
Ужъ въ третій разъ прочитываю ихъ,
И въ сердцѣ тотъ же непонятный трепетъ.
(Читаетъ).
Я къ вамъ писать рѣшаюсь, донъ-Жуанъ,
Рѣшаюсь я исполнить вашу просьбу,
Но объясниться съ вами я должна.
Успѣхи ваши, нравъ непостоянный,
Отчаянье и слезы столькихъ жертвъ,
Къ несчастью, мнѣ давно уже извѣстны.
Для васъ легко любить и разлюблять...
Ужель вы также и меня хотѣли-бъ
Игрушкой сдѣлать прихоти своей?
Нѣтъ, вопреки тяжелымъ обвиненьямъ,
Которыхъ много такъ на васъ лежитъ,
Мнѣ говоритъ какой-то тайный голосъ,
Что уважать васъ можно, донъ Жуанъ!
Скажите-жъ, какъ должна я оправдать
Преслѣдованья ваши? Можетъ быть,
Вамъ самолюбіе не даетъ покоя,
И требуете вы, чтобы я вамъ
Сама въ любви призналась? Если такъ —
Я притворяться долѣ не умѣю —
Я васъ люблю — да, — высказано слово —
Но заклинаю васъ святой Мадонной
И честью вашей заклинаю васъ,
Меня увидѣть болѣ не ищите;
Отнынѣ я почла бы оскорбленьемъ
Старанье ваше сблизиться со мной.
Я вамъ призналась — вы достигли цѣли —
Теперь не трудно вамъ меня забыть».
(Послѣ нѣкотораго молчанья).
Какъ эти мнѣ знакомы выраженья!
Такія-жъ строки часто я читалъ.
Всѣ заклинаютъ честью, долгомъ, вѣрой,
Потомъ свиданье робко назначаютъ,
Потомъ придетъ развязка, а потомъ...
Исчезнетъ сонъ и правды часъ наступитъ!
Все это я ужъ знаю напередъ.
Но отчего-жъ записка донны-Анны
Мнѣ душу такъ волнуетъ глубоко?
Встаютъ опять чудесныя видѣнья
И манятъ снова призраки любви!
Такъ марево, въ пустынѣ аравійской,
Предъ путникомъ рисуетъ вдалекѣ
Озеръ и рѣкъ желанныхъ очертанья;
Когда же онъ, собравъ остатокъ силъ,
Дотащится до нихъ изнеможенный —
Исчезло все. Предъ нимъ одна лишь степь,
Песковъ сыпучихъ пламенное море!
(Смотритъ на письмо).
Слова все тѣ же, но какъ будто смыслъ
Другой, и будто между этихъ строкъ
Читаю я невидимыя строки.
А вотъ и слезъ слѣды. Какъ будто дождь
Кропилъ руки невѣрной начертанья.
И это мнѣ знакомо. Часто я
Такія пятнышки видалъ на письмахъ.
Нѣтъ, это не любовь. То кровь играетъ,
Желанья дразнитъ ненасытный бѣсъ!
Такъ что̀ же? Гдѣ-жъ преграда? Или вкралось
Мнѣ въ душу состраданье? Или совѣсть
Меня тревожитъ? Что̀ такое совѣсть?
Пойми себя, Жуанъ! Когда любовь
Есть ложь, то всѣ понятія и чувства,
Которыя она въ себѣ вмѣщаетъ:
Честь, совѣсть, состраданье, дружба, вѣрность,
Религія, законовъ уваженье,
Привязанность къ отечеству — все ложь!
Религія! Не на любви-ль ея
Основано высокое начало?
Но если основанье есть ничто —
Тогда и самое ничтожно зданье!
Двоякая въ немъ ложь заключена:

По мысли ложь, и ложь по примѣненью.
Вы, райскаго вербовщики спасенья,
Во имя ли любви вы громоздите
Для вашихъ жертвъ священные костры?
А вы, которыхъ жгутъ благочестиво,
Вы, проповѣдники свободной мысли,
Вы для кого себя даете жечь?
Коль нѣтъ любви, то нѣтъ и убѣжденій;
Коль нѣтъ любви, то знайте: нѣтъ и Бога!
Вы-жъ, за отечество въ кровавыхъ битвахъ
Безсмысленно губящіе другъ друга,
Вы можете-ль сказать, кто приковалъ
Къ извѣстному пространству человѣка?
Кто ограничилъ вашъ свободный духъ
Стѣпой, горами, моремъ иль заставой?
Когда-бъ любовь оправдывалась въ мірѣ,
Отечествомъ была бы вся земля,
И человѣкъ тогда душою вольной
Равно любилъ бы весь широкій міръ.
Отечествомъ бы звалъ не только землю,
Онъ звалъ бы имъ и звѣзды, и планеты!
А совѣсть? Справедливость? Честь? Законы?
Все громкія и пошлыя слова,
Все той же лжи лишь разныя названья!
Что-жъ остается въ жизни? Слава? Власть?
Но гдѣ вѣнецъ, гдѣ свѣтлая тіара,
Которые бы стоили труда
Къ нимъ руку протянуть? Какая власть
Того насытитъ, кто искалъ блаженства?
И если-бъ всѣ живущіе народы
И всѣхъ грядущихъ поколѣній тьмы,
Всѣ пали ницъ передо мной — ужели-бъ
Я хоть на мигъ ту жажду позабылъ,
Которой нѣтъ на свѣтѣ утоленья?
Все въ мірѣ ложь! Вся жизнь есть злая шутка,
И если всѣ явленья перебрать
И призраки пустые всѣ откинуть,
Останется лишь чувственность одна,
Любви ничтожный, искаженный снимокъ,
Который иногда, зажмуря очи,
Еще принять мы можемъ за любовь.
Къ чему же намъ зазрѣньями стѣсняться?
Нѣтъ! Я мириться не могу съ судьбой
И рабски покоряться тѣни. Нѣтъ!
Не вѣрю ничему, ничѣмъ не сдержанъ,
Моимъ страстямъ я отпущу бразды,
Не разбирая средствъ, я каждой цѣли
Достигну скоро, все попру ногами,
Унижу все и жизни отомщу!
Я не хочу искать, какое чувство
Меня теперь приводитъ къ доннѣ Аннѣ!
Я къ ней влекомъ — она моею будетъ!
Не нужно мнѣ лукавить, ни хитрить;
Я и досель въ любовныхъ приключеньяхъ
Не обольщалъ съ холодностью безстрастной
И никогда разсчитывать не могъ.
Воображенью дать лишь стоитъ волю,
Оно меня на крыльяхъ унесетъ,
Минутной вѣрой мнѣ наполнитъ душу,
Искусственной любовью опьянитъ;
Краснорѣчиво жгучія слова
Изъ устъ польются; какъ актеръ на сценѣ,
Я непритворно въ роль мою войду
И до развязки самъ себѣ повѣрю.
Такъ. Рѣшено. Возстань же, донъ-Жуанъ!
Иди впередъ, какъ ангелъ истребленья!
Брось снова вызовъ призраку любви,
Условій пошлыхъ мелкія сплетенья
Вокругъ себя какъ паутину рви —
Живи одинъ, для мщенья и для страсти!
На зло судьбѣ иль той враждебной власти,
Чьей силой ты на бытіе призванъ,
Плати насмѣшкой вѣчнымъ ихъ обманамъ,
И какъ корабль надъ бурнымъ океаномъ,

Надъ жизнью такъ господствуй, донъ-Жуанъ!

(Лепорелло вбѣгаетъ, запыхавшись).

Прибѣгаетъ Лепорелло и сообщаетъ господину, что за нимъ установленъ надзоръ инквизиціи; донъ-Жуанъ, узнавъ объ этомъ, готовъ къ борьбѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *(одинъ).*

И такъ, я нахожусь подъ наблюденьемъ
Святыхъ отцовъ. Мнѣ по-сердцу борьба!
Я обществу, и церкви, и закону
Перчатку бросилъ. Кровная вражда
Ужъ началась открыто между нами.
Взойди-жъ, моя зловѣщая звѣзда!
Развейся, моего возстанья знамя!

Комната донны-Анны.

Донна-Анна. У ногъ ея сидитъ донъ-Жуанъ.

ДОННА-АННА.

Такъ это правда? Это не обманъ!
Меня ты любишь искренно, сердечно?
Другихъ ты женщинъ для меня забылъ?
Меня одну всегда любить ты будешь
И не раскаешься?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, донна-Анна!
Тебя одну и вижу я, и помню.
Всю жизнь мою до этого мгновенья,
Все, что я прожилъ, все, что ощущалъ,
Я все забылъ! И какъ впадаютъ въ море,
Въ бездонное, всѣ рѣки и ручьи,
Такъ, безъ слѣда, мои воспоминанья
Въ твоей любви теперь поглощены!..
Все призракъ и мечта!
Все дымъ и сонъ — одна любовь есть правда!

ДОННА-АННА.

И любишь ты давно меня, Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Давно? Всегда! Твой образъ, донна-Анна,
Всегда носился смутно предо мной!
Когда одинъ, въ крушительной тревогѣ,
Я съ жизнію боролся какъ пловецъ,
Тебя мой взоръ отыскивалъ вдали,
Тебя увидѣвъ, берегъ я увидѣлъ.

ДОННА-АННА.

То, видно, насъ соединило небо!
Но, милый другъ, теперь, когда нашли
Мы оба въ жизни твердую опору,
Скажи, куда направишь ты свой бѣгъ?
Какую цѣль своимъ поставишь силамъ?
Душѣ высокой, свѣтлому уму
Какую ты задашь теперь задачу?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Весь міръ открытъ предъ нами, донна-Анна!
Моя душа свободна и ясна.
Къ чему бы мыслью я ни обратился,
Я до всего достигну. Но оставимъ
Мы этотъ разговоръ. Теперь любовь,
Одна любовь, моею будетъ цѣлью!

ДОННА-АННА.

Ты самъ себя не знаешь, донъ-Жуанъ,
По сердцемъ я давно тебя постигла.
Я буду помогать тебѣ. Когда
Любовь твои стремленья заградитъ,
Я, я, Жуанъ, тебѣ о нихъ напомню.
Я не хочу тебѣ преградой быть,
И твоему орлиному полету
Мѣшать я не должна. Но что съ тобой?
Какая мысль твой омрачила взоръ?

Доннъ-Жуанъ вспоминаетъ, что донна-Анна любила дона-Октавіо.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда меня любить переставали,
Сопернику счастливому охотно
Я мѣсто уступалъ; когда-жъ соперникъ
Мнѣ докучалъ безъ повода и права,
Межъ нами споръ моя кончала шпага
И не давала времени созрѣть
Ревнивости! Я чуждъ ея остался.

ДОННА-АННА.

Что-жъ значили сейчасъ твои слова?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ видишь ли: любовь я въ мысли ставлю
Такъ высоко, такъ свято понимаю,
И для меня ея такъ нѣженъ цвѣтъ,
Что отъ малѣйшаго прикосновенья
Легко мрачится онъ и увядаетъ.
Когда любилъ я, и когда во мнѣ
Другой, неясный образъ зарождался,
Я, чтобъ любви священное начало
Борьбою двухъ явленій не нарушить,
Спѣшилъ разстаться съ той, кого любилъ...

ДОННА-АННА.

Разстаться, донъ-Жуанъ? Но отчего же
Въ тебѣ тотъ чуждый образъ зарождался?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не знаю самъ. Но я съ собой былъ честенъ
И двумъ идеямъ вмѣстѣ не служилъ.
Просторно сердце женщины, напротивъ;
Въ немъ рѣзкія противорѣчья могутъ
Ужиться рядомъ. Въ немъ бываетъ слышенъ,
Среди любви живой и настоящей,
Нерѣдко запоздалый оттолосокъ
Другой, отжившей, konченной любви.
Вины тутъ нѣтъ: подобныя явленья—
Въ природѣ женской. Но дѣлиться я
И съ тѣнью даже не могу съ тѣмъ сердцемъ,
Которое мнѣ отдалося. Въ немъ
Я долженъ быть одинъ.

Донна-Анна клянется, что любитъ только его одного. Донъ-Жуанъ задаетъ вопросъ, какъ-бы поступила она, если-бы онъ ей измѣнилъ. Донна-Анна говоритъ, что вѣритъ ему, хотя раньше такія мысли были и у нея.

ДОННА-АННА.

И чѣмъ съ тобою чаще я встрѣчалась,
Тѣмъ каждый разъ мнѣ дѣлалось яснѣе
Противорѣчье межъ твоей душой
И жизнію твоей. Я поняла,
Что есть въ тебѣ какая-то загадка.
Да, донъ-Жуанъ, загадка есть въ тебѣ.
Твоихъ бровей грозящая дуга
Являетъ самолюбіе и гордость,
Въ твоихъ очахъ видна бываетъ грусть —
Но непритворенъ ликъ твой благородный,
И въ этомъ сердцѣ мѣста нѣтъ для лжи!
Мнѣ говорили также про тебя,
Что ты не уважаешь ни законовъ,
Ни церкви, ни святыни; но, я знаю,
Твои ошибочно толкуютъ мысли.
Не правда-ли, со временемъ, когда
Увидишь ты, что я тебя достойна,
Ты все мнѣ скажешь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Жизнь моя! Зачѣмъ.
Чего мнѣ ждать? теперь, не отлагая,
Я все тебѣ скажу. Ты не похожа
На прочихъ женщинъ; все тебѣ доступно.
Суди меня — и если я виновенъ,
Я предъ твоимъ склонюся приговоромъ.
Тебя не обманули. Да, я врагъ
Всего, что люди чтутъ и уважаютъ.
Но ты пойми меня; взгляни вокругъ:
Достойны-ль ихъ кумиры поклоненья?
Какъ отвѣчаетъ ихъ поддѣльный міръ
Той жаждѣ правды, чувству красоты,
Которыя живутъ въ насъ отъ рожденья?
Вездѣ условья, ханжество, привычка,
Общественная ложь и раболѣпство!
Весь этотъ міръ нечистый я отвергъ.
Но я другой хотѣлъ соорудить,
Свѣтлѣй и краше видимаго міра.
Имъ внѣшность я хотѣлъ облагородить;
Мнѣ говорило внутреннее чувство,
Что въ женскомъ сердцѣ я его найду—
И я искалъ. Зачѣмъ тебя смущать
Разсказомъ долгихъ, горькихъ заблужденій?
Довольно. Жизнь мою ты поняла.

ДОННА-АННА.

О, не страшися своего довѣрья!
Да, все я понимаю. Но скажи мнѣ,
Чего ты ждалъ отъ тѣхъ, кого любилъ?
Чѣмъ былъ ты оскорбленъ, иль чѣмъ обманутъ?
Чего ты требовалъ? Скажи мнѣ все!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Чего я ждалъ отъ нихъ, чего искалъ,
Опредѣлить уже не въ силахъ я.
Теперь я все нашелъ, теперь я счастливъ!
Не полно было-бъ это чувство, еслибъ
Его словами выразить я могъ!

ДОННА-АННА.

А я, Жуанъ, когда-бъ мою любовь
Могла измѣрить или обозрѣть,
Мнѣ было-бъ страшно, я боялась-бы,
Что до тебя она не досягнетъ.
Но мѣры нѣтъ въ ней! Нѣтъ во мнѣ боязни!
Сомнѣній нѣтъ! Я въ будущее вѣрю,
Какъ вѣрю въ Бога и въ тебя, Жуанъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Да! Вѣрь, о, ангелъ! Вѣрь! Намъ надо вѣрить!
Лишь въ вѣрѣ счастье! Мигъ единый вѣры
Есть вѣчность. Пусть онъ нашу жизнь поглотитъ!
Прочь, думы! Прочь, сомнѣнья хладный червь!
Забудемъ все! Весь міръ! Себя самихъ!
Въ одномъ восторгѣ и въ одномъ блаженствѣ
Смѣшаемъ жизнь и смерть!
(Входитъ командоръ).

ДОНЪ-ЖУАНЪ (*въ сторону*).

Проклятье!
Холодною водой меня онъ облалъ,
Онъ мнѣ напомнилъ, что любовь есть призракъ,
Что я сюда пришелъ лишь роль играть.
Перехитрилъ старикъ, поторопился
Накидывать арканъ свой на меня!

КОМАНДОРЪ.

Простите, донъ-Жуанъ. Мы у фонтана
Васъ встрѣтимъ завтра.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не опоздаю!
(Уходитъ).

КОМАНДОРЪ (*про себя, слѣдя за нимъ глазами*).

Какъ омрачилось вдругъ его лицо!
Не въ первый разъ уже я замѣчаю,
Что выраженье ясное внезапно
Въ немъ исчезаетъ, и вокругъ бровей
И возлѣ устъ играетъ и змѣится
Насмѣшливо-суровая черта.
Не нравятся мнѣ эти перемѣны!

Раздосадованный тѣмъ, что командоръ нарушилъ его „сонъ любви", донъ-Жуанъ рѣшается мстить,—онъ приходитъ въ назначенный срокъ къ фонтану и поетъ серенаду передъ окномъ Инесы, вѣтреной красавицы. Командоръ, оскорбленный этимъ, вступаетъ съ нимъ въ бой и раненый умираетъ.

Донна-Анна, тоскуя, одна сидитъ въ своей комнатѣ.

Комната донны-Анны.

ДОННА-АННА (*вся въ черной одеждѣ сидитъ у окна*).

Какъ въ ясный день крушительная буря,
Такъ на меня обрушилась судьба.
О, мой отецъ! Услышь меня изъ гроба!
Передъ тобой его я обвиняю!
Да, онъ тебя не одного убилъ.
Онъ, онъ убилъ души моей святыню,
Надежды всѣ, и чистыя мечты,
Завѣтныя убилъ онъ убѣжденья,
Онъ все убилъ! Въ отчаянье онъ ввергнулъ,
Въ безвѣріе низринулъ дочь твою!
То былъ духъ тьмы, видъ ангела принявшій,

Но въ немъ не я ошиблась — нѣтъ, не я!
Отецъ мой, не вини меня! Предвидѣть
Никто не могъ того, ни угадать.
Здѣсь выводы нарушены событій,
Насилованъ предвѣчный ходъ судьбы;
То истинъ всѣхъ законъ непогрѣшимый
Разбился о двуличіе его!
Нѣтъ, не меня ты обманулъ, Жуанъ,
Ты обманулъ и Бога, и природу!

Входитъ донъ-Октавіо. Она его не замѣчаетъ.

Входитъ донъ-Октавіо, ея прежній женихъ, любящій ее. Она холодно его встрѣчаетъ и говоритъ, что любовныхъ его признаній она слушать не хочетъ: донъ-Жуанъ на его-бы мѣстѣ поступилъ не такъ.

ДОННА-АННА.

Нѣтъ, онъ не такъ-бы поступилъ, какъ вы!
Когда-бы онъ любилъ меня, когда-бы
Онъ былъ на вашемъ мѣстѣ — о, давно
Сумѣлъ-бы онъ отъ васъ меня избавить,
Любить онъ могъ-бы, еслибъ захотѣлъ!

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Опомнитесь! Въ себя придите! Вамъ-ли
Меня язвить такъ горько, донна-Анна?

ДОННА-АННА.

Какія только знаю я проклятья,
Я всѣ зову на голову его!
Быть можетъ, смертный грѣхъ я совершаю,
Но вамъ обоимъ мѣста въ свѣтѣ нѣтъ!
Душою всей, и каждымъ помышленьемъ,
Дыханьемъ каждымъ я его кляну,
Біеньемъ сердца каждымъ ненавижу,
Но ваше малодушье, Донъ-Октавьо,
Я презираю. Слышите-ли? Васъ
Я презираю. *(Уходитъ).*

ДОНЪ-ОКТАВІО.

Да проститъ ей Богъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ (*одинъ*).

Мнѣ оставаться долѣ невозможно,
Испанію покинуть долженъ я.
Но мысль о доннѣ-Аннѣ не даетъ
Покоя мнѣ. Я не былъ никогда
Особенно къ чувствительности склоненъ;
Не помню даже, чтобы мнѣ ребенкомъ
Когда-нибудь случалось плакать. Нынѣ-жъ,
Въ мучительныхъ и сладкихъ сновидѣньяхъ,
Когда ее я вижу предъ собой,
Я дѣлаюся слабъ и, пробуждаясь,
Я ощущаю слезы на лицѣ.
Я самъ себя не узнаю. Когда-бы
Не горькій мой и многократный опытъ,
Я-бъ это чувство принялъ за любовь.
Но я не вѣрю ей. Одно желанье,
Одна лишь страсть во мнѣ; и, можетъ быть,
Я трудностью побѣды подстрекаемъ!
Чего-же ждать? Не буду малодушенъ,
Чувствительность разсудкомъ изгоню,
Безъ нѣжныхъ вздоховъ и безъ колебаній
Пойду я прямо къ цѣли, и сомнѣньямъ
Развязкой скорой положу конецъ!
(Задумавшись).
Тогда и этотъ новый призракъ счастья
Исчезнетъ, какъ всѣ прежніе. Да, да,
Я излѣчусь; но это излѣченье
Тяжеле будетъ самаго недуга,
И я куплю спокойствіе мое
Еще одной потерей идеала!
Не лучше-ли оставить этотъ цвѣтъ
Несорваннымъ, но издали дышать
Его томительнымъ благоуханьемъ,
И каждый день, и каждое мгновенье
Воздушною идеей упиваться?
Безумный бредъ! То было-бы возможно
Другому, но не мнѣ. Мечтатель я —
Но я хочу мечты осуществленья,
Неясныхъ положеній не терплю.
Я не могу туманнымъ обѣщаньемъ
Довольствоваться въ жизни. Отъ нея

Я исполненья требую. Я знаю,
Что и теперь она не сдержитъ слова,
Но чѣмъ скорѣе выйдетъ ложь наружу,
Тѣмъ лучше для меня. Я не хочу
Быть убаюканъ этимъ заблужденьемъ.
Въ Испаніи да будетъ донна-Анна
Моимъ послѣднимъ, горькимъ торжествомъ!
Съ чего-жъ начну? Еще не знаю самъ,
Но чувствую, что ужъ готовъ мой демонъ
Мнѣ снова помогать: въ моей груди
Ужъ раздуваетъ онъ губящій пламень,
Къ безумной страсти примѣшалъ вражду...
Въ моемъ желаньи тайный гнѣвъ я чую,
Мой замыселъ безжалостенъ и золъ,
На власть ея теперь я негодую,
Какъ негодуетъ раненый орелъ,
Когда полетъ влачить онъ долженъ низко,
И не рѣшу, что̀ мнѣ волнуетъ кровь:
Любовь-ли здѣсь такъ къ ненависти близко,
Иль ненависть похожа на любовь!

На кладбищѣ сатана бесѣдуетъ съ духами.

САТАНА.

На этотъ разъ до мертвыхъ нѣтъ мнѣ дѣла.
Иной заботой занятъ я.
Вы помните, друзья,
Нашъ давній споръ про донъ-Жуана?
Я говорилъ, что, поздно или рано,
Онъ будетъ мой. И что-жъ? Свѣтъ побѣдила мгла.
Не понялъ той любви святого онъ значенья,
Которая-бъ теперь спасти его могла,
И слѣпо онъ свершитъ надъ нею преступленье.

ДУХИ.

Въ безмолвіи ночи
Мы съ нимъ говорили,
Мы спящія очи
Его прояснили,
Изъ тверди небесной
Къ нему мы вѣщали
И міръ безтѣлесный
Ему показали,
Онъ зрѣлъ, обновленный,
Въ чемъ сердца задача,
И рвался къ намъ сонный,
Рыдая и плача;
Въ дневной же тревогѣ
Земное начало
Опять отъ дороги
Его отвращало;
Онъ помнилъ видѣнье,
Но требовалъ снова
Ему примѣненья
Средь міра земного,
Пока его очи
Опять не смежались,
И мы, среди ночи,
Ему не являлись;
И вновь онъ преступный
Гналъ замыслъ обратно,
И мысли доступна,
И сердцу понятна
Стремленья земного
Была неудача,
И нашъ онъ былъ снова,
Рыдая и плача!

САТАНА.

Я вижу изъ сего, что путь его двойной,
И самъ онъ, кажется, двоится:
Во снѣ онъ вашъ, но на яву онъ мой —
На этомъ я согласенъ помириться!

ДУХИ.

Лукаво ты его смущалъ,
Ты истощилъ его терпѣнье,
И гнаться онъ усталъ за тою бѣглой тѣнью,
Что лживо на землѣ ему ты показалъ.

САТАНА.

... слѣпъ онъ, словно кротъ. Къ чему-жъ еще обманъ?
Ужъ нечего мнѣ болѣ добиваться;
Могу я руки положить въ карманъ
И зрителемъ въ комедіи остаться.

Безъ цѣли за него идетъ у насъ борьба,
Теперь бы отдохнуть могли мы;
Вліяній нашихъ нѣтъ — влечетъ его судьба
И неизбѣжности законъ неумолимый!

ДУХИ.

Вкругъ дѣлъ людскихъ загадочной чертой
Свободы грань очерчена отъ вѣка;
Но безъ насилья можетъ въ грани той
Вращаться вольный выборъ человѣка.
Лишь если онъ предѣлы перейдетъ,
Въ чужую область вступитъ святотатно,
Впадаетъ онъ въ судьбы водоворотъ
И увлеченъ теченьемъ невозвратно.
Въ тревогѣ думъ, въ разгарѣ мощныхъ силъ,
Жуанъ блуждаетъ дерзостенъ и страстенъ,
Но за черту еще онъ не ступилъ,
И къ правдѣ онъ еще вернуться властенъ.
Лукавый духъ, бѣжишь ты со стыдомъ!
Святой любви таящееся чувство
Сознаетъ онъ.

САТАНА.

Я сомнѣваюсь въ томъ.
Я отказался здѣсь отъ всякаго искусства,
На гвоздикъ я свою повѣсилъ сѣть;
Но къ милой онъ пошелъ, совсѣмъ ужъ сбитый съ толку.

ДУХИ.

Онъ къ истинѣ придетъ! Его туманный взоръ
Уже провидѣлъ лучъ божественнаго свѣта!

Донъ-Жуанъ пробирается въ комнату донны-Анны. Происходитъ объясненіе.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, если бы я могъ въ Него повѣрить,
Съ какимъ бы я раскаяньемъ палъ ницъ,
Какія-бъ лилъ горячія я слезы,
Какія бы молитвы я нашелъ!
О, какъ тогда Его я умолялъ бы,
Чтобы еще Онъ жизнь мою продлилъ;
И могъ бы я, босой и въ власяницѣ,
Простертый въ прахъ, и съ пепломъ на главѣ,
Хоть долю искупить тѣхъ преступленій.
Которыя безвѣрьемъ рождены!
Какихъ бы я искалъ себѣ мученій,
Какимъ бы истязаньямъ предалъ плоть,
Какъ жадно-бъ я страданьемъ упивался.
Когда бы могъ повѣрить въ божество!
О, горе мнѣ, что не могу я вѣрить!

ДОННА АННА.

Что слышу я? Тотъ самый, кто въ другихъ,
Съ разсчитаннымъ, холоднымъ наслажденьемъ.
Всегда святыню сердца убивалъ —
Тотъ сожалѣетъ о своемъ безвѣрьи!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я разрушалъ въ моемъ ожесточеньи
Обманъ и ложь вездѣ, гдѣ находилъ.
За жизнь мою и за мое рожденье
Слѣпой судьбѣ безъ отдыха я мстилъ.
Себя, другихъ, весь міръ я ненавидѣлъ.
Я все губилъ. Одинъ лишь только разъ,
Въ тотъ свѣтлый день, когда я васъ увидѣлъ,
Въ моей душѣ надежда родилась.
Но я ужъ былъ испорченъ. Я не могъ
Моей любви повѣрить. Слишкомъ часто
Я былъ обманутъ. Я боялся вновь
Попасться въ сѣть; я гордо захотѣлъ
Убить въ себѣ мучительное чувство
И святотатно я его попралъ.
Я самъ себѣ безумно посмѣялся,
И моего упорнаго безвѣрья,
Моей насмѣшки горькой надъ собой,
Вы сдѣлалися жертвой. Не глядите
Такъ гнѣвно на меня — увы, я знаю,
Что я преступникъ, но ужъ я наказанъ.

Не удалося мнѣ торжествовать.
Я побѣдить себя не могъ. Вашъ образъ
Не въ силахъ я изгладить, ни забыть.
Да! Въ Бога я давно уже не вѣрю,
Но вѣрить въ васъ еще не пересталъ!
Когда-бъ я могъ, хоть изрѣдка, васъ видѣть —
Не здѣсь — о, нѣтъ, но въ церкви гдѣ-нибудь,
Незримый вами, въ темномъ углубленьи,
Межъ нишими, колонною сокрытъ,
Когда-бъ я могъ, хоть издали, украдкой
Вашъ иногда услышать голосъ — о!
Тогда, быть можетъ, былъ бы я спасенъ
И вѣрить вновь тогда бы научился!

Является офицеръ со стражей, разыскивающій донъ-Жуана. Донна-Анна прячетъ его и не выдаетъ. Когда офицеръ уходитъ, донна-Анна падаетъ въ обморокъ.

Донъ-Жуанъ, ликующій, идетъ на кладбище, гдѣ ждетъ его Лепорелло.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *(входя)*.

Свершено!
Полуобманъ и полуоткровенность,
Обратное движенье бурной страсти,
Которому такъ сладко уступать,
Мнѣ предали въ объятья донну-Анну.
Я побѣдилъ! Не будетъ болѣ мучить
Меня любви обманчивая тѣнь!

Издѣваясь надъ командоромъ, онъ приглашаетъ статую явиться къ нему на пиръ. Статуя дѣлаетъ утвердительный знакъ головой.

Но какъ камень, сорвавшись съ свистящей пращи,
Такъ лети все впередъ, безъ оглядки!
Невозможенъ мнѣ отдыхъ! Несносенъ покой!
Ужъ я цѣли нигдѣ не ищу никакой,
Жизнь надеждой мою не украшу!
Не упился я ею, какъ крѣпкимъ виномъ,
Но за то я, смѣясь, опрокинулъ вверхъ дномъ
Безполезно шипящую чашу!

Является къ нему донна-Анна,—она приняла яду и передъ смертью хочетъ спасти душу донъ-Жуана, — она умоляетъ его покаяться. Она уходитъ, онъ не хочетъ уѣзжать изъ Испаніи и, взволнованный, думаетъ только о доннѣ-Аннѣ. Донъ-Жуанъ готовился покинуть Испанію и устроилъ пиръ своимъ будущимъ спутникамъ. Но душа его неспокойна,—своей побѣдой надъ донной-Анной онъ не доволенъ, цѣли жизни у него нѣтъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

То, что снилося мнѣ, того нѣтъ на яву!
Кто мнѣ скажетъ, зачѣмъ, для чего я живу?
Кто мнѣ смыслъ разгадаетъ загадки?
Смысла въ ней безпокойной душой не ищи.
О, если я не брежу! Если вправду
Люблю ее любовью настоящей!
Какъ будто отъ ея послѣднихъ словъ
Отдернулася предо мной завѣса,
И все иначе вижу я теперь...
Когда она такъ ясно повторила,
Что хочетъ умереть, во мнѣ какъ будто
Оборвалося что-то; словно я
Ударъ кинжаломъ въ сердце получилъ —
Еще доселѣ длится это чувство...
Что-жъ это, если не любовь? Какимъ
Моя душа исполнилась волненьемъ?
Сомнѣнія исчезли безъ слѣда...
Я снова вѣрю, какъ въ былые дни...
О, я съ ума сойду отъ счастья! Я...
О, Боже, Боже! Я люблю ее!
Люблю тебя! Я твой, о, донна-Анна!
Ко мнѣ! Я твой! Ко мнѣ! Люблю, люблю!

(Бѣжитъ и вдругъ останавливается какъ вкопанный. Лампы гаснутъ. Входитъ статуя командора).

СТАТУЯ.

Ты звалъ меня на ужинъ, донъ-Жуанъ —
Я здѣсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Во снѣ ли я, иль на яву?

СТАТУЯ.

Молись!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не можетъ быть! Неправда! Сонъ!
Не онъ стоитъ изъ камня предо мной —
Воображенье мнѣ на умъ приводитъ
Убитаго отца! Прочь, призракъ! Прочь!
(Статуя стоитъ неподвижно. Молчаніе).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Спирается дыханье... бьются жилы...
Разсудокъ мой туманится...

СТАТУЯ.

Молись!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ ушахъ шумитъ... темнѣетъ зрѣнье... Прочь!
Прочь! Пропусти меня! Гдѣ донна-Анна?

СТАТУЯ.

Молись!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Гдѣ донна-Анна?

СТАТУЯ.

Отравилась.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *(хватаясь за сердце).*

О, что со мною?

СТАТУЯ.

Ты любилъ её.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Остыла кровь и сердце холодѣетъ!

СТАТУЯ.

Подумай о душѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ
(воспрянувъ отъ оцѣпенѣнія).

Смерть и проклятье!
Къ чему душа, когда любовь погибла!
Теперь мнѣ болѣ нечего терять —
И смерть и адъ на бой я вызываю!

(Бросается со шпагой на статую. Шпага ломается. Молчаніе).

СТАТУЯ.

Твой часъ пробилъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ *(въ отчаяніи).*

Любилъ я! Горе, горе!
Въ нее повѣривъ, я повѣрилъ въ Бога —
Но поздно! Все погибло съ нею — все —
И злѣе прежнихъ эта злая шутка!

СТАТУЯ.

Въ послѣдній разъ, молися!

ДОНЪ-ЖУАНЪ *(въ бѣшенствѣ).*

Не хочу!
Кляну молитву, рай, блаженство, душу —
И какъ въ безвѣрьи я не покорялся,
Такъ, вѣрящій, теперь не покорюсь!

СТАТУЯ
(касаясь рукою донъ-Жуана).

Погибни-жъ, червь!

(Донъ-Жуанъ падаетъ; статуя исчезаетъ).

ДУХИ *(являются съ неба).*

Назадъ, слѣпая сила!
Оставь того, кто вѣруетъ и любитъ!

САТАНА *(выростаетъ изъ земли).*

Онъ мой! Отвергъ онъ покаянье!
Онъ богохульствуетъ! Онъ мой!

ДУХИ.

Его спасетъ любви сознанье,
Не конченъ путь его земной!

САТАНА.

Нѣтъ, это противъ договора!
Ужъ адъ надъ нимъ разинулъ пасть!
Хватай его, статуя командора,
Какъ исполнительная власть!
(Статуя стоитъ неподвижно).
Межъ двухъ начальствъ колеблется усердье
И преданность вдругъ чувствуетъ зазоръ!
Хватай его на зло землѣ и тверди —
Иль провались, булыжный командоръ!

(Статуя проваливается. Духи становятся между сатаной и донъ-Жуаномъ, который падаетъ въ обморокъ. Сатана исчезаетъ).

ДУХИ.

Пути Творца необъяснимы.
Его судебъ таинственъ ходъ.
Всю жизнь обманами водимый
Теперь къ сознанію придетъ!
Любовь есть сердца покаянье.
Любовь есть вѣры ключъ живой,
Его спасетъ любви сознанье,
Не конченъ путь его земной!
(Исчезаютъ).

Донъ-Жуанъ уходитъ въ монастырь ведетъ праведную жизнь и умираетъ примиреннымъ съ Богомъ и людьми.

Я. Полонскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Мое сердце — родникъ, моя пѣсня — волна, —
Пропадая вдали, — разливается...
Подъ грозой — моя пѣсня, какъ туча, темна,
На зарѣ — въ ней заря отражается.
Если-жъ вдругъ вспыхнутъ искры нежданной любви
Или на сердцѣ горе накопится, —
Въ лоно пѣсни моей льются слезы мои,
И волна уноситъ ихъ торопится.

И. С. Аксакову.

Когда мнѣ въ сердце бьетъ, звеня какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.
Въ негодованіе души твоей вникая,
Собратъ, пойму-ли я тебя?
На смѣлый голосъ твой откликнуться желая,
Какимъ стихомъ откликнусь я?
Не внемля шопоту соблазна, строгій геній
Ведетъ тебя инымъ путемъ —
Туда, гдѣ нѣтъ уже ни жаркихъ увлеченій,
Ни примиренія со зломъ.
И если ты блуждалъ, съ тобой мы врозь блуждали, —
Я силы сердца не щадилъ,
Ты не щадилъ труда, и — оба мы страдали:
Ты больше мыслилъ, я — любилъ.
Общественнаго зла ты, корень изучая,
Стоялъ надъ нимъ съ ножомъ, какъ врачъ: —
Я выжалъ сокъ его, — пилъ, душу отравляя
И заглушая сердца плачъ.
Къ чему оно влеклось, кого оно согрѣло?
Зачѣмъ измучено борьбой?
О, братъ! пойму-ли я при звукахъ лиры, смѣло,
Законно поднятой тобой.
Быть можетъ, знать добро — не значитъ зла не видѣть,
Любить — не значитъ тосковать...
Что искренно нельзя и тьмы возненавидѣть
Тому, кто самъ не могъ сіять.
Вотъ почему, когда звенитъ, какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безпощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Родникъ.

Вдоль рѣки, ступай, минуя
Бревна, щебень и тростникъ,
И найдешь ты возлѣ ивы
У холма живой родникъ.
Какъ кристаллъ прозрачно-чистый,
Изъ-подъ камня въ лѣтній зной
Льется онъ струей сребристой, —
Освѣжительной струей.
Тамъ, зимой, въ морозъ, недаромъ,
У рѣки, затертой льдомъ,

Духи вьются легкимъ паромъ
Надъ немолчнымъ родникомъ, —
Лишь ему не страшны бури,
Ни жестокость холодовъ,
Ни невѣжество людское,
Ни тревоги городовъ:
Онъ одинъ далекъ заразы
Пошлыхъ думъ и злыхъ страстей,
Онъ одинъ, какъ геній, свѣтелъ, —
Приходи къ нему и — пей!..

* *
*

По торжищамъ влача тяжелый крестъ поэта,
У дикарей пощады не проси,
Молчи и не зови ихъ въ скинію завѣта,
И съ ними жертвъ не приноси.
Будь правды жаждущихъ невольнымъ отголоскомъ,
Разнузданныхъ страстей не прославляй,
И модной мишуры за золото подъ лоскомъ
Блестящихъ риѳмъ не выдавай.
И если чернь слѣпа, не жаждетъ и не проситъ,
И если свѣтъ, къ злу равнодушный свѣтъ,
Надменно, какъ трофей, свои оковы носитъ,
Знай, что для нихъ поэта нѣтъ...

* *
*

Томитъ предчувствіемъ болѣзненный покой...
Давнымъ-давно ко мнѣ не приходила Муза;
Къ чему мнѣ звать ее!.. Къ чему искать союза
Усталаго ума съ красавицей мечтой!
Какъ безпріютныя, какъ нищія скитались
Тѣ пѣсни, что отъ насъ на Божій свѣтъ рождались,
И тѣ, которые любили имъ внимать,
Какъ отголоску ихъ стремленій идеальныхъ,
Дремотно ждутъ конца или ушли — витать
Съ тѣнями между ивъ и камней погребальныхъ;
А тѣ, что родились позднѣе насъ, идутъ
За призракомъ давно потухшей въ насъ надежды,
Они для насъ, а мы для нихъ невѣжды,
У нихъ свои пѣвцы, они свое поютъ...
И пусть они поютъ... и пусть я имъ внимаю
И радуюсь, что я ихъ слезы понимаю.
И, чуя въ ихъ сердцахъ моей богини тѣнь,
Молю безсмертную благословить тотъ день,
Когда мы на землѣ сошлись для пѣсенъ бѣдныхъ,
Не побѣждаемыхъ, хотя и не побѣдныхъ.

———

Муза.

Въ туманъ и холодъ, внемля стуку
Колесъ по мерзлой мостовой,
Тревоги духа, а не скуку
Дѣлилъ я съ Музой молодой.
Я съ ней дѣлилъ неволи бремя, —
Наслѣдье мрачной старины, —
И жажду пересилить время, —
Уйти въ пророческіе сны.
Ея первическаго плача
Я былъ свидѣтелемъ не разъ, —
Такъ тяжела была для насъ
Намъ жизнью данная задача!
Безсилья крикъ, иль неудача
Людей, сочувствующихъ намъ,
По дѣвственнымъ ея чертамъ
Унылой тѣнью пробѣгала,
Дрожала блѣдная рука
И олимпійскаго вѣнка
Съ досадой листья обрывала.
За то печаль моя порой
Ее безжалостно смѣшила,
Она въ вѣнокъ лавровый свой
Меня, какъ мальчика, рядила;
Безъ вѣры въ ясный идеалъ
Смѣшно ей было вдохновенье,
И звонкій голосъ заглушалъ
Мое риѳмованное пѣнье.
Смѣшонъ ей былъ весь нашъ Парнасъ

И нами пойманная кляча —
Давно измученный Пегасъ;
Но этотъ смѣхъ, — предвѣстникъ плача, —
Ни разу не поссорилъ насъ.
И до сего дня Муза эта
Приходитъ тайно раздѣлять
Тревоги бѣднаго поэта,
Бодритъ и учитъ презирать
Смѣхъ гаера и холодъ свѣта.

* *
*

Царство науки не знаетъ предѣла,
Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ —
Разума слово и дѣло,
Сила и свѣтъ.
Гордая Муза, не бойся коварства!
Крикни толпѣ: отзовись хоть одинъ!
Этого свѣтлаго царства
Кто гражданинъ?
Въ темной толпѣ мы не много услышимъ
Братски отзывныхъ, живыхъ голосовъ:
Много-ли-жъ дѣлъ мы запишемъ, —
Много-ли словъ?
Словъ, разрѣшающихъ наше сомнѣнье,
Въ чемъ наша сила, и гдѣ нашъ покой,
Вѣщихъ и полныхъ значенья
Правды святой.
Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки и, только при немъ,
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

Звѣзды.

Посреди свѣтилъ ночныхъ,
Далеко мерцающихъ,
Изъ тумановъ млечными
Пятнами блуждающихъ
И переплывающихъ
Небеса полярныя,
Новыя созиждутся
Звѣзды свѣтозарныя.
Такъ и вы, туманныя
Мысли, тихо носитесь,
И, неизъяснимыя,
Въ душу глухо проситесь;
Такъ и вы надъ нашими
Темными могилами
Загоритесь нѣкогда
Яркими свѣтилами...

А. Н. Майкову.

Отвѣтъ на стихи его.

„Полонскій! суждено опять
судьбою злою...“

Какъ могъ ты, глядя
На сѣверныя небеса,
Вдругъ вспомнить Рима чудеса,
Проникнуться воспоминаньемъ,
Вообразить, что я стою
Средь Колизея, какъ въ раю,
И подарить меня посланьемъ?..
А ты, счастливецъ! — любишь ты
Домашній міръ. Твои мечты
Не знаютъ роковыхъ стремленій;
За то, какъ много впечатлѣній
Проходитъ по душѣ твоей,
Когда ты съ удочкой своей,
Нетерпѣливый, вдохновенный,
Идешь на ловъ уединенный.
Или, раздвинувъ тростники,
Надъ золотистыми струями
Стоишь — протеръ свои очки —
И жадными слѣдишь глазами,
Какъ шевелятся поплавки.
И весь ты страстное вниманье...
Вотъ — гнется удочка дугой,
Кружится рыбка надъ водой, —
Плескъ, серебро и трепетанье...
О, въ этотъ мигъ, передъ тобой
Что значитъ Римъ и всѣ преданья,
Обломки славы міровой!
Но, чу! свистокъ раздался птичій,
Ночь шелеститъ во мглѣ кустовъ:
Спѣши, мой милый рыболовъ,
Домой съ наловленной добычей!
Спѣши! — ужъ Божья благодать
На ложе сна дѣтей пріемлетъ,
Твои малютки спятъ, и дремлетъ
Ихъ убаюкавшая мать.
Уже въ румяномъ полусвѣтѣ,
Тамъ, въ сладкихъ грезахъ полусна,
Тебя ждетъ милая жена
Иль трудъ въ сосѣднемъ кабинетѣ.

Трудъ благодатный! трудъ живой!
Часы, въ которые душой
Ты, чуя Бога, смѣло пишешь,
И на себѣ цѣпей не слышишь.
Люблю я стихъ широкій твой,
Насквозь пропахнувшій смолою
Тѣхъ самыхъ соснъ, гдѣ весною,
Въ тѣни отъ солнца, межъ вѣтвей,
Ты подстерегъ лѣсную фею,
И гдѣ съ Каменою твоею
Шепталися плещущій ручей.
Я самъ люблю твою Камену,
Подругу сѣверныхъ ночей:
Я помню, какъ неловко съ ней
Ты шелъ на шумную арену
Народныхъ браней и страстей;
Какъ ей самой неловко было...
Но... олимпійская жена,
Не внемля хохоту Зоила,
Тебѣ осталася вѣрна,
И вновь въ объятія природы, —
Въ поля, въ лѣса, туда, гдѣ воды
Струятся, гдѣ синѣетъ мгла
Изъ-подъ шатра дремучей ели,
Туда, гдѣ водятся форели,
Съ тобою весело ушла.
Прости, мой другъ! не знай желаній
Моей блуждающей души!
Довольно творческихъ страданій,
Чтобъ не заплѣсневѣть въ глуши.
Повѣрь, не нужно быть въ Парижѣ,
Чтобъ къ истинѣ быть сердцемъ ближе,
И для того, чтобъ созидать,
Не нужно въ Римѣ кочевать.
Слѣды прекраснаго художникъ
Повсюду видитъ и — творитъ,
И оиміамъ его горитъ
Вездѣ, гдѣ ставитъ онъ треножникъ,
И гдѣ Творецъ съ нимъ говоритъ.

Шиллеру.

отрывокъ.

Шиллеръ!.. Чье полнѣе сердце было
Пѣсенъ вѣчныхъ, чистыхъ и святыхъ!
Чья душа сильнѣй людей любила
И стояла горячѣй за нихъ!
О, не ты-ль смѣшалъ людей съ полубогами, —
Въ идеалѣ видѣлъ божество,
Свѣту разума надъ мракомъ и страстями
Приготовилъ въ мірѣ торжество.
О, не ты-ль?—и вся Европа встала,
Засвѣтила тысячи огней
И отпѣла, и отликовала
Шиллера столѣтній юбилей.
О, Германіи поэтъ всемірный!
Для тебя народы всѣ равны, —
Откликаюсь я на звонъ твой лирный
Тихимъ трепетомъ одной струны...
Той живой струны, что въ глубинѣ сердечной,
Братія, у всѣхъ у насъ звучитъ
Всякій разъ, когда любви намъ голосъ вѣчный —
Божій голосъ — громко говоритъ.

Поэзія.

Пока у алтаря, въ день свѣтлый воскресенья
Иль въ покаянный, будній день,
Ты видишь предъ собой свѣтъ въ правдѣ откровенья,
А за собой неправды тѣнь;
Пока ты чувствуешь благоговѣйный трепетъ,
Пока молитвенный твой лепетъ
Есть вѣра страстная, а не обрядъ пустой —
Поэзія еще съ тобою, милый мой.
Пока мечта твоя въ часы отдохновенья
О славѣ, о любви поетъ,
И дорого тебѣ твое уединенье, —
И темный лѣсъ, и звѣздный сводъ;
Пока ты ищешь то, чего нигдѣ не встрѣтилъ
И знаешь, какъ-бы ты отвѣтилъ
Тому, кто-бъ грудь твою обжегъ своей слезой, —
Поэзія еще съ тобою, милый мой.
Пока страстями ты себя не истратилъ
И не поникъ отъ скорбныхъ думъ,
И никакой туманъ еще не отуманилъ
Ни глазъ твоихъ, ни свѣтлый умъ;
Пока вникаешь ты въ задачу жизни сложной,

Пока ты вѣришь въ непреложный
Законъ любви, добра и истины святой, —
Поэзія еще съ тобою, милый мой.
Пока въ тебѣ кипятъ и замыслы, и чувства,
И можешь ты негодовать,
Пока языкъ идей и красота искусства
Тебя способны восторгать;
Пока въ трудѣ своемъ находишь ты отраду,
Въ друзьяхъ — свой судъ, въ любви — награду,
И не страшитъ тебя съ врагами честный бой, —
Поэзія еще съ тобою, милый мой.
Когда-же истина навѣкъ тебя покинетъ,
И торжествующій обманъ
На міръ страдающій со всѣхъ сторонъ надвинетъ
Свой ослѣпительный туманъ,
Когда замолкнетъ все въ душѣ твоей тревожной,
И ты повѣришь въ непреложный
Законъ неволи, зла и пошлости людской, —
Поэзія тебя покинетъ, милый мой.

Жалобы музы.

I.

Не жди ты меня,
Не кличь! не зови меня музою! — Нѣтъ,
На закатѣ тревожнаго дня
Я пѣть не могу, — я устала, поэтъ!
Я пѣть не могу, —
Я встрѣчаю на каждомъ шагу
Озлобленныхъ, бѣдныхъ, измятыхъ судьбой:
Идутъ они порознь изъ сумрака въ мглу,
Отъ извѣстнаго зла къ неизвѣстному злу,
И не ищутъ звѣзды путевой...
И не нужно имъ сердце мое, — факелъ мой!
Сама я сняла
Вѣнокъ съ моего молодого чела,
И все позабыла, — не знаю о чемъ
Бесѣдуютъ звѣзды въ туманѣ ночномъ.
И точно-ли жаждутъ упиться росой
Цвѣты полевые въ полуденный зной...
Не знаю, о чемъ волны моря шумятъ,
О чемъ грезятъ сосны, когда онѣ спятъ,
Чей голосъ звенитъ надъ рѣкой,
Что думаетъ роза весной,
Когда ей во мракѣ поетъ соловей, —
И даже не знаю, поетъ-ли онъ ей!..

Пахарь не желалъ слушать ея пѣсенъ. Онъ пѣлъ свою; бѣднякъ отвернулся отъ поэзіи, которая была ему безполезна. Богачи отвергли ее за то слово любви, которое она принесла и которое было имъ невыгодно, молодая грѣшница отвергла ее, обвинивъ поэзію въ обманѣ и упрекая себя за излишнее къ ней довѣріе. Среди мирной прекрасной природы поэзія увидѣла лежащій трупъ. Въ другомъ мѣстѣ поэзія наткнулась на сраженіе.

И я отошла — и, я знаю, текли
Безполезно горячія слезы мои.
О, гдѣ-же она, —
Та гармонія мысли и силъ,
Та великая жизнь, тотъ живительный свѣтъ
И все то, чему вѣрить не ты-ли, поэтъ —
Мечтатель! — меня научилъ?
Куда я пойду теперь? — теменъ мой путь...
Кличь музу иную, — меня позабудь!
И знай, — появись мнѣ самъ богъ Аполлонъ,
Мнѣ дивный восторгъ его былъ-бы смѣшонъ;
Меня, утомленную, царственный богъ
Не могъ-бы узнать — и судить-бы не могъ!

Есть рѣчи.

„Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово".
М. Лермонтовъ.

Есть рѣчи — свѣтлые порывы — и моленья:

Ихъ понимать не всѣмъ дано:
Въ нихъ для поэта — искра вдохновенья,
Для гражданина — благъ зерно.
Кто ихъ подслушаетъ — тѣ рѣчи, хоть украдкой,
Тотъ безъ горячаго стыда
Не въ силахъ протянуть руки своей за взяткой,
Не броситъ честнаго труда.
Кто ихъ подслушаетъ — тѣ рѣчи, хоть украдкой,
Тотъ къ сердцу приметъ бѣдняка,
За правду въ адъ пойдетъ и лестью грязно-сладкой
Не замараетъ языка.

О Н. А. Некрасовѣ.

Я помню, былъ я съ нимъ знакомъ
Въ тѣ дни, когда, больной, онъ говорилъ съ трудомъ,
Когда, гражданству насъ уча,
Онъ словно вспыхивалъ и таялъ какъ свѣча,
Когда любить его могли
Мы всѣ, лишенные даровъ и благъ земли...
Передъ дверями гроба онъ
Былъ бодръ, невозмутимъ, — былъ тѣмъ, чѣмъ сотворенъ:
Съ своимъ поникнувшимъ челомъ
Надъ риѳмой — онъ глядѣлъ бойцомъ, а не рабомъ.
И вѣрилъ я ему тогда,
Какъ вѣщему пѣвцу страданій и труда.
Теперь пускай кричитъ молва,
Что это были все слова, — слова, — слова, —
Что онъ лишь тѣшился порой
Литературною игрою козырной,
Что съ юныхъ лѣтъ его грызетъ
То зависть жгучая, то ледяной расчетъ.
Предъ запоздалою молвой,
Какъ вы, я не склонюсь послушной головой:
Ей иипочемъ сказать уму:
За то, что ты свѣтилъ, иди скорѣй во тьму...
Молва и слава — два врага;
Молва мнѣ не судья и я ей не слуга.

* *
*

Въ ребяческіе дни любилъ я край родной,
Какъ векша — сумракъ бора,
Какъ цапля — илъ береговой,
Какъ воронъ — кучу сора.
Въ дни юности любилъ я родину, какъ сынъ —
Родную мать, поэтъ — природу.
Женихъ — невѣсту, гражданинъ —
Права или свободу.
Но буду-ль я по гробъ мечтательно любить
Родной мой край? — не знаю.
Мать можетъ сына оскорбить,
Невѣста можетъ измѣнить,
Народъ свободу погубить,
Все можетъ быть...
Но — нѣтъ, — не дай мнѣ Богъ простыть, —
Простыть къ родному краю!

Поэту-гражданину.

О, гражданинъ съ душой наивной!
Боюсь, твой грозный стихъ судьбы не пошатнетъ;
Толпа угрюмая, на голосъ твой призывный
Не откликаяся, идетъ.
Хоть прокляни, — не обернется...
И вѣрь, усталая, въ досужій часъ скорѣй
Любовной пѣсенкѣ сердечно отзовется,
Чѣмъ музѣ ропщущей твоей.
Хоть плачь, — у ней своя задача:
Толпа-работница считаетъ каждый грошъ,
Дай руки ей свои, дай голову, — но плача
По ней, ты къ ней не подойдешь;
Тупая, сильная не вникнетъ

Въ слова, которыми ты любишь поражать,
И къ поэтическимъ страданьямъ не привыкнетъ,
Привыкнувъ иначе страдать.
Оставь напрасныя воззванья!
Не хныкай! — Голосъ твой пусть льется изъ груди,
Какъ льется музыка, — въ цвѣты ряди страданья,
Любовью — къ правдѣ насъ веди!
Нѣтъ правды безъ любви къ природѣ,
Любви къ природѣ нѣтъ безъ чувства красоты,
Къ познанью нѣтъ пути намъ безъ пути къ свободѣ,
Труда — безъ творческой мечты...

Два голоса.

1-й голосъ.

Не молись и не проси у Бога
Ни любви, ни разума, ни силы;
У Творца такихъ даровъ не много:
Даръ для всѣхъ одинъ — покой могилы...
Гаситъ смерть природы блескъ волшебный,
Небеса утрачиваютъ славу;
И забудешь ты родникъ цѣлебный
Той любви, гдѣ ты нашелъ отраву.
О, бѣднякъ! Больное нѣжа чувство
Мѣрныхъ строфъ плѣнительной игрою,
Сколько разъ мечталъ ты, что искусство
Свѣтитъ міру новою зарею...
Гдѣ-жъ она — заря твоя? Далеко.
Та же ночь лежитъ надъ темнымъ людомъ:
Свѣточъ твой мелькаетъ одиноко, —
На вѣтру горитъ какимъ-то чудомъ.
Тщетно ждалъ ты мысли отъ народа, —
Твой народъ, повѣрь, тебя не слышитъ;
Безъ него спѣша на кличъ «свобода!»
Ты усталъ и — грудь твоя чуть дышитъ.
Погляди, твоей минутной славы
Блѣдный лучъ, мелькнувъ, исчезъ за тучей...
Покорись! — кричитъ разсудокъ здравый,
Не къ лицу тебѣ твой тернъ колючій;
Явное страданье унижаетъ,
Умнымъ людямъ кажется порокомъ,
Только духъ вражды и понимаетъ
Злую месть души, забитой рокомъ.

2-й голосъ.

Не враждуй, не злись напрасно!
Гнѣвъ постичь мнѣ не дано...
Все, что создано — мнѣ ясно,
Темно все, что рождено...
Въ эти рѣчи отрицанья
Не вникалъ я, и — не вникъ!..
Вздохи, стоны, крикъ страданья
Для меня чужой языкъ... —
Безмятежнымъ счастьемъ вѣю
Я въ мятежныя сердца,
Откликаться не умѣю
На призывы гордеца, —
Лишь въ минуты просвѣтленья,
Въ безднѣ мрака и сомнѣнья,
Вижу душу я твою, —
Душу въ образѣ тѣлесномъ,
И ее, духамъ небеснымъ
Непонятную, люблю.

* *
*

Я погибалъ—
Мой злобный геній
Торжествовалъ.
Полежаевъ.

И я сынъ времени, и я
Былъ на дорогѣ бытія
Встрѣчаемъ демономъ сомнѣнья;
И я, страдая, проклиналъ,
И, отрицая провидѣнье,
Какъ благодати ожидалъ,
Послѣдняго ожесточенья.
Мнѣ было жаль волшебныхъ сновъ
Отрадныхъ, дѣтскихъ упованій
И мнѣ завѣщанныхъ преданій
Отъ простодушныхъ стариковъ.
Когда молитвенный мой храмъ
Лукавый демонъ опрокинулъ,

На жертву пагубнымъ мечтамъ
Онъ одного меня покинулъ;
Я долго кликалъ: Гдѣ же ты,
Мой искуситель? Дай хоть руку!
Изъ этой мрачной пустоты
Неси хоть въ адъ! . . . . . .
. . . .
И вотъ, среди мятежныхъ думъ,
Среди мучительныхъ сомнѣній
Установился шаткій умъ
И жаждетъ новыхъ откровеній.
И если вновь, о демонъ мой,
Тебя нечаянно я встрѣчу,
Я на привѣтъ холодный твой
Безъ содроганія отвѣчу.
Весь міръ открытъ моимъ очамъ,
Я снова гордъ, могучъ, спокоенъ —
Пускай разрушенъ прежній храмъ,
О чемъ жалѣть, когда построенъ
Другой — не на холмѣ гробовъ,
Не изъ разбросанныхъ обломковъ
Той ветхой храмины отцовъ,
Гдѣ стало тѣсно для потомковъ.
И какъ великъ мой новый храмъ,
Не рукотворенъ куполъ вѣчный,
Гдѣ ночью путь проходитъ млечный,
Гдѣ ходитъ солнце по часамъ,
Гдѣ все живетъ, горитъ и дышитъ,
Гдѣ раздается вѣчный хоръ,
Который демонъ мой не слышитъ,
Который слышитъ Пиѳагоръ.
И, чу!.. въ отвѣтъ на эти звуки
Встаютъ . . . .
. . . .
. . . . И вотъ
Всѣ геніи земного міра,
И всѣ, кому послушна лира,
Мой храмъ наполнили толпой;
Гомера, Данте и Шекспира
Я слышу голосъ вѣковой.
Теперь попробуй, демонъ мой,
Нарушить этотъ гимнъ святой,
Наполнить смрадомъ это зданье.
О, нѣтъ! съ могуществомъ своимъ,
Безсильный, уходи къ другимъ,
И разбивай одни преданья,
Остатки формъ безъ содержанья.

Кумиръ.

Не сотвори себѣ кумира;
Но вѣрный сердцу одному,
Я былъ готовъ всѣ блага міра
Отдать кумиру моему.
Кумиръ нѣмой, кумиръ суровый,
Онъ мнѣ сіялъ, какъ божество,
И я клялся его оковы
Влачить до гроба моего.
Полубезуменъ и тревоженъ,
Съ печатью скорби на челѣ,
Въ цѣпяхъ я мнилъ, что рай возможенъ
Не въ небесахъ, а на землѣ —
Такъ, чѣмъ свобода безнадежнѣй,
Чѣмъ наши цѣпи тяжелѣй,
Тѣмъ ярче блескъ надежды прежней
Иль идеалъ грядущихъ дней.
Но я разбилъ кумиръ надменный,
Кумиръ развѣнчанный упалъ,
И я же, рабъ его смиренный,
Его обломки растопталъ.
И безъ любви, безъ упованья,
Не призывая тайныхъ силъ,
Я глубоко мои страданья
Въ самомъ себѣ похоронилъ.

Двойникъ.

Я шелъ и не слыхалъ, какъ пѣли соловьи,
И не видалъ, какъ звѣзды загорались...
И слушалъ я — шаги... шаги, не знаю чьи,
За мной въ лѣсной глуши неясно повторялись.
Я думалъ — эхо... звѣрь... колышется тростникъ...
Я вѣрить не хотѣлъ, дрожа и замирая,
Что по моимъ слѣдамъ, на шагъ не отставая,
Идетъ не человѣкъ, не звѣрь, а мой двойникъ!
То я бѣжать хотѣлъ, пугливо озираясь,
То самого себя, какъ мальчика, стыдилъ...

Вдругъ злость меня взяла—и страшно задыхаясь,
Я самъ пошелъ къ нему навстрѣчу и спросилъ:
— Что ты пророчишь мнѣ, или зачѣмъ пугаешь?
Ты призракъ иль обманъ фантазіи больной?
— Ахъ! — отвѣчалъ двойникъ, — ты видѣть мнѣ мѣшаешь
И не даешь внимать гармоніи ночной;
Ты хочешь отравить меня своимъ сомнѣньемъ,
Меня — живой родникъ поэзіи твоей!..
И, не сводя съ меня испуганныхъ очей,
Двойникъ мой на меня глядѣлъ съ такимъ смятеньемъ,
Какъ будто *я* къ нему среди ночныхъ тѣней —
Я, а не *онъ* ко мнѣ явился привидѣньемъ!

* *
*

Впередъ и впередъ! вся душа моя въ пламени, —
  За правду я биться готовъ,
Готовъ умереть, — но у каждаго знамени
  Съ друзьями встрѣчалъ я враговъ:
Друзья ополчались на ложь ненавистную,—
Враги, молча, думали думу корыстную.
Тамъ мира друзья, подъ эгидой воителей,
  Точили, какъ мальчики, ножъ!
Здѣсь хитрый обманъ ждетъ себѣ покровителей
  Среди ненавидящихъ ложь...
И правду любилъ я, — ни въ комъ не увѣренный,
Друзьямъ и врагамъ руки жалъ, какъ потерянный.
«Намъ нужно одно лишь твое безпристрастіе, —
  Шептали друзья, — помоги!»
    Быть съ нами считай за великое счастіе»,
  Кичась, намекали враги.
Друзья! вы отвыкли вникать и угадывать;
Враги! не желаю я спесь вашу радовать.
Не рабъ, а поэтъ я, гордыней обиженный... —
  Не въ вашихъ нестройныхъ рядахъ
  Пойду я, — нѣтъ! ратникъ свободы униженной,
  Оружье найду я въ стихахъ:
Соратники будутъ—мои вдохновенья,
И будетъ вождемъ ихъ духъ добраго генія.

Колокольчикъ.

Улеглася метелица; путь озаренъ...
Ночь глядитъ милліонами тусклыхъ очей.
Погружай меня въ сонъ колокольчика звонъ,
Выноси меня тройка усталыхъ коней!
Мутный дымъ облаковъ и холодная даль
Начинаютъ яснѣть; бѣлый призракъ луны
Смотритъ въ душу мою и былую печаль
  Наряжаетъ въ забытые сны.
То вдругъ слышится мнѣ, — страстный голосъ поетъ,
  Съ колокольчикомъ дружно звеня:
«Ахъ, когда-то, когда-то мой милый придетъ
  Отдохнуть на груди у меня!
У меня ли не жизнь! Чуть заря на стеклѣ
Начинаетъ лучами съ морозомъ играть,
Самоваръ мой кипитъ на дубовомъ столѣ,
И трещитъ моя печь, озаряя въ углѣ
За цвѣтной занавѣской кровать.
У меня ли не жизнь! Ночью ль ставень открыть, —
По стѣнѣ бродитъ мѣсяца лучъ золотой:
Забушуетъ ли вьюга, — лампада горитъ,
И, когда я дремлю, мое сердце не спитъ,

Все по немъ изнывая тоской!»
То вдругъ слышится мнѣ, — тотъ же голосъ поетъ,
Съ колокольчикомъ грустно звеня:
«Гдѣ-то старый мой другъ? я боюсь,— онъ войдетъ
И, ласкаясь, обниметъ меня!
Что за жизнь у меня! И тѣсна, и темна,
И скучна моя горница; дуетъ въ окно...
За окошкомъ растетъ только вишня одна,
Да и та за промерзлымъ стекломъ не видна
И, быть можетъ, погибла давно...
Что за жизнь! Полинялъ пестрый полога цвѣтъ,
Я больная брожу и не ѣду къ роднымъ;
Побранить меня некому, — милаго нѣтъ...
Лишь старуха ворчитъ, какъ приходитъ сосѣдъ,
Оттого, что мнѣ весело съ нимъ...»

Лѣсъ.

Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я въ міръ призрачныхъ чудесъ,
Безпечнымъ отрокомъ зашелъ я въ темный лѣсъ,
И самого себя я спрашивалъ, зачѣмъ
Въ прохладѣ спящій лѣсъ такъ пасмуренъ и нѣмъ?
Вдругъ свѣжіе листы деревъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ будто бабочекъ зеленыхъ милліонъ,
Дрожа, задвигались; ихъ вѣтеръ всколыхалъ...
По шепчущимъ листамъ шумъ смутный пробѣжалъ, —
И оглянулся я, встревоженный моимъ
Воображеніемъ пугливымъ и живымъ...
— «Не бойся! — услыхалъ я въ шопотѣ листовъ: —
Чудеснаго не жди въ тѣни моихъ кустовъ!
Русалка никогда подъ купою березъ
Не выжимала здѣсь своихъ зеленыхъ косъ,
И никогда въ тѣни моихъ родныхъ дубовъ
Не встрѣтишь ты лѣсныхъ уродливыхъ духовъ;
Но слушай, слушай ты, что я тебѣ шепну!
Ты можешь встрѣтить здѣсь красавицу одну,
Одну красавицу изъ ближняго села...
Она свѣжа, какъ май, какъ юноша смѣла.
Въ тотъ часъ, когда лѣса, въ изнеможеньи силъ,
Росу глотая, ждутъ полуночныхъ свѣтилъ,
Иль, утонувъ во мглѣ трепещущихъ вѣтвей,
Начнетъ рыдать и пѣть вечерній соловей,
Она садится здѣсь на край гнилого пня,
Къ ладони жаркую головку приклоня;
Она садится здѣсь печальна и одна,
Въ неодолимыя мечты погружена,
И долго слушаетъ, какъ соловей гремитъ—
И не по-твоему желаетъ и грустить.
Но не спѣши, дитя, бѣжать навстрѣчу къ ней!..
Всѣхъ сказочныхъ чудесъ—повѣрь!— она страшнѣй;
И можетъ быть — увы! — шепталъ мнѣ лѣсъ густой,
Ты отъ меня уйдешь съ мучительной тоской,
И для души твоей придетъ пора чудесъ. —
Пора такихъ чудесъ, какихъ не знаетъ лѣсъ!»

Бэда-проповѣдникъ.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
Пустынной тропою шелъ Бэда слѣпой;
На мальчика онъ опирался рукой,
По камнямъ ступая босыми ногами.

И было все глухо и дико кругомъ;
Однѣ только сосны росли вѣковыя,
Однѣ только скалы торчали сѣдыя,
Косматымъ и влажнымъ одѣтыя
мхомъ.
Но мальчикъ усталъ: ягодъ свѣжихъ
отвѣдать,
Иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обма-
нуть...
«Старикъ! — онъ сказалъ:—я пойду
отдохнуть,
А ты, если хочешь, начни проповѣ-
дать:
Съ вершинъ увидали тебя пастухи,
Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
Вонъ, жены съ дѣтьми! Говори имъ
о Богѣ,
О Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи».
И старца лицо просіяло мгновенно.
Какъ ключъ, пробивающій каменный
слой,
Изъ устъ его блѣдныхъ живою волной
Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось, слѣпцу въ славѣ небо
являлось:
Дрожащая къ небу рука поднималась,
И слезы текли изъ потухшихъ очей.
Но вотъ ужъ сгорѣла заря золотая,
И мѣсяца блѣдный лучъ въ горы про-
никъ:
Въ ущелье повѣяла сырость ночная...
И вотъ, проповѣдуя, слышитъ ста-
рикъ,
Зоветъ его мальчикъ, смѣясь и тол-
кая:
«Довольно, пойдемъ! Никого уже
нѣтъ...»
Замолкъ грустно старецъ, главой по-
никая.
Но только замолкъ онъ — отъ края
до края:
«Аминь» ему грянули камни въ от-
вѣтъ.

Слѣпой таперъ.

Хозяйка руки жметъ богатымъ игро-
камъ,
При свѣтѣ ламнъ на ней сверкаютъ
брилліанты...
Въ урочный часъ, на балъ, спѣшатъ
къ ея сѣнямъ
Франтихи-барыни и франты.
Улыбкамъ счету нѣтъ... — одинъ та-
перъ слѣпой
Рекомендованный женой официанта,
Въ парадномъ галстукѣ, съ понурой
головой.
Угрюмъ и не похожъ на франта.
И подъ-локоть слѣпца сажаютъ за
рояль...
Онъ поднялъ голову — и вотъ, едва
коснулся
Упругихъ клавишей, едва нажалъ пе-
даль, —
Гремя, богъ музыки проснулся.
Струнъ металлическихъ звучитъ вы-
сокій строй,
Какъ вихрь несется вальсъ, — побря-
киваютъ шпоры,
Шуршатъ подолы дамъ, мелькаютъ
ихъ узоры
И ароматный вѣетъ зной...
А онъ потухшими глазами смотритъ
въ стѣну,
Не слышитъ говора, не видитъ го-
лыхъ плечъ,—
Лишь звуки, что бѣгутъ одни другимъ
на смѣну,
Сердечную ведутъ съ нимъ рѣчь.
На бѣднаго слѣпца слетаетъ вдохно-
венье,
И грезитъ скорбная душа его, — къ
нему
Изъ вѣчной тьмы плыветъ и свѣтится
сквозь тьму
Одно любимое видѣнье.
Восторгъ томитъ его, — мечта вол-
нуетъ кровь: —
Вотъ жаркій лѣтній день, — вотъ
кудри золотыя —
И полудѣтскія уста, еще нѣмыя, —
Съ однимъ намекомъ на любовь...
Вотъ ночь волшебная, — шушукаютъ
березы...
Прошла по саду тѣнь — и къ милому
лицу
Прильнулъ свѣтъ мѣсяца, — горятъ
глаза и слезы...
И вотъ ужъ кажется слѣпцу, —
Похолодѣвшія, трепещущія руки,

Бѣлѣясь тянутся къ нему изъ темноты...—
И соловьи поютъ, и сладостные звуки
Благоухаютъ, какъ цвѣты...
Такъ, образъ дѣвушки когда-то имъ любимой,
Ослѣпнувъ, въ памяти свѣжо сберечь онъ могъ;
Тотъ образъ для него расцвѣлъ и — не поблекъ,
Уже ничѣмъ не замѣнимый.
Еще не знаетъ онъ, не чуетъ онъ, что та
Подруга юности — давно хозяйка дома
Великосвѣтская, — изнѣжена, пуста
И съ аферистами знакома!
Что отъ него она въ пяти шагахъ стоитъ
И никогда въ слѣпомъ таперѣ не узнаетъ
Того, кто вѣчною любовью къ ней пылаетъ,
Съ ея прошедшимъ говоритъ.
Что если-бъ онъ прозрѣлъ, — что если бы, другъ въ друга
Вглядясь, они могли съ усиліемъ узнать? —
Онъ поблѣднѣлъ бы отъ смертельнаго испуга,
Она бы — стала хохотать!

Подъ Краснымъ Крестомъ.

(Посв. памяти баронессы Ю. П. Вревской).

Семь дней, семь ночей я дрался на Балканахъ,
Безъ памяти поднятъ былъ съ мерзлой земли,
И долго, въ шинели изорванной, въ ранахъ,
Меня на скрипучей телѣгѣ везли;
Надъ нами кружились орлы, — вѣтеръ стонамъ
Внималъ, да въ ту ночь, какъ по мокрымъ понтонамъ
Стучали копыта измученныхъ клячъ,
Въ плесканьяхъ Дуная мнѣ слышался плачъ.
И, съ этимъ Дунаемъ прощаясь навѣки,
Я думалъ: едва-ль меня родина ждетъ!..
И врядъ ли она будетъ въ жалкомъ калѣкѣ
Нуждаться, когда всѣхъ на битву пошлетъ...
Теперь ли, когда и любовь мнѣ измѣнитъ.
Жалѣть, что могила постель мнѣ замѣнитъ!..
И я ужъ не помню, какъ дальше везли
Меня по ухабамъ румынской земли...
Въ какомъ-то баракѣ очнулся я, снятый
Съ телѣги, и понялъ, что это — баракъ;
День ярко сквозилъ въ щели кровли досчатой,
Но день безотраденъ былъ, — хуже чѣмъ мракъ...
Прикрытый лишь тряпкой, пропитанной кровью,
Въ грязи весь, лежалъ я, прильнувъ къ изголовью,
И, самъ искалѣченный, тупо глядѣлъ
На лица и члены истерзанныхъ тѣлъ.
И пыльный баракъ нашъ весь день растворялся:
Вносили однихъ, чтобъ другихъ выносить;
Съ носилками блѣдныхъ гостей тамъ встрѣчался
Завернутый трупъ, что несли хоронить...
То слышалось ржанье обозныхъ лошадокъ.
То стоны, то жалобы на распорядокъ...
То рѣзкая брань, то смѣшныя слова...
И врачъ нашъ острилъ, засучивъ рукава...
А вотъ подошла и сестра милосердья!—
Волнистой косы ея свѣсилась прядь...
Я дрогнулъ... «Къ чему молодое усердье?
Безъ крика и плача могу я страдать...
Оставь ты меня умереть, ради Бога!»

Она-жъ поглядѣла такъ кротко и строго,
Что далъ я ей волю и раны промыть,—
И раны промыть, и бинты наложить.
И вотъ надъ собой слышу голосъ я нѣжный:
«Подайте рубашку!» и слышу отвѣтъ, —
Отвѣтъ нерѣшительный, но безнадежный:
«Всѣ вышли, и тряпки нестиранной нѣтъ!»
И мыслю я: Боже! какое терпѣнье!—
Я, дышащій трупъ, — я одно отвращенье
Внушаю; но — нѣтъ его въ этихъ чертахъ
Прелестныхъ, и нѣтъ его въ этихъ глазахъ!
Не долго я былъ терпѣливъ и послушенъ:
Настала унылая ночь, — громъ гремѣлъ,
И трупами пахло, и воздухъ былъ душенъ...
На грязномъ полу кто-то сонный храпѣлъ...
Кой-гдѣ ночники, догорая, чадились,
И умиравшіе тихо молились
И бредили, — даже кричали «ура!»
И, молча, покойники ждали утра...
То грезилъ я, то у меня дыбомъ волосъ
Вставалъ; то, въ холодномъ поту, я кричалъ:
«Рубашку, рубашку!..» и долго мой голосъ
Въ ту ночь истомленныхъ покой нарушалъ...
Въ туманномъ мозгу у меня разгорался
Какой-то злой умыселъ, и порывался
Бѣжать я, — какъ вдругъ, слышу, катится громъ,
И вѣтеръ къ намъ въ щели бьетъ крупнымъ дождемъ...
Притихъ я, смотрю, — среди призраковъ ночи
Сидитъ, въ красноватомъ мерцаньѣ огня,
Знакомая тѣнь, и безсонныя очи,
Какъ звѣзды, сквозь сумракъ, глядятъ на меня.
Вотъ встала, идетъ и лицо наклоняетъ
Къ огню, и одну изъ лампадъ задуваетъ...
И чудится, будто одежда шуршитъ,
По бѣлому темное что-то скользитъ...
И странно, въ тотъ мигъ, какъ она замелькала
Какъ духъ, надъ которымъ два бѣлыхъ крыла
Взвились, — я подумалъ: бѣдняжка устала,
И еслибъ не крикъ мой, давно бы легла!..
Но вотъ снова шорохъ, и — снова въ одеждѣ
Простой (въ той, въ которой ходила и прежде),
Она изъ укромнаго вышла угла
И свѣтлымъ видѣньемъ ко мнѣ подошла. —
И съ дрожью стыдливой любви мнѣ сказала:
«Привстань! Я рубашку тебѣ принесла»...
Я понялъ: она на меня надѣвала
Бѣлье, что съ себя потихоньку сняла...
И плакалъ я. — Дѣтское что-то, родное
Проснулось въ душѣ, и мое ретивое
Такъ билось въ груди, что пророчило мнѣ
Надежду на счастье въ родной сторонѣ...

. . . .

И вотъ я на родинѣ! — Тѣ же невзгоды.
Тщеславіе бѣдности, праздный застой,
И старыя сплетни, и новыя моды...
Но нѣтъ! не забыть мнѣ сестрицы святой!
Рубашку ея сохраню я до гроба...
И пусть нашихъ недруговъ тѣшится злоба! —
Я вѣрю, что зло отзовется добромъ:—
Любовь мнѣ сказалась подъ Краснымъ Крестомъ.

Старая няня.

Ты дѣвчонкой крѣпостной
По дорогѣ столбовой
Къ намъ съ обозомъ дотащилася;
Долго плакала, дичилася,
Не причесанная,
Не отесанная...
Чуть я началъ подрастать,
Стали няню выбирать, —
И тебя ко мнѣ приставили,
И обули, и наставили,
Чтобъ не важничала,
Не проказничала.
Славной няней ты была,
Скоро въ роль свою вошла:
Теребила меня за-воротъ,
Да гулять водила за-городъ...
Съ горокъ скатывалась,
Въ рожь запрятывалась...
Иль раздѣвшись на пескѣ,
Ты плескалась въ ручейкѣ,
Выжимала свои косыньки;
А кругомъ шумѣли сосенки,
Птички радовались...
Мы оглядывались...
Вотъ пришла зимы пора;
Дальше нашего двора
Не пускали насъ съ салазками;
Ты меня, не муча ласками,
То закутывала,
То раскутывала.
Разъ, — я помню, — при огнѣ
Ты чулки вязала мнѣ, —
(Или платье свое штопала) —
Къ намъ метель въ окошко хлопала,
Пѣснь затягивала, —
Сердце вздрагивало...
Ты-жъ другую пѣсню мнѣ
Напѣвала при огнѣ:
«Ай, кипятъ котлы кипучіе!..»
Помню сказки я пѣвучія,
Сказки всяческія, —
Не ребяческія...
И, побитая не разъ,
Ты любила, разсердясь,
Потихоньку мнѣ отплачивать, —
Меня больно поколачивать;
Я не жаловался,
Отбояривался.
А какъ въ школу поступилъ,
Я читать тебя училъ:
Ты за мной твердила «Вѣрую»...
И потомъ молилась съ вѣрою,
Съ воздыханіями,
Съ причитаніями.
По ночамъ на образа
Возводила ты глаза,
Озаренные лампадкою;
И когда съ мечтою сладкою
Сонъ мой спутывался,
Я закутывался...
Другъ любилъ тебя шутя;
И поблекнувъ, не цвѣтя,
Перестала ты пошаливать:
Начала свой грѣхъ замаливать;
Много маялася, —
Мнѣ-же каялася!

. . . .

Черезъ тридцать лѣтъ, домой
Я вернулся, и слѣпой
Ужъ засталъ тебя старушкою,
Въ темной кухнѣ съ чайной кружкою... —
Ты догадывалась...
Слезно радовалась.
И когда я легъ вздремнуть,
Ты пришла меня разуть, —
Какъ дитя свое любимое, —
Старика, въ гнѣздо родимое
Воротившагося,
Истомившагося.
Я измученъ былъ, а ты
Прожила безъ суеты
И мятежныхъ думъ не вѣдала,
Капли яду не отвѣдала, —
Яду маящихся,
Сомнѣвающихся.
И напомнила Христа
Ты страдальцу безъ креста,
Гражданину, сыну времени,
Посреди родного племени
Прозябающему,
Изнывающему.
Богъ съ тобой! я жизнь мою
Не смѣняю на твою...
Но ты мнѣ близка, безродная,
Въ самомъ рабствѣ благородная,
Не оплаченная
И утраченная.

———

А. С. Пушкинъ.

Читано авторомъ въ Москвѣ, въ день открытія памятника Пушкину, въ I засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, 6 іюня 1880 года.

I.

Пушкинъ — это возрожденье
Русской Музы, воплощенье
Нашихъ трезвыхъ думъ и чувствъ.
Это — незапечатлѣнный
Ключъ поэзіи, священный
Въ свѣтлой области искусствъ.
Это — эллиновъ стремленье
Къ красотѣ и лицезрѣнье
Ихъ божествъ безъ покрывалъ,
Это — голосъ Немезиды,
Это дѣвы Эвмениды
Окровавленный кинжалъ... [1])
Это — вѣщаго баяна
Струнный говоръ... свистъ Руслана...
И русалокъ голоса...
Это — арфа Серафима,
Въ часъ, когда душа палима
Жаждой вѣры въ небеса.
Это старой няни сказка,
Это молодости ласка, —
Огонекъ въ степной глуши...
Это — слезы умиленья,
Это — смутное влеченье
Вѣчно жаждущей души...

II.

Свой въ столицахъ, на пирушкѣ,
Въ саклѣ, въ таборѣ, въ лачужкѣ,
Пушкинъ чуткою душой
Слышитъ друга голосъ дальній, —
Пѣсню Грузіи печальной...
Бредъ цыганки кочевой...
Слышитъ крикъ орла призывный,
Слышитъ ропотъ заунывный
Океана въ бурной мглѣ, —
Видитъ небо безъ лазури
И, что — краше волнъ и бури, —
Видитъ дѣву на скалѣ...
Знаетъ горе намъ родное...
И разгулье удалое, —
И сердечную тоску...
Но не падаетъ усталый —
И, какъ путникъ запоздалый,
Самъ стучится къ мужику.
Ничего не презирая,
Въ дымныхъ избахъ изучая
Духъ и складъ родной страны,
Чуя русской жизни трепетъ,
Пушкинъ — правды первый лепетъ,
Первый проблескъ старины...

III.

Пушкинъ — это эхо славы
Отъ Кавказа до Варшавы,
Отъ Невы до всѣхъ морей, —
Это — сѣятель пустынный,
Другъ свободы, неповинный,
Въ лжи и злобѣ нашихъ дней.
Это — геній, все любившій,
Все въ самомъ себѣ вмѣстившій —
Сѣверъ, Западъ и Востокъ...
Это — тотъ «ничтожный міра»,
Что̀, когда бряцала лира,
Жегъ сердца намъ, какъ пророкъ.
Это — врагъ гордыни праздной,
Въ жертву сплетни неотвязной,
Свѣтомъ преданный, — враждой,
Словно терніемъ, повитый,
Оскорбленный и убитый
Святотатственной рукой...
Поэтическій Мессія
На Руси, онъ, какъ Россія, —
Всеобъемлющъ и великъ...
Нынѣ мы поэта славимъ —
И на пьедесталѣ ставимъ
Прославляющій насъ ликъ...

---

[1]) Онъ пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву Эвмениду...

Лебедь.

Пѣлъ смычокъ, — въ садахъ горѣли
  Огоньки, сновалъ народъ,
Только вѣтеръ спалъ, да тёменъ
  Былъ ночной небесный сводъ,
Тёменъ былъ и прудъ зеленый,
  И густые камыши,
Гдѣ томился бѣдный лебедь,
  Притаясь въ ночной тиши.
Умирая, не видалъ онъ, —
  Прирученный, нелюдимъ, —

Какъ надъ нимъ взвилась ракета
И разсыпалась надъ нимъ;
Не слыхалъ, какъ струйка билась,
Какъ журчалъ прибрежный ключъ, —
Онъ глаза смыкалъ и грезилъ
О полетѣ выше тучъ:
Какъ въ просторъ небесъ высоко
Унесетъ его полетъ, —
И какую тамъ онъ пѣсню
Вдохновенную споетъ!
Какъ на все, на все святое,
Что таилъ онъ отъ людей,
Тамъ откликнутся родныя
Стаи бѣлыхъ лебедей.
И ужъ грезитъ онъ: минута,
Вздохъ — и крылья зашумятъ,
И его свободной пѣсни
Звуки утро возвѣстятъ. —
Но крыло не шевелилось,
Пѣсня путалась въ умѣ:
Безъ полета и безъ пѣнья
Умиралъ онъ въ полутьмѣ.
Сквозь камышъ, шурша по листьямъ,
Пробирался вѣтерокъ...
А кругомъ въ садахъ горѣли
Огоньки и пѣлъ смычокъ.

Кузнечикъ-музыкантъ.

Кузнечикъ влюбился въ бабочку. Кокетка замѣтила это и попросила его сочинить эпиграмму на ея сосѣдку, попавшуюся въ руки мальчиковъ.

И началъ сочинять онъ ноты,
И усталъ онъ, бѣдный, отъ такой работы.
Но любовь всесильна! Оставалось скликать
Прочихъ музыкантовъ — и начать пиликать.
И народу куча собралась на пробу,
Даже жукъ навозный, начинивъ утробу
Всякой дрянью, смуглый, толстый и рогатый,
Уши отъ простуды затыкая ватой,
За толпой туда-же пробрался сторонкой, —
Ничего не понялъ, но замѣтилъ тонкій
Хвостъ у музыканта, и бочкомъ поплелся
Разсказать сосѣдямъ, что-де онъ сошелся
Съ молодымъ маэстро, что-де онъ невзраченъ,
Что его фигурой былъ онъ озадаченъ...
Черная козявка, та, что бьетъ баклуши
И весь день вертится, навострила уши;
Божія коровка всѣхъ перепугала:
Отъ восторга ныла — ныла и упала
Въ обморокъ... Спасибо, муравей съ шнуровкой
Подъ жилетомъ моднымъ, — малый очень ловкой,
Далъ ей спиртъ понюхать въ маленькомъ флаконѣ.
Онъ встрѣчалъ коровку у N. N. въ салонѣ,
Гдѣ онъ появлялся, насурмивши бровки.
И, быть можетъ, радъ былъ услужить коровкѣ.
Много было шуму: музыку хвалили,
Музыку бранили, спорили, судили...
Бабочки ночныя, въ сѣренькихъ бурнусахъ,
Въ бѣлыхъ пелеринкахъ и въ гранатныхъ бусахъ, —
Просто поблѣднѣли отъ негодованья,
Раскусивши новой пѣсни содержанье.
Но въ тотъ день герой мой такъ ужъ былъ разсѣянъ.
Что и не замѣтилъ, кѣмъ онъ былъ осмѣянъ.
На глазахъ съ повязкой, стало быть, слѣпая,
Ѣдетъ, гдѣ попало, день и ночь зѣвая,
Глупая Фортуна. Ею прихоть править. —
На однихъ наѣдетъ — колесомъ раздавитъ,
На другихъ наткнется — вдругъ начнетъ бросаться
Золотомъ, чтобъ только поскорѣй умчаться.

Да забрызгать липкой грязью пѣшехода,
Да загнать въ объятья красоты урода,
Или, такъ, безъ пользы и не для примѣра,
Сдернуть мимоѣздомъ маску съ лицемѣра...
Рыская по свѣту, этотъ идолъ свѣта
Не имѣетъ сердца, — прихотница эта
Никого не любитъ — и, когда бросаетъ
Деньги, звѣзды, ленты, — денегъ не считаетъ, —
Звѣздъ сама не носитъ, лентъ не покупаетъ, —
И, когда счастливо влюбитъ двухъ несчастныхъ,
Ихъ лица не видя, изъ рѣчей ихъ страстныхъ,
Вѣрно, заключаетъ, что влюбиться значитъ:
И себя дурачить, и другихъ дурачить.
Такъ сама Фортуна, на глазахъ съ повязкой,
Счастье въ этомъ мірѣ почитаетъ сказкой.
Для такой богини, цѣлый міръ — пустыня!
И не то чтобъ эта странная богиня
Къ нашему герою благосклонна стала:
Только улыбнулась и въ него попала
Чѣмъ-то благовоннымъ, проѣзжая мимо.
Здѣсь, поставивъ точку, мнѣ необходимо
Вамъ сказать, что жертва тайнаго страданья,
Мой герой, кузнечикъ, получилъ посланье,
Спрыснутое амброй. Бабочка писала:
«Приходите: жду васъ!» — Счастія не мало
Въ себѣ заключало это выраженье —
«Приходите: жду васъ!» — Это приглашенье
Принялъ мой кузнечикъ съ той надеждой темной,
При которой искра кажется огромной
Огненной звѣздою. Другъ его, гуляка,
Принималъ все къ сердцу, — много вралъ; однако, —
Если только слушать мы его захочемъ, —
Говорилъ такія рѣчи, между прочимъ:
«Ты, братъ, разсуждаешь глупо и постыдно!
Буду правду рѣзать: гдѣ-же это видно,
Чтобъ сверчокъ...»
— Кузнечикъ! — перебилъ кузнечикъ.
«Чтобъ сверчокъ...»
—Кузнечикъ! — перебилъ кузнечикъ.
«Ну, хоть и кузнечикъ! — ну, положимъ, даже
Ты сверчка немного чище и поглаже
И немножко больше чувствуешь свободы, —
Все-жъ ты, братецъ, съ нею не одной породы.
Знаю я всѣхъ этихъ бабочекъ, бабошекъ!
Жить онѣ не могутъ безъ цвѣтныхъ ветошекъ:
За женой бабошкой гдѣ-жъ тебѣ упрыгать?
Гдѣ-жъ тебѣ повсюду вслѣдъ за нею шмыгать?
Въ свѣтѣ, гдѣ нерѣдко всѣхъ умнѣй — невѣжда,
На талантъ — плохая, братецъ мой, надежда».
— Слава, — вотъ надежда.
Экой, братъ, ты, право!
Разсуди-же здраво и пойми, что слава
У людей бываетъ; а у насѣкомыхъ,
Что такое слава? — болтовня знакомыхъ.
Мы не лавры носимъ — носимъ побрякушки,
То-есть наша слава просто — *финтифлюшки*,
Какъ сказалъ когда-то авторъ водевильный,
Публикѣ пуская пузыречекъ мыльный».
Тутъ гуляка, видно, утомившись споромъ,
Оглядѣлъ артиста мутно-строгимъ взоромъ,
Выпилъ рюмку водки, пискнулъ, углубился

Въ созерцанье почвы и — угомонился.
Ну, и слава Богу!—Не до возраженій
Было музыканту. Какъ упрямый геній,
Онъ съ хлыстомъ, — на мѣсто безпокойной скрипки, —
По межѣ зеленой поскакалъ подъ Липки.
Липки — это было нѣчто въ родѣ парка:
Въ серединѣ—прудикъ, а при въѣздѣ —арка
Изъ вѣтвей — такая, что была, безспорно,
Чудомъ совершенства, — такъ была просторна,
Что, вообразите, насѣкомыхъ двѣсти
Въ рядъ могло бы въѣхать. Вы меня повѣсьте,
Если вру! Строитель, я и не скрываю,
Былъ — сама природа; только я не знаю,
Кто ей за работу заплатилъ; а впрочемъ,
Здѣсь мы о природѣ вовсе не хлопочемъ...
Такъ, чтобъ журналисты насъ не заклевали.
Признаюсь, что въ домѣ бабочекъ едва-ли
Описать возможно лѣстницу подъ желтымъ
Коврикомъ изъ моху, кое-гдѣ протертымъ;
Пасмурныя сѣни, гдѣ съ утра лакеи
Безъ сапогъ быть могутъ, но не безъ ливреи;
Залу, гдѣ гнилушки, точно сталактиты,
Облѣпивъ карнизы, зеленью повиты...
Мой одинъ знакомый, архитекторъ русскій,
Видѣлъ въ этой залѣ черепокъ этрусскій,
И, я живо помню, хвасталъ, не краснѣя,
Какъ ему въ той залѣ вдругъ пришла идея
Украшать со вкусомъ барскіе покои,
Покрывая бѣлой плѣсенью обои.
Впрочемъ, домъ Сильфиды, если только строго
Придираться къ стилю, смахивалъ немного
На дупло.
Уходя, день ясный плакалъ за горою
И, роняя слезы, жаркою зарею
Изъ-за темной рощи охватилъ край нивы.
Дню вослѣдъ глядѣла ночь—и переливы
Свѣта отражались и, дрожа, блуждали
По ея ланитамъ. Тихо начинали
Выходить свѣтила, мѣсяца предтечи,
Передъ Божьимъ трономъ зажигая свѣчи.
Далеко стемнѣло море жатвы зыбкой.
Грустная береза обнялася съ липкой.
Призатихла роща. Только дубъ шушукалъ,
Только гдѣ-то дятелъ крѣпкимъ носомъ тукалъ,
Только гдѣ-то струйки смутно лепетали,
Только роковыя страсти не дремали,
Только насѣкомыхъ міръ неугомонный
Голосилъ немолчно въ тишинѣ безсонной.
Стрекотали мухи; комары трубили;
На своихъ скрипицахъ весело пилили,
Лихо зная ноты, стало быть, безъ свѣчекъ,
Тѣ, которыхъ хоромъ управлялъ кузнечикъ.
Впереди оркестра на своей скрипицѣ
Громче всѣхъ пилилъ онъ въ честь своей царицы.
Выходила замужъ бабочки кузина,
И женихъ былъ славный съ хоботкомъ дѣтина;
По уму, конечно, не былъ изъ проворныхъ,
Но происходилъ онъ отъ червей отборныхъ.
По словамъ невѣсты, онъ лишь былъ несносенъ
Тѣмъ, что безъ разбора запахъ старыхъ соссенъ
Сравнивалъ съ весеннимъ запахомъ фіалокъ,
Уважалъ чиновникъ и боялся галокъ.
Но какое дѣло намъ до этихъ здоровъ...

Балъ великолѣпный! Звуки льются съ хоровъ;
Шпанскихъ мухъ десятки, въ золотыхъ ливреяхъ,
Курятъ ароматы въ сумрачныхъ аллеяхъ.
Свѣтляки, подобно шкаликамъ и плошкамъ,
Вспыхивая, блещутъ вдоль по всѣмъ дорожкамъ.
Копошатся гости. Въ мѣсячномъ сіяньѣ
Бабочки порхаютъ въ бальномъ одѣяньѣ,
Стрекоза, сцѣпившись съ стрекозой, несется,—
Пестрый вихорь вальса шелеститъ и вьется...
Жужелицы ходятъ около буфета;
Ползаютъ козявки... И, большого свѣта,
Жесткія особы, — божія коровки
Собрались другъ другу показать обновки.
Молча, подбираясь къ двумъ зеленымъ мухамъ,
Два жучка какихъ-то выступаютъ брюхомъ
На короткихъ ножкахъ. Муравей съ шнуровкой
Подъ жилетомъ моднымъ, съ желтенькой коровкой
Важно и небрежно, присѣдая, пляшетъ.
Рѣзвая Сильфида крылышками машетъ;
Глазки, носикъ, ножки, платьица узоры—
Все въ ней поневолѣ привлекаетъ взоры.
Мой артистъ кузнечикъ и душой пылаетъ,
И очей не сводитъ, и какъ чортъ играетъ.
По ея же просьбѣ, сердцемъ неизмѣнный,
Сочинилъ онъ этотъ танецъ вдохновенный,
Танецъ, подъ который скачутъ и понынѣ
Стаи насѣкомыхъ на любой куртинѣ
Вашего же сада, если, о, читатель, —
Садъ иль хоть садишко далъ тебѣ Создатель.
Но и насѣкомыхъ балъ не обошелся
Безъ скандала: въ паркѣ, говорятъ, нашелся
Злой паукъ, который, съ вѣточки на вѣтку
Протянувши нити, невидимку-сѣтку
Сдѣлалъ такъ канальски-ловко и искусно.
Что тайкомъ, быть-можетъ, и покушалъ вкусно.
Говорятъ—вдобавокъ шлепнулась коровка,
И у ней отъ страха лопнула шнуровка.
Самъ артистъ замѣтилъ, какъ его Сильфиду
Паучокъ какой-то, препаивный съ виду,
За крыло задѣвши чѣмъ-то въ родѣ петли,
Притянуть старался, и глядѣлъ уже — нѣтъ ли
Гдѣ такого мѣста въ этомъ чудномъ садѣ.
Чтобъ минутъ хоть десять провести въ прохладѣ.
Въ тишинѣ, въ уютѣ, дальше отъ волненья...
Но артистъ ревнивый понялъ ухищренье.
Подскочилъ и порвалъ роковыя нити.
Паучекъ надулся; а комаръ: — «смотрите, —
Пропищалъ артисту, — какъ вы замарались,
Точно въ неприличномъ мѣстѣ обрѣтались!»
Покраснѣлъ кузнечикъ: видитъ — паутина
Къ рукаву прилипла.
— «Экая скотина!»
Проворчалъ и — вытеръ. Бабочка ни слова
Не сказала, только выбрала другого
Въ танцахъ кавалера: кавалеръ крылатый
Былъ ея сосѣдки братецъ глуповатый.
— Правда ли, спросилъ онъ, — слухъ идетъ изъ нивы,

Будто бы въ маэстро страстно влюблены вы?
Будто бы кузнечикъ говорилъ, что хочетъ
Онъ на васъ жениться — и о томъ хлопочетъ?
— «Что вы говорите?—молвила Сильфида, —
Мой женихъ — кузнечикъ! Какова обида!
Кто такіе въ свѣтѣ распускаетъ слухи?
Или эту глупость выдумали мухи?!»
— Нѣтъ, совсѣмъ не мухи-съ! Кто-то изъ оркестра
Говорилъ, что будто слышалъ отъ маэстро.
Фея надъ собою сдѣлала усилье,
Чтобъ не разсердиться — и, встряхнувши крылья,
Бросила холодный взглядъ на музыканта,
А когда кричали въ честь его таланта:
Браво! фора! фора!» — дѣлала гримаски,
Или улыбалась, опуская глазки.
Балъ подъ темнымъ небомъ длился до разсвѣта.
Бабочка устала. — Вдругъ, за рощей, гдѣ-то
Соловей защелкалъ.
Ей тогда сказали,
(Можно ли безъ лести обойтись на балѣ!),
Ей сказали: — Фея! прекратите танецъ,
Слышите ли пѣнье? — это иностранецъ,
Соловей пролетный, вздумалъ серенаду
Вамъ давать.
И точно, по всему-то саду
Разсыпались звуки, страстно замирая
Въ безконечныхъ треляхъ. Бабочка, внимая
Соловью, мечтала.
Въ это время сзади
Подошелъ кузнечикъ.
— Фея! — Бога ради!..
Что вы такъ печальны?..
«Ахъ! — она сказала,—
Вы мнѣ помѣшали... Я воображала,
Что таланты нашихъ не всегда приличныхъ
Скакуновъ достойны тѣхъ пѣвцовъ столичныхъ,
Имена которыхъ славны за границей.
Боги! отчего я рождена не птицей!
Будь я птицей... Впрочемъ, если захочу я
Соловья послушать, завтра-жъ полечу я...
— О! — сказалъ кузнечикъ...
«Жалкій музыкантикъ!—
Прошептала Фея, пощипавши бантикъ
На своемъ корсажѣ, — развѣ я не знаю»...
— О! — сказалъ кузнечикъ, — я не понимаю,
Что вы говорите... соловьи опасны,
И къ тому-жъ,—положимъ, пѣсни ихъ прекрасны, —
Все же не въ народномъ духѣ.
Засмѣялась
Бальная царица — и, какъ тѣнь, умчалась.
Бѣдненькій кузнечикъ тутъ же носъ повѣсилъ
И одинъ остался, блѣденъ и не веселъ.
Вотъ упала слезка на листочекъ влажный,
Съ вѣтеркомъ промчался чей-то вздохъ протяжный,
Словно колокольчикъ звякнулъ въ отдаленьи...
Ничего герой мой не слыхалъ: презрѣнье
Было слишкомъ явно... И глядѣлъ онъ мутно
Въ темный лѣсъ, откуда, сладко раздражая
Благовонный воздухъ и не умолкая,
Соловьиныхъ пѣсенъ раздавались трели...
И шепталъ онъ: — боги! боги! неужели?..
Что-жъ это такое? Отчего же это?..
Или для поэта миновало лѣто?.. —
Пойте, пойте, птицы! — Но сердца больныя

Врачевать не могутъ пѣсни не родныя.

Бабочка полетѣла къ соловью, и онъ ее заклевалъ. Кузнечикъ со своимъ другомъ долго искали ея тѣло.

Долго, до полночи, прыгуны блуждали,
Наконецъ на свѣжій слѣдъ они напали.
Свѣтлячокъ вертѣлся подлѣ нихъ недаромъ,
И Діана, тучку золотымъ пожаромъ
Охвативъ, недаромъ отклоняла вѣтки,
И кой-гдѣ чертила яркія отмѣтки;
Для моихъ героевъ блѣдный лучъ богини
Путеводнымъ свѣтомъ былъ среди пустыни.
Тамъ, неподалеку спѣющей брусники,
Подъ корнями красной полевой гвоздики,
Одинокимъ трупомъ бабочка лежала:
Ножки протянула, крылья распластала
И, казалось, лежа, небесамъ молилась, —
Вся окоченѣла, но не измѣнилась:
Тотъ же сохранился очеркъ милый, нѣжный.
Тою же сіяли бѣлизною снѣжной
Матовыя крылья. Черная косынка
На груди раскрылась. Крупная слезинка,
Какъ алмазъ, блестѣла около рѣсницы.
И какъ бархатъ были темныя косицы.
Мертвая казалась сонной; но чернѣла
Маленькая ранка... Молча возлѣ тѣла
Постоялъ кузнечикъ, сердцемъ надрываясь.
Молча съ огонечкомъ къ трупу наклоняясь,
Свѣтлячекъ, какъ будто сильно пораженный
Небывалымъ чудомъ, жмурился, какъ сонный.
У гуляки тоже хмѣль прошелъ. — Сурово
Онъ глядѣлъ и то, что видѣлъ, было ново
Для него. Онъ понялъ, что была-бъ тутъ шутка
Вовсе неприлична. Даже какъ-то жутко
Становилось сердцу вѣчнаго гуляки,
Даже покривилась рожа забіяки,
Потому что былъ онъ добрая скотинка.
Видя, какъ у мертвой на лицѣ слезинка
Неподвижно свѣтлой капелькой стояла,
Онъ шепталъ: «Бабошка! — Ты отпировала!
Такъ и мы у смерти дни свои воруемъ;
Попадемся съ кражей — да и отпируемъ!»
Впрочемъ, мой гуляка былъ такого сорту,
Что свое унынье вмигъ отправилъ къ чорту
И, толкнувъ артиста, молвилъ: «ну, конечно,
Жаль; да вѣдь нельзя же горевать намъ вѣчно!
Сдѣлаемъ носилки, и ее прилично
Отнесемъ подъ Липки. Все пойдетъ отлично.
Только ты напрасно, братъ, не надрывайся,
Силъ не трать и плакать послѣ постарайся».
Сдѣлали носилки; положили тѣло;
Подняли — и долго поступью несмѣлой
Шли они по травкамъ, шли они по кочкамъ.
Впереди, мелькая яркимъ огонечкомъ,
Шелъ свѣтлякъ — и сотни разныхъ насѣкомыхъ,
Нашему артисту вовсе незнакомыхъ,
Шумно просыпались въ перелѣскѣ темномъ. —
«А! ба! кто тамъ? что тамъ?» — слышалося въ сонномъ
Царствѣ. Вдругъ во мракѣ жалкій пискъ раздался:
Муравей какой-то подъ ноги попался
Нашему гулякѣ — онъ его и тиснулъ.
Вслѣдъ за этимъ визгомъ — въ рощѣ кто-то свистнулъ.
Комары, проснувшись и поднявшись роемъ,

Затрубили въ трубы, точно передъ боемъ,
Но слетѣвшись кучей и увидѣвъ тѣло,
Взяли тономъ ниже (поняли въ чемъ дѣло...)
И, трубя плачевно, въ разстояньи дальнемъ,
Огласили воздухъ маршемъ погребальнымъ.
Къ свѣтляку другіе свѣтляки пристали:
Свѣчи ихъ то гасли, то опять мелькали.
Съ жалобнымъ жужжаньемъ подымались мухи,
И жужжа, другъ другу повѣряли слухи.
Бабочка, — Сильфиды прежняя подруга, —
Высунула носикъ, блѣдная съ испуга,
И потомъ, спустившись по листочкамъ, сѣла
На холодный камень и — оцѣпенѣла.
Предразсвѣтный вѣтеръ, невидимкой вѣя,
Думалъ, что воскреснетъ молодая фея:
Шевелилъ у мертвой легкими крылами,
И дышалъ въ лицо ей влажными устами,
И потомъ далекимъ проносился стономъ,
И по всѣмъ тропинкамъ отдавался звономъ,
Чашечки лиловыхъ цвѣтиковъ качая.
И роса, какъ слезы, холодно сверкая,
Медленно стекала съ усиковъ цвѣтущей
Повилики, робко по стволамъ ползущей;
И благоухали тысячи растеній;
И сквозь дымъ деревья въ видѣ привидѣній
Головой кивали. Тихо раздвигая
Облака, вставала зорька золотая,
И когда все стало ясно отъ улыбки
Пламенной богини, принесли подъ Липки
Мертвую Сильфиду; — тамъ ее сложили,
Вырыли могилку и похоронили.
И когда надъ этой новою могилой
Думалъ злую думу мой артистъ унылый,
Въ жаркихъ искрахъ солнца за лѣсной куртиной
Звучно раздавался рокотъ соловьиный.

А. Майковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Октава.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

1841.

* *
*

Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ;
Поэтъ ужъ въ первую минуту ихъ рожденья
Въ нихъ чуетъ сѣмена грядущаго творенья.
Онѣ какъ будто спятъ и зрѣютъ въ тихомъ снѣ,
И ждутъ мгновенія, чьего-то ждутъ лишь знака,
Удара молніи, чтобъ вырваться изъ мрака...
И сходишь къ нимъ порой украдкой и тайкомъ,
Стоишь, любуешься таинственнымъ ихъ сномъ,
Какъ мать, стоящая съ заботою безмолвной
Надъ спящими дѣтьми, въ свѣтлицѣ, тайны полной...

1868.

Художнику.

Къ тебѣ слетѣло вдохновенье —
Его исчерпай все за разъ,
Покуда творческій восторгъ твой не погасъ,
И полонъ ты и силъ, и дерзновенья!
Оно не долго свѣтитъ съ вышины
И въ смыслъ вещей, и духа въ глубины,
И твоего блаженства мигъ не долгъ!
Оно умчалося — и тотчасъ предъ тобой,
Своей холодною рукой,
Обычной жизни ночь задернетъ темный пологъ.

1882.

Искусство.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибрежья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,

Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.
1841.

* *
*

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощъ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ и чудный
Звукъ полился изъ безжизненной трости. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки и ихъ воскресить своей флейтой:
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя!..
Горькій безумецъ! ту думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри: улыбаясь,
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.
1841.

* *
*

Возвышенная мысль достойной хочетъ брони;
Богиня строгая — ей нуженъ пьедесталъ,
И храмъ, и жертвенникъ, и лира, и кимвалъ,
И пѣсни сладкія, и волны благовоній...
Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобы божественность сквозила въ каждой складкѣ,
И образъ весь сіялъ — огнемъ души твоей!..
Исполненъ радости, иль гнѣва, иль печали,
Пусть вдругъ онъ выступитъ изъ тьмы передъ тобой —
И ту разсѣетъ тьму — прекрасный самъ собой
И безконечностью за нимъ лежащей дали...
1869.

* * *

Вдохновенье — дуновенье
Духа Божья!.. Пронеслось —
И безсмертнаго творенья
Сѣмя бросило въ хаосъ.
Вмигъ поэтъ душой воспрянетъ,
И подхватитъ на-лету,
Отольетъ и отчеканитъ
Въ мѣдномъ образѣ — мечту!
1890.

Пустынникъ.

И Ангелъ мнѣ сказалъ: иди, оставь ихъ грады,
Въ пустыню скройся ты, чтобъ тамъ огонь лампады,
Тебѣ ввѣренный, до срока уберечь,
Дабы, когда тщету сустъ они познаютъ,
Возжаждутъ Истины и свѣта пожелаютъ,
Имъ было-бъ чѣмъ свои свѣтильники возжечь.

Савонарола.

Въ столицѣ Медичи счастливой
Справлялся странный карнавалъ.
Всѣ въ бѣломъ, съ вѣтвію оливы,
Шли дѣвы, юноши; бѣжалъ
Народъ за ними; изъ собора,
Подъ звукъ торжественнаго хора,
Распятье иноки несли
И стройно со свѣчами шли.
Усыпанъ путь ихъ былъ цвѣтами,
Ковры висѣли изъ оконъ,
И воздухъ былъ колоколами
До горъ далекихъ потрясенъ.
Они на площадь направлялись,
Туда-жъ по улицамъ другимъ,
Пестрѣя, маски собирались
Съ обычнымъ говоромъ своимъ:
Паяцъ и, съ лавкой разныхъ стклянокъ,
На колесницѣ шарлатанъ,
И грандъ, и дьяволъ, и султанъ,
И Вакхъ со свитою вакханокъ.
Но, будто волны въ берегахъ,
Вдругъ останавливались маски,
И прекращались смѣхъ и пляски:
На площади, на трехъ кострахъ,
Монахи складывали въ груды
Все то, что тѣшитъ рѣзвый свѣтъ
Приманкой нѣги и суетъ.
Тутъ были жемчугъ, изумруды,
Великолѣпные сосуды,
И кучи бархатовъ, парчей,
И картъ игральныхъ, и костей,
И сладострастныя картины,
И бюсты фавновъ и сиренъ,
Литавры, арфы, мандолины,
И ноты страстныхъ кантиленъ,
И кучи масокъ и корсетовъ,
Румяна, мыло и духи,
И эротическихъ поэтовъ
Соблазна полные стихи...
Надъ этой грудою стояло,
Верхомъ на маленькомъ конькѣ,
Изображенье карнавала —
Паяцъ въ дурацкомъ колпакѣ.
Сюда процессія вступила.
На помостъ всталъ монахъ сѣдой,
И чудно солнцемъ озарило
Его фигуру надъ толпой.
Онъ крестъ держалъ, главу склоняя
И указуя въ небеса...
Въ глубокихъ впадинахъ сверкая,
Его свѣтилися глаза:
Народъ внималъ ему угрюмо
И рвалъ бѣсовскіе костюмы,
И, маски сбросивши тайкомъ,
Рыдали женщины кругомъ.
Монахъ училъ, какъ древле жили
Общины первыхъ христіанъ,
«А вы, — сказалъ: — вы воскресили
Разбитый ими истуканъ!
Забыли въ шумѣ сатурналій
Молчанье строгое постовъ!
Святую Библію отцовъ
На мудрость вѣка промѣняли;
Пустынной маннѣ предпочли
Пиры египетской земли!
До знаній жадны, вѣрой скупы,
Понять вы тщитесь бытіе,
Анатомируете трупы —
А сердце знаете-ль свое?..
О, Матерь Божія! Тебя-ли,
Мое прибѣжище въ печали,
Въ чертахъ блудницы вижу я!
Съ блудницъ художникъ маловѣрный
Чертитъ, исполненъ всякой скверны,
И выдаетъ намъ за тебя!..
Развратъ повсюду лицемѣрный!
Васъ тѣшитъ пестрый маскарадъ —
Бѣсъ ходитъ возлѣ каждой маски
И въ сердце намъ вливаетъ ядъ.
Въ винѣ, въ наукѣ, въ женской ласкѣ
Вамъ сѣти ставитъ хитрый адъ,
И, какъ безмысленныя дѣти,
Вы слѣпо падаете въ сѣти!..
Пора! Зову я васъ на брань.
Изъ-за трапезы каждый встань,
Гдѣ бѣсъ пируетъ! Бросьте яству!
Спѣшите! Пастырю во длань
Веду вернувшуюся паству!
Здѣсь искупленіе грѣхамъ!
Проклятье играмъ и костямъ!
Проклятье льстивымъ чарамъ ада!
Проклятье мудрости людской,
Въ которой овцы Божья стада
Теряютъ вѣру и покой!
Господь, услышь мои моленья:
Въ сей день великій искупленья
Свои намъ молніи пошли
И разрази тельца златого!
Во имя чистое Христово

Весь домъ грѣха испепели!»
Умолкъ — и факеломъ зажженнымъ
Взмахнулъ надъ праздничнымъ костромъ,
Раздался пушекъ страшный громъ;
Сливаясь съ колокольнымъ звономъ,
Te Deum грянулъ мрачный хоръ —
Столбомъ всталъ огненный костеръ.
Толпы народа оробѣли,
Молились, набожно глядѣли,
Святого ужаса полны,
Какъ грозно пирамидой жаркой
Трещали, вспыхивали ярко
Изобрѣтенья сатаны,
И какъ фигура карнавала, —
Его колпакъ и дѣтскій конь —
Качалась, тлѣла, обгорала
И съ шумомъ рухнула въ огонь.

Прошли года. Монахъ крутой,
Какъ геній смерти, воцарился
Въ столицѣ шумной и живой —
И городъ весь преобразился.
Облекся трауромъ народъ,
Вездѣ вериги, власяница,
Постомъ измученныя лица,
Молебны, звонъ да крестный ходъ.
Монахъ, какъ будто львиной лапой,
Толпу угрюмую сжималъ,
И дерзко ссорился онъ съ папой,
Въ безвѣрьи папу уличалъ...
Но съ папой спорить было рано:
Неравенъ былъ строптивый споръ,
И главъ вѣнчанныхъ Ватикана
Еще могучъ былъ приговоръ...
И вотъ опять костеръ багровый
На той-же площади пылалъ;
Палачъ у висѣлицы новой
Спокойно жертвы новой ждалъ,
И грозный папскій трибуналъ
Стоялъ на помостѣ высокомъ.
На казнь монаховъ привели.
Они, въ молчаніи глубокомъ,
На смерть, какъ мученики, шли.
Одинъ изъ нихъ былъ тотъ-же самый,
Къ кому народъ стекался въ храмы,
Кто отворялъ свои уста
Лишь съ чистымъ именемъ Христа;
Христомъ былъ духъ его напитанъ
И за Него на казнь онъ шелъ;
Христа-же именемъ прочитанъ
Монаху смертный приговоръ,
И то-же имя повторяла
Толпа, смотря со всѣхъ сторонъ,
Какъ рухнулъ съ висѣлицы онъ,
И пламя вмигъ его объяло,
И, задыхаясь, произнесъ
Онъ въ самомъ пламени «Христосъ!»
Христосъ, Христосъ! Но, умирая,
И по слѣдамъ Твоимъ ступая,
Твой подвигъ сердцемъ возлюбя,
Христосъ! Онъ понялъ-ли Тебя?
О, нѣтъ! Скорбящихъ утѣшая,
Ты чистыхъ радостей не гналъ,
И, Магдалину возрождая,
Дѣтей на жизнь благословлялъ!
И человѣкъ, въ Твоемъ ученьѣ
Познавъ себя, въ Твоихъ словахъ
Съ любовью видитъ откровенье,
Чѣмъ можетъ быть онъ святъ и благъ...
Своею кровью жизни слово
Ты освятилъ, — и возросло
Оно могуче и свѣтло;
Доминиканца-жъ ликъ суровый
Былъ чуждъ любви—и самъ онъ палъ
Безплодной жертвою...
. . . .
1851

Емшанъ [1]).

Степной травы пучокъ сухой,
Онъ и сухой благоухаетъ!
И разомъ степи надо мной
Все обаянье воскрешаетъ.
Когда въ степяхъ, за станомъ станъ,
Бродили орды кочевыя,
Былъ ханъ Отрокъ и ханъ Сырчанъ,
Два брата, батыри лихіе.
И разъ у нихъ шелъ пиръ горой —
Великъ полонъ былъ взятъ изъ Руси!
Пѣвецъ имъ славу пѣлъ, рѣкой
Лился кумысъ во всемъ улусѣ.
Вдругъ шумъ и крикъ, и стукъ мечей,
И кровь, и смерть, и нѣтъ пощады! —
Все врозь бѣжитъ, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.
То съ русской силой Мономахъ

[1]) Разсказъ этотъ взятъ изъ Волынской лѣтописи. *Емшанъ*—названіе душистой травы, растущей въ нашихъ степяхъ, вѣроятно, полынокъ.

Всесокрушающій явился —
Сырчанъ въ донскихъ залегъ меляхъ,
Отрокъ въ горахъ кавказскихъ
скрылся!
И шли года... Гулялъ въ степяхъ
Лишь буйный вѣтеръ на просторѣ...
Но вотъ — скончался Мономахъ,
И по Руси — туга и горе, —
Зоветъ къ себѣ пѣвца Сырчанъ
И къ брату шлетъ его съ наказомъ:
«Онъ тамъ богатъ, онъ царь тѣхъ
странъ,
Владыка надо всѣмъ Кавказомъ —
Скажи ему, чтобъ бросилъ все,
Что умеръ врагъ, что спали цѣпи,
Чтобъ шелъ въ наслѣдіе свое,
Въ благоухающія степи!
Ему ты пѣсенъ нашихъ спой, —
Когда-жъ на пѣснь не отзовется,
— Свяжи въ пучокъ емшанъ степной
И дай ему — и онъ вернется».
Отрокъ сидитъ въ златомъ шатрѣ,
Вкругъ — рой абхазянокъ прекрас-
ныхъ;
На золотѣ и серебрѣ
Князей онъ чествуетъ подвластныхъ.
Введенъ пѣвецъ. Онъ говоритъ,
Чтобъ въ степи шелъ Отрокъ безъ
страха,
Что путь на Русь кругомъ открытъ,
Что нѣтъ ужъ больше Мономаха!
Отрокъ молчитъ, на братнинъ зовъ
Одной усмѣшкой отвѣчаетъ —
И пиръ идетъ, и хоръ рабовъ
Его, что солнце, величаетъ.
Встаетъ пѣвецъ и пѣсни онъ
Поетъ о быляхъ половецкихъ,
Про славу дѣдовскихъ временъ
И ихъ набѣговъ молодецкихъ.
Отрокъ угрюмый принялъ видъ
И, на пѣвца не глядя, знакомъ,
Чтобъ увели его — велитъ
Своимъ послушливымъ кунакамъ.
И взялъ пучокъ травы степной
Тогда пѣвецъ и подалъ хану —
И смотритъ ханъ — и, самъ не свой,
Какъ-бы почуя въ сердцѣ рану,
За грудь схватился... Всѣ глядятъ —
Онъ грозный ханъ, что-жъ это зна-
чить?
Онъ, предъ которымъ всѣ дрожатъ, —
Пучокъ травы цѣлуя, плачетъ!
И вдругъ, взмахнувши кулакомъ,
«Не царь я больше вамъ отнынѣ, —
Воскликнулъ, — смерть въ краю род-
номъ
Милѣй, чѣмъ слава на чужбинѣ!»
На утро, чуть осѣлъ туманъ,
И озлатились горъ вершины,
Въ горахъ идетъ ужъ караванъ —
Отрокъ съ немногою дружиной.
Минуя гору за горой,
Все ждетъ онъ — скоро-ль степь род-
ная —
И въ даль глядитъ, травы степной
Пучокъ изъ рукъ не выпуская.
1874.

Приговоръ.

(Легенда о Констанцскомъ соборѣ).

На соборѣ, на Констанцскомъ,
Богословы засѣдали;
Осудивъ Іогана Гуса,
Казнь ему изобрѣтали.
Въ длинной рѣчи докторъ черный,
Перебравъ всѣ истязанья,
Предлагалъ ему соборно
Присудить колесованье,
Сердце, зла источникъ, кинуть
На съѣденье псамъ поганымъ,
А языкъ, какъ зла орудье,
Дать клевать нечистымъ вранамъ;
Самый трупъ — предать сожженью,
Напередъ проклявъ трикраты,
И на всѣ четыре вѣтра
Бросить прахъ его проклятый...
Такъ, по пунктамъ, на цитатахъ,
На соборныхъ уложеньяхъ,
Приговоръ свой докторъ черный
Строилъ въ твердыхъ заключеньяхъ;
И, дивясь, какъ все онъ взвѣсилъ
Въ безпристрастномъ приговорѣ,
Восклицали: «bene, bene!»
Люди опытные въ спорѣ;
Каждый чувствовалъ, что смута
Многихъ лѣтъ къ концу приходитъ,
И что докторъ изъ сомнѣній
Ихъ, какъ изъ лѣсу, выводитъ...
И не чаяли, что тутъ же
Ждетъ еще ихъ испытанье...

И соблазнъ великій вышелъ!
Тàкъ гласитъ повѣствованье:
Былъ при кесарѣ въ тотъ вечеръ
Пажикъ розовый, кудрявый;
Въ рѣчи доктора немного
Онъ нашелъ себѣ забавы;
Онъ глядѣлъ, какъ мракъ густѣетъ
По готическимъ карнизамъ;
Какъ скользятъ лучи заката
Вкругъ по мантіямъ и ризамъ;
Какъ рисуются на мракѣ,
Краснымъ свѣтомъ облитые,
Усъ задорный, черепъ голый,
Лица добрыя и злыя...
Вдругъ въ открытое окошко
Онъ взглянулъ и — оживился;
За пажомъ невольно кесарь
Поглядѣлъ, развеселился —
За владыкой — рядъ за рядомъ,
Словно нива отъ дыханья
Вѣтерка, оборотилось
Тихо къ саду все собранье:
Грозный сонмъ князей имперскихъ,
Изъ Сорбонны депутаты,
Трирскій, Люттихскій епископъ,
Кардиналы и прелаты —
Оглянулся даже папа! —
И суровый ликъ дотолѣ
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневолѣ;
Самъ ораторъ, докторъ черный,
Началъ путаться, сбиваться,
Вдругъ умолкнулъ и въ окошко
Сталъ глядѣть и — улыбаться!
И чего-жъ они такъ смотрятъ?
Чтò могло привлечь ихъ взоры?
Развѣ небо голубое?
Или — розовыя горы?
Но — они таятъ дыханье
И, отдавшись сладкимъ грезамъ,
Точно слѣдуютъ душою
За искуснымъ виртуозомъ...
Дѣло въ томъ, что въ это время
Вдругъ запѣлъ въ кусту сирени
Соловей предъ темнымъ зàмкомъ,
Вечеръ празднуя весенній;
Онъ запѣлъ — и каждый вспомнилъ
Соловья такого жъ точно,
Кто въ Неаполѣ, кто въ Прагѣ,
Кто надъ Рейномъ въ часъ урочный,
Кто — таинственную маску,
Блескъ луны и блескъ залива,
Кто — трактировъ швабскихъ Гебу,
Разливательницу пива...
Словомъ—всѣмъ пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотыя грезы счастья,
Золотые дни свободы —
И — исторія не знаетъ,
Сколько длилося молчанье,
И въ какихъ странахъ витали
Души чернаго собранья...
Былъ въ собраньи этомъ старецъ:
Изъ пустыни вызванъ папой,
И почтенъ за строгость жизни
Кардинальской, красной шляпой,—
Вспомнилъ онъ, какъ тамъ, въ пустынѣ,
Миръ природы, птичекъ пѣнье
Укрѣпляли въ сердцѣ силу
Примиренья и прощенья;
И какъ шопотъ раздается
По пустой, огромной залѣ,
Такъ въ душѣ его два слова:
«Жалко Гуса» прозвучали;
Машинально, безотчетно
Поднялся онъ — и, объятья
Всѣмъ присущимъ открывая,
Со слезами молвилъ: «братья!
Но, какъ будто перепуганъ
Звукомъ собственнаго слова,
Костылемъ ударилъ объ полъ
И упалъ на мѣсто снова.
«Пробудитесь, — возопилъ онъ,
Блѣдный, ужасомъ объятый: —
Дьяволъ, дьяволъ обошелъ насъ!
Это гласъ его, проклятый!..
Каюсь вамъ, отцы святые!
Льстивой пѣснью обаянный,
Позабылъ я пребыванье
На молитвѣ неустанной —
И вошелъ въ меня нечистый! —
Къ вамъ простеръ мои объятья,
Изъ меня хотѣлъ воскликнуть:
«Гусъ невиненъ». — Горе братья!..»
Ужаснулося собранье,
Встало съ мѣстъ своихъ, и хоромъ
«Да воскреснетъ Богъ» запѣло
Духовенство всѣмъ соборомъ, —
И, очистивъ духъ отъ бѣса
Покаяньемъ и проклятьемъ,

Всѣ упали на колѣни
Предъ серебрянымъ распятьемъ, —
И, возставъ, Іогана Гуса,
Церкви Божьей во спасенье,
Въ назиданье христіанамъ,
Осудили — на сожженье...
Такъ святая ревность въ вѣрѣ
Побѣдила ковы ада!
Отъ соборнаго проклятья
Дьяволъ вылетѣлъ изъ сада,
И надъ озеромъ Констанцскимъ,
Въ видѣ огненнаго змѣя,
Пролетѣлъ онъ надъ землею,
Въ лютой злобѣ искры сѣя.
Это видѣли: три стража,
Двѣ монахини старушки
И одинъ констанцскій ратманъ,
Возвращавшійся съ пирушки.
1860.

Клермонтскій соборъ.

Не свадьбу праздновать, не пиръ,
Не на воинственный турниръ
Блеснуть оружьемъ и конями,
Въ Клермонтъ нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Что лугъ, усѣянный цвѣтами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей,
Какъ перекатными волнами.
Лучъ солнца ярко озарялъ
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпуръ, и металлъ.
Подъ златотканнымъ балдахиномъ,
Средь духовенства властелиномъ
Въ тіарѣ папа возсѣдалъ.
У трона — герцоги, бароны
И красныхъ кардиналовъ рядъ;
Вокругъ ихъ — спрыхъ обороны —
Толпою рыцари стоятъ:
Въ узорныхъ латахъ итальянцы,
Тяжелый швабъ и рыжій бриттъ,
И галлъ, отважный сибаритъ,
И въ шлемахъ съ перьями испанцы;
И отдаленъ отъ всѣхъ старикъ,
Дерзавшій свергнуть папства узы:
То обращенный еретикъ
Изъ фанатической Тулузы;
Здѣсь строй норманновъ удалыхъ,
Какъ въ маскахъ, въ шлемахъ пудовыхъ,
Съ своей тяжелой алебардой...
На крыши взгромоздясь, народъ
Всѣхъ поименно ихъ зоветъ;
Все это львы, да леопарды,
Орлы, медвѣди, ястреба —
Какъ-будто грозныя прозванья
Сама сковала имъ судьба,
Чтобъ обезсмертить ихъ дѣянья!
Надъ ними стаей лебедей,
Слетѣвшихъ на берегъ зеленый,
Изъ ложъ кругомъ сіяютъ жены
Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
Въ алмазахъ, въ млечныхъ жемчугахъ;
Лишь шопотъ слышится въ собраньѣ.
Необычайная молва
Давно чудесныя слова
И непонятныя сказанья
Носила въ мірѣ. Виденъ крестъ
Былъ въ небѣ. Несся стонъ съ востока.
Заря креваваго потока
Имѣла видъ. Межъ блѣдныхъ звѣздъ
Какъ человѣческое было
Лицо луны, и слезы лило,
И вкругъ клубился дымъ и мгла...
Чего-то страшнаго ждала
Толпа, внимать готовясь Богу,
И били грозную тревогу
Со всѣхъ церквей колокола.
Вдругъ звонъ затихъ — и на ступени
Престола папы преклонилъ
Убогій пилигримъ колѣни;
Его съ любовью осѣнилъ
Святымъ крестомъ первосвященникъ;
И, помоляся небесамъ,
Пустынникъ говорилъ къ толпамъ:
«Смиренный нищій, бѣглый плѣнникъ
Предъ вами, сильные земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движетъ мной иная воля.
Не мнѣ внимайте, короли:
Самъ Богъ, державствующій нами,
Къ моей склонился нищетѣ
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами
И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
Что испыталъ и видѣлъ я.

Вся плоть истерзана моя,
Спина хранитъ слѣды ремня,
И язвамъ нѣту исцѣленья!
Взгляните: на рукахъ моихъ
Оковъ кровавыя запястья.
Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
Безъ утѣшенья, безъ участья,
Провелъ я юности лѣта;
Копалъ я рвы, бряцая цѣпью,
Влачилъ я камни знойной степью,
За то, что вѣровалъ въ Христа!
Вотъ эти руки... Но въ молчаньѣ
Вы потупляете глаза;
На грозныхъ лицахъ состраданья,
Я вижу, катится слеза...
О, люди, люди, язвы эти
Смутили васъ на краткій часъ!
О, впечатлительныя дѣти!
Какъ слезы дешевы у васъ!
Ужель, чтобъ тронуть васъ, страдальцамъ
Къ вамъ надо нищими предстать?
Чтобъ васъ увѣрить, надо дать
Ощупать язвы вашимъ пальцамъ!
Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,
Тогда неслыханнымъ страданьямъ,
Безчеловѣчнымъ истязаньямъ
Вы сердцемъ внемлете своимъ!..
А тѣхъ страдальцевъ милліоны,
Которыхъ вамъ не слышны стоны,
Къ которымъ мусульманинъ злой,
Что къ агнцамъ трепетнымъ приходитъ,
И безпрепятственно уводитъ
Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой;
Въ глазахъ у брата душитъ брата,
И не родившихся дѣтей
Во чревѣ рѣжетъ матерей
И вырываетъ для разврата
Изъ ихъ объятій дочерей...
Я видѣлъ, блѣдныхъ, безоружныхъ,
Толпами гнали по пескамъ,
Отсталыхъ старцевъ, женъ недужныхъ
Бичомъ стегали по ногамъ;
И турокъ рыскалъ по пустынѣ,
Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ,
Но мигъ — мнѣ памятный донынѣ,
Благословенный жизни мигъ,
Когда окованнымъ, средь дыма
Прозрачныхъ утреннихъ паровъ,
Предстали намъ Ерусалима
Святые храмы безъ крестовъ!
Замолкли стоны и тревога,
И, позабывши прахъ и тлѣнъ,
Возславословили мы Бога
Въ виду Сіонскихъ древнихъ стѣнъ,
Гдѣ ждали насъ позоръ и плѣнъ!
Породнены тоской, чужбиной,
Латинецъ съ грекомъ обнялись;
Всѣ, какъ сыны семьи единой,
Страдать безропотно клялись.
И грекъ намъ далъ примѣръ великій:
Ерея, пѣвшаго псаломъ,
Съ коня спрыгнувши, турокъ дикій
Ударилъ взвизгнувшимъ бичомъ:
Тотъ пѣлъ, и бровію не двинулъ!
Злодѣй страдальца опрокинулъ
И вырвалъ бороду его...
Рванули съ воплемъ мы цѣнями, —
А онъ Евангелья словами
Господне славилъ торжество!
Въ куски изрубленное тѣло
Злодѣи побросали въ насъ:
Мы сохранили ихъ всецѣло,
И, о душѣ его молясь,
Въ темницѣ, гдѣ страдали сами,
Могилу вырыли руками
И на груди святой земли
Его останки погребли.
И онъ не встанетъ вѣдь предъ вами
Вамъ язвы обнажить свои
И выпросить у васъ слезами
Слезу участья и любви!
Увы, не разверзаютъ гробы
Святыя жертвы адской злобы!
Нѣтъ, и живое не пріидетъ
Къ вамъ одновѣрцевъ вашихъ племя —
Христу молящійся народъ;
Одинъ креста несетъ онъ бремя,
Одинъ онъ тернъ Христовъ несетъ!
Какъ рабъ евангельскій, израненъ,
Въ степи лежитъ, больной, безъ силъ...
Иль ждете вы, чтобъ напоилъ
Его чужой самаритянинъ,
А вы, съ кошницей яствъ, бойцы,
Пройдете мимо, какъ слѣпцы?
О, нѣтъ, для васъ еще священны
Любовь и правда на землѣ!
Я вижу ужасъ вдохновенный
На вашемъ доблестномъ челѣ!

Возстань, о воинство Христово,
На мусульманъ войной суровой!
Да съ громомъ рушится во прахъ —
Созданье злобы и коварства —
Ихъ тяготѣющее царство
На христіанскихъ рамснахъ!
Разбейте съ чадъ Христа оковы,
Дохнуть имъ дайте жизнью новой;
Они васъ ждутъ, чтобъ васъ обнять,
Край вашихъ ризъ облобызать!
Идите! ангелами мщенья,
Изъ храма огненнымъ мечомъ
Изгнавъ невѣрныхъ поколѣнья,
Отдайте Богу Божій домъ!
Тамъ благодарственные псалмы
Для васъ народы воспоютъ,
А падшимъ — мучениковъ пальмы
Вѣнцами ангелы сплетутъ!..»
Умолкъ. Въ отвѣтъ какъ будто
громы
Перекатилися въ горахъ.
То кликъ одинъ во всѣхъ устахъ:
«Идемъ, оставимъ женъ и домы!»
И въ умиленіи святомъ
Вокругъ желѣзные бароны
Въ восторгѣ плакали, какъ жены;
Врагъ лобызался со врагомъ,
И руку жалъ герой герою,
Какъ левъ косматый, алча бою;
На общій подвигъ дамы съ рукъ
Снимали злато и жемчугъ;
Свой грошъ и нищіе бросали;
И радость всѣхъ была свѣтла —
Ее литавры возвѣщали,
И въ небесахъ распространяли
Со всѣхъ церквей колокола.

* * *

Вотъ такъ латинскіе народы,
Во имя братства и любви,
Шли въ отдаленные походы.
Кипѣла доблесть въ ихъ крови.
Іудѣ чуждая и Крезамъ,
Лишь славолюбіемъ дыша,
Подъ этой сталью и желѣзомъ
Жила великая душа.
И ею созданные люди
На насъ колоссами глядятъ,
Которыхъ каменныя груди
Ни мечъ, ни громъ не сокрушатъ.

Тогда въ ряды священной рати
Не ополчались мы войной.
Отдѣльно, далеко отъ братій,
Вели мы свой крестовый бой.
Ужъ нѣдра Азіи бездонной,
Какъ разгоравшійся волканъ,
Къ намъ слали чадъ своихъ мильоны:
Дулъ къ степи жаркій ураганъ,
Металась степь какъ океанъ —
Востокъ чреватъ былъ Чингисханомъ!
И Русь одна тогда была
Сторожевымъ Европы станомъ
И ужъ за вѣру кровь лила...
Не долго рыцарей глубоко
Такъ трогалъ кликъ: «Іерусалимъ!»
Стонъ христіанскаго Востока
Все глуше становился имъ!
Россія гибла: къ христіанамъ
Взывала воплями она;
Но какъ Іосифъ Агарянамъ
Была отъ братьевъ продана!
Упала съ громомъ Византія;
Семья Славянскихъ царствъ за ней;
Столпы сложились костяные
Изъ череповъ богатырей;
За честь Евангелья Христова
Сыны Людовика Святого
Ужъ выручать не шли Царьградъ.
Отъ брата отшатнулся братъ...
Мы — крестоносцы отъ начала!
Орда рвала насъ по клочкамъ,
Насъ жгла, — но лучше смерть, чѣмъ
срамъ;
Страдальцевъ кровью возрастала
И крѣпла Русь; какъ мститель встала,
И, вѣрная себѣ, идетъ
Въ обѣтованный свой походъ.
За что же западные братья,
Забывъ свой подвигъ прежнихъ лѣтъ,
Ей шлютъ безумныя проклятья,
Какъ скрежетъ демоновъ во слѣдъ?
За что-жъ съ тоскою и заботой
На насъ они, косясь, глядятъ?
За что-жъ на насъ идутъ ихъ флоты
И намъ погибелью грозятъ?
За что-жъ?.. За то, что мы созрѣли,
Что вдругъ въ ученикахъ своихъ
Они совмѣстниковъ узрѣли;
Что то не шутка: между нихъ
Мы смѣло требуемъ гражданства!
Мы не пришельцы — зиждемъ храмъ

Еще невѣдомый вѣкамъ;
На необъятное пространство
Фундаментъ вывели; предъ нимъ
Блѣднѣютъ древнія державы, —
И новыхъ силъ, и новой славы
Младое солнце страшно имъ!
Докончить храмъ — въ насъ есть отвага,
Въ насъ вѣра есть, въ насъ сила есть,
Всѣ для него земныя блага
Готовы въ жертву мы принесть...
За то, что намъ пришлось на долю
Свершить, что Западъ начиналъ;
Что насъ отнынѣ Богъ избралъ
Творить его святую волю;
Что мы подъ знаменемъ Креста
Не лицемѣримъ, не торгуемъ,
И фарисейскимъ поцѣлуемъ
Не лобызаемъ мы Христа...
И, можетъ быть, враги предвидятъ,
Что изъ Россіи ледяной
Еще невиданное выйдетъ
Гигантовъ племя къ нимъ грозой,
Гигантовъ — съ ненасытной жаждой
Безсмертья, славы и добра,
Гигантовъ — какъ ихъ міръ однажды
Зрѣлъ въ грозномъ образѣ Петра.
1853.

Послѣдніе язычники.

Когда въ челѣ своихъ дружинъ
Увидѣлъ крестъ животворящій
Изъ царской ставки Константинъ
И палъ предъ Господомъ, молящій,—
Смутились старые вожди,
Столпы языческаго міра...
Они, съ отчаяньемъ въ груди,
Встаютъ съ одра, встаютъ отъ пира,
Бѣгутъ къ царю, вопятъ: «О царь!
Ты губишь все, свою державу,
И государство, и алтарь,
И вѣчный Римъ, и предковъ славу!
Предъ кѣмъ ты палъ? вѣдь то рабы!
И ихъ ты слушаешь, владыко!
И утверждаешь царствъ судьбы
На ихъ ты проповѣди дикой!
Вѣрь прозорливости отцовъ!
Ихъ распинать и жечь ихъ надо!
Не медли, царь, скорѣй оковъ!
Безумна милость и пощада!..
Но не внималъ имъ Константинъ,
Видѣньемъ свыше озаренный,
И поднялъ стягъ своихъ дружинъ,
Крестомъ Господнимъ осѣненный.
Въ негодованьи цѣпь съ орломъ
Трибуны съ плечъ своихъ сорвали.
И шумно въ груды предъ царемъ
Свое оружье побросали —
И разошлися...
Побѣдилъ
Къ Христу прибѣгшій императоръ!
И предъ Распятымъ преклонилъ
Свои колѣна тріумфаторъ.
И повелѣлъ по городамъ
Съ сыновъ Христа снимать оковы,
И строить сталъ за храмомъ храмъ,
И словеса читать Христовы.
Трибуны старые въ домахъ
Сидѣли, злобно ожидая,
Какъ, потрясенная, во прахъ
Падетъ имперія родная.
Они сбирались въ древній храмъ
Со всѣхъ концовъ на годовщину
Молиться дѣдовскимъ богамъ,
Пророча гибель Константину.
Но время шло. Ихъ кругъ рѣдѣлъ,
И гасли старцы другъ за другомъ...
А надъ вселенной крестъ горѣлъ,
Какъ солнца лучъ надъ вешнимъ лугомъ.
Осталось двое только ихъ.
Храня обѣтъ, другъ другу данный,
Они во храмъ боговъ своихъ
Сошлися, розами вѣнчанны.
Заросъ и треснулъ старый храмъ;
Кумиръ поверженный валялся;
Изъ оконъ храма ихъ очамъ
Константинополь открывался:
Синѣлъ Эвксинъ, блестѣлъ Босфоръ;
Вздымались куполы цвѣтные;
Тамъ — на вселенскій шли соборъ
Ерархи, иноки святые;
Тамъ — колесницы, корабли...
Подъ твердью неба голубою
Сливался благовѣстъ вдали
Съ побѣдной воинской трубою...
Смотрѣли молча старики
На эту роскошь новой славы.

Полны завистливой тоски,
Стыдясь промолвить: «мы неправы».
Давно ужъ въ мірѣ безъ утѣхъ
Свой вѣкъ они влачили оба;
Давно смѣшна была для всѣхъ
Тупая, старческая злоба...
Они глядятъ — и ждетъ ихъ взоръ —
Эвксинъ на городъ не прорвется-ль?
Изъ-за морей нейдетъ-ли моръ?
Кругомъ земля не пошатнется-ль?
Глядятъ, не встанетъ-ли кумиръ...
Но Олимпіецъ, грудью въ прахѣ,
Лежитъ недвижимъ, нѣмъ и сиръ,
Какъ трупъ предъ палачомъ на плахѣ.
Проклятья самыя мертвы
У нихъ въ устахъ... лишь льются слезы,
И старцы съ дряхлой головы
Снимаютъ молча плющъ и розы...
Ушли... Распятіе въ пути
На перекресткѣ ихъ встрѣчаетъ...
Но нѣтъ! не поняли они,
Что Божій Сынъ и ихъ прощаетъ.
1857.

Дурочка.

Всѣмъ довольна я, старушка —
Бога нечего гнѣвить!
Миръ въ семьѣ; есть деревушка —
Хоть мала, да можно жить!
У меня — семья большая;
Дѣтки вкругъ насъ, стариковъ,
Словно роща молодая
Вкругъ дряхлѣющихъ дубковъ...
Но какъ въ ясномъ небѣ тучка —
Къ намъ одна напасть пришла:
Наша младшая-то внучка
Просто дурочка была;
Вовсе здраваго понятья
Не имѣла; что ни дай
Ей — хоть шелковое платье —
Вмигъ все въ пятнахъ, хоть бросай!
Благородныя дѣвицы
Къ намъ пріѣдутъ. «Да поди!
Говорю: — тамъ всѣ сестрицы;
Только такъ хоть посиди!»
— «Нѣтъ ужъ, бабушка, мнѣ съ ними
Дѣлать нечего!» — «Какъ такъ?»
— «Что мнѣ съ этакими злыми»...
И забьется на чердакъ.
Только встала — полетѣла!
Всю деревню обѣжитъ!..
Это — первое ей дѣло —
Все друзья вѣдь — просто стыдъ!
Свадьба-ль въ домѣ—все равно ей;
Посѣтитъ ли смерть кого,
Съ мертвецомъ въ одномъ покоѣ
Ляжетъ спать — и ничего!
Мать учить начнетъ, бывало,
Говоритъ, подъ-часъ и бьетъ —
Какъ къ стѣнѣ горохъ! ни мало,
То-есть, ухомъ не ведетъ.
Ну, ее за то-жъ и гнали;
Вѣчно съ нею воркотня;
На хлѣбъ, на воду сажали...
Баловала только я —
И она какъ будто чуетъ,
И ко мнѣ одной идетъ:
Обойму ее, цѣлуетъ,
Руки крѣпко, крѣпко жметъ,
Надорветъ мое сердечко...
«Охъ, ты, бѣдная моя,
Нелюбимая овечка,
Сиротинка у меня!
Какъ у васъ хватаетъ духу
Гнать бѣдняжку?» говорю;
Да не слушаютъ старуху,
Сколько я ихъ ни журю.
Ей одно лишь любо было —
Нянчить маленькихъ дѣтей;
Все имъ сказки говорила
Про русалокъ да князей.
Гдѣ слова тогда берутся!
И дрожитъ сама-то вся;
Дѣти такъ и разревутся,
И унять потомъ нельзя.
Въ снѣгъ — на улицу, и скачетъ!
А возьмутъ ее домой —
Въ уголъ спрячется и плачетъ...
Домъ ей словно какъ чужой.
Все бы въ лѣсъ! Весною хлѣба
Крупъ съ собою наберетъ,
Станетъ въ полѣ, смотритъ въ небо,
Журавлей къ себѣ зоветъ.
Мы видали, къ ней станицей
Птица всякая летитъ,

И она вѣдь съ каждой птицей
Особливо говоритъ...
Порча-ль тутъ была отъ дѣтства,
Или разумъ ужъ такой —
Всѣ мы пробовали средства,
Да махнули и рукой.
И жила она немного.
Видимъ, нѣтъ ужъ въ ней пути.
Что лѣчить тутъ? Противъ Бога
Человѣку не идти.
Докторовъ иныхъ бы нужно —
Повести бы по мощамъ...
Ну, да лѣтомъ недосужно —
Жатва, сѣвы — знаешь самъ!
Вотъ и вышло: лѣтомъ стала
Пропадать она по днямъ.
Спросимъ: «гдѣ ты пропадала?»
Вздоръ разсказываетъ намъ —
Что была она далеко,
Въ неизвѣстныхъ сторонахъ,
Гдѣ зимы нѣтъ, гдѣ высоко
Горы въ самыхъ небесахъ;
Что у моря тамъ зеленый
Вѣчно лѣсъ растетъ; что тамъ
Зрѣютъ желтые лимоны
По высокимъ деревамъ;
Что тамъ городъ есть великій,
Гдѣ рабы со всякихъ странъ;
Царь въ томъ городѣ предикій
И гонитель христіанъ;
Что онъ травитъ ихъ тамъ львами,
Чтобъ отъ вѣры отреклись;
Что ихъ кровь течетъ ручьями —
А они все не сдались.
Что тамъ чудные чертоги,
Разноцвѣтныхъ храмовъ рядъ,
Гдѣ все мраморные боги
Лѣтъ двѣ тысячи сидятъ;
Вавилонская царица
Тамъ какая-то жила,
И языческая жрица
Сожжена огнемъ была:
Да безумная невѣста...
Но всего не передать;
Есть ли гдѣ такое мѣсто,
Не могу тебѣ сказать...
Только видимъ — дѣвка бредитъ!
Увѣряетъ, что сама
Въ этотъ край совсѣмъ уѣдетъ,
Только вотъ прійдетъ зима.
Между тѣмъ прошла ужъ осень;
Дуня что-то все молчитъ;
Цѣлый день между двухъ сосенъ,
По дорогѣ въ лѣсъ, сидитъ.
Мать журила; запирали;
Да ничто неймется ей!
Разъ ушла она; мы ждали —
Нѣтъ. Ужъ поздно. Мы за ней
Разослали по сосѣдямъ —
Нѣтъ нигдѣ! Дней пять прошло;
Какъ-то съ сыномъ лѣсомъ ѣдемъ:
Снѣгъ въ лѣсу-то размело...
«Взглянь-ко,—говорю я:—Саша»,—
А сама-то вся дрожу:
«Что тамъ? ужъ не Дуня-ль наша?»
Такъ и есть, она!.. Гляжу —
Къ старой сосенкѣ прижалась,
На ручонки прилегла,
И, голубушка, казалось,
Крѣпкимъ сномъ она спала...
Я вотъ такъ тутъ и завыла!
Точно что̀ оторвалось
Отъ души-то... Горько было,
А могилку рыть пришлось...
Послѣ все ужъ мы узнали:
Къ намъ въ сосѣдство той весной
Графъ съ графиней пріѣзжали
Изъ чужихъ краевъ домой.
У графини, видишь, дѣтокъ
Былъ всего одинъ сынокъ;
Съ нашей былъ онъ однолѣтокъ —
Такъ, пятнадцатый годокъ.
Съ нимъ-то наша и сошлася,
Да, какъ глупое дитя,
Всякихъ толковъ набралася
Про заморскіе края.
И когда графиня снова
Поднялася въ свой вояжъ,
Никому не молвя слова,
Дуня вздумала туда-жъ!
Гдѣ же ей пройти лѣсами!
И большому мудрено,
Да зимой еще, снѣгами...
Такъ ужъ, видно, суждено!
Не жилось ей, знать, на свѣтѣ...
Богъ не долго жить даетъ
Юродивымъ: Божьи дѣти —
Прямо въ рай Онъ ихъ беретъ.
Безъ нея же запустѣнье
Стало вдругъ въ семьѣ моей;
И хотя соображенья
Вовсе не было у ней,

Хоть пути въ ней было мало,
И вся жизнь ея былъ бредъ,
Безъ нея-жъ замѣтно стало,
Что души-то въ домѣ нѣтъ...
1851.

* *
*

Весна! выставляется первая рама —
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.
Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и во-
лей;
Вонъ — даль голубая видна...
И хочется въ поле, въ широкое
поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна!
1854.

Весна.

Голубенькій, чистый
Подснѣжникъ-цвѣтокъ!
А подлѣ сквозистый,
Послѣдній снѣжокъ...
Послѣдніе слезы
О горѣ быломъ,
И первыя грезы
О счастьи иномъ...
1857.

Панъ.

Панъ—олицетвореніе природы; по-гречески Πᾶν значитъ: *все*.

Онъ спитъ, онъ спитъ
Великій Панъ!
Иди тихонько,
Не то разбудишь!
Полдневный жаръ
И сладкій духъ
Поспѣлыхъ травъ
Умаялъ бога —
Онъ спитъ и грезитъ,
И видитъ сны...
По темнымъ норамъ
Ушло звѣрье;
Въ травѣ недвижно
Лежитъ змѣя;
Молчатъ стада,
И даже лѣсъ,
Пѣвучій лѣсъ,
Утихъ, умолкъ...
Онъ спитъ, онъ спитъ,
Великій Панъ!..
Надъ нимъ кружитъ,
Жужжитъ, звенитъ,
Блеститъ, сверкаетъ
И вверхъ и внизъ
Блестящій рой
Жуковъ и пчелъ;
Серебрекрылыхъ
Голубокъ стая
Кругами рѣетъ
Надъ спящимъ богомъ;
А выше — строемъ
Иль острымъ клиномъ,
Подобно войску,
Черезъ все небо
Перелетаетъ
Полкъ журавлей;
Еще же выше,
На горнемъ небѣ,
Въ густой лазури,
Незримой стражи
Чуть слышенъ голосъ...
Всѣ словно бога
Оберегаютъ
Глубокій сонъ —
Чудесный сонъ —
Когда предъ нимъ
Разверзлось небо,
Онъ зритъ боговъ
Своихъ собратій;
И, какъ цвѣты,
Рои видѣній
Съ улыбкой сыплютъ
Къ нему съ Олимпа
Богини-сестры...
Онъ спитъ, онъ спитъ,
Великій Панъ!
Иди тихонько,
Мое дитя,
Не то проснется...
Иль лучше сядемъ
Въ травѣ густой,
И будемъ слушать, —
Какъ спитъ онъ — слушать,
Какъ дышитъ — слушать;

Къ намъ тоже тихо
Начнутъ слетать
Изъ самой выси
Святыхъ небесъ
Такіе-жъ сны,
Какими грезитъ
Великій Панъ, —
Великій Панъ...
1870.

Картинка.

(Послѣ манифеста 19 февраля 1861 г.).

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;
И съ трудомъ отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.
Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.
Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ дѣдъ.
Что-жъ такъ слушаютъ малютку, —
Аль ужъ такъ умна?..
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.
И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.
Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей,
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...
Вспыхнетъ, братья, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!
Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.
Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!
Воля, братья, — это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

Поля.

Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ;
Порой для взора нѣтъ границъ...
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стаи птицъ...
Я ѣду день, я ѣду два —
И все поля кругомъ, поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
А тамъ поля, опять поля...
Порой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я...
Но гдѣ-же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень...
Не вѣрится такой глуши!
Хотя-бы встрѣча въ цѣлый день!
Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ...
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ...
Вотъ наконецъ бредетъ старикъ...
Остановился, шляпу снялъ,
Бормочетъ что-то... «Стой, ямщикъ!
Эй, дядя! съ чѣмъ Господъ послалъ?»
— «Осмѣлюсь, баринъ, попросить —
Не подвезете-ль старика?»
— Садись! Зачѣмъ не услужить!
Услуга-жъ такъ не велика!
«Садись!» — «Я здѣсь, на облучокъ»...
— «Да мѣсто есть: садись рядкомъ!»
Но тутъ ужъ взять никто-бъ не могъ:
Старикъ уперся на своемъ;
Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
И къ обращенію привыкъ,

И знаетъ свѣтъ, иначе-бъ былъ
Необразованный мужикъ!»
У старика былъ хмурый видъ,
Цвѣтисто-вычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно, но обритъ
И бакенбардъ висѣлъ до плечъ.
— «Я былъ дворовый человѣкъ —
Онъ говорилъ — у князя Б.!
Да вотъ пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ! самъ ужъ по себѣ!»
— «И слава Богу!» — «Какъ кому!
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
А по понятью моему,
Отъ всей ихъ воли — толку нѣтъ!
Еще я нонѣшнихъ князей,
Выходитъ, дѣдушкѣ служилъ...
Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ!
Да вотъ, настали времена!
Теперь иди, хоть волкомъ вой!
Стара собака, не годна,
Ѣстъ даромъ хлѣбъ, — такъ съ глазъ долой!
Еще скажу: добры князья!
— Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю, молъ, — такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ! —
Жаль ихъ самихъ!» — И тутъ старикъ
Повелъ разсказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалитъ мужикъ,
Заброшенъ сахарный заводъ,
Слѣда ужъ нѣтъ оранжерей,
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И карусели, и сады —
Все въ запущеньи, все гніетъ...
Усадьба — прежде городокъ
Была! Вездѣ присмотръ! народъ!
И пей и ѣшь! Все было въ прокъ!
«Да, вспомянешь про старину! —
Онъ заключилъ: — былъ складъ да ладъ!
О, ну ихъ съ волей! право, ну!
Да что она? одинъ развратъ!»
«Одинъ развратъ!» онъ повторялъ...
Отжившій міръ въ его лицѣ,
Казалось, силы напрягалъ,
Какъ пламя, вспыхнуть при концѣ...
«Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ, —
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика: — спросите ихъ,
Куда глядятъ? чего хотятъ?»
Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ втупикъ:
Никакъ желанное словцо
Не попадало на языкъ...
«Чего?..» онъ началъ было вслухъ...
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свистнетъ во весь духъ, —
И тройка ринулась впередъ!
Впередъ — въ пространство безъ конца!
Впередъ — не внемля ничему!
То былъ отвѣтъ-ли молодца,
И кони-ль вторили ему, —
Но мы неслись, какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ-бы мучителей-бѣсовъ
Погоню слыша за собой...
Неслись... а вкругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ...
Неслись... «Куда-жъ те дьяволъ мчитъ!»
Вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летитъ, лишь вдаль глядитъ,
А даль-то, даль — какъ широка!..
1862.

Бабушка и внучекъ.

Въ святцахъ у бабушки разъ
Внучекъ цвѣтокъ увидалъ;
— «Тутъ сувенирчикъ у васъ, —
Онъ улыбаясь сказалъ, —
Что, если-бъ онъ говорилъ?
Можетъ быть цѣлый романъ
Мнѣ-бы теперь онъ открылъ...
Былъ-бы и мужъ тамъ тиранъ,
Ночь, соловей и луна,
Быстрый свиданія часъ...
Было — и въ тѣ времена —
Много, чай, всякихъ проказъ?..»
— «Грѣхъ надъ старухой шутить...—
Бабушка внучку въ отвѣтъ, —
Кто-жъ бы еще подарить
Могъ мнѣ его, какъ не дѣдъ?»
— «Дѣдушкинъ это цвѣтокъ? —

Внучекъ опять: — признаюсь,
Вотъ угадать-бы не могъ!
Дѣдушка! этакой тузъ!»
— «Молодъ покойничекъ былъ!..
Ну, да и я-то тогда...
Въ мысляхъ-то вѣтеръ бродилъ!..
Тоже была молода...
Ѣздили разъ мы весной,
Въ раннiй уловъ стерлядей,
Къ мельницѣ нашей лѣсной,
Батюшка... много гостей...
Я и стою на мосту;
Вкругъ молодежь мнѣ поетъ
Все про мою красоту:
Что тутъ на умъ не взбредетъ?
Мельница такъ и дрожитъ;
Омутъ-то въ пѣнныхъ буграхъ
Ходенемъ ходитъ, кипитъ,
Такъ что и вспомнить-то страхъ!
Въ воду и кинь я цвѣтокъ!
— Кто, говорю я, спрыгнетъ
Съ мосту отсюда въ потокъ
И мой цвѣтокъ принесетъ,
Тотъ мнѣ и есть кавалеръ! —
Всѣ засмѣялись вокругъ;
Только одинъ офицеръ
Съ мосту-то прямо и — бухъ!
Я обомлѣла. Народъ
Бросился къ лодкамъ, къ рѣкѣ...
Только глядимъ — онъ плыветъ,
Держитъ цвѣтокъ мой въ рукѣ...
Мнѣ подаетъ: я готовъ
Жизнь, молъ, за васъ положить!..
Вотъ молодецъ былъ каковъ!
Да, не любилъ онъ шутить!
Дѣдушку я твоего
Тутъ и узнала тогда...
Такъ и пошла за него...
Былъ человѣкъ это!.. Да!..
Стараго вѣка кремень!
Баринъ онъ былъ матерой!
Селъ что имѣлъ, деревень!
Видный, красавецъ собой,
Соколомъ яснымъ ходилъ!
Первымъ вездѣ былъ лицомъ!
Что онъ народу кормилъ!
Ну, да и самъ жилъ царемъ...
Въ гости-ль меня вывозилъ —
Въ золото, жемчугъ, атласъ,
Словно царицу рядилъ,
Словно какъ везъ на показъ!
Сѣрый лихой шестерикъ
Держатъ едва подъ-уздцы...
Кучеръ былъ сила-мужикъ!
И гайдуки молодцы!
И, какъ жила я за нимъ,
Тронуть меня ужъ не смѣй
Кто хоть-бы словомъ худымъ:
Со свѣту сгонитъ — ей-ей!
Да, это былъ человѣкъ!.
Нынче — не тотъ ужъ и вѣкъ!
Нынче и родъ ужъ не тотъ!
Мелкiй пошелъ все народъ!..
— «Бабушка! внучекъ прервалъ,
Я отъ самихъ стариковъ
Часто про дѣда слыхалъ:
Онъ не совсѣмъ былъ таковъ!
Былъ онъ — надменный богачъ!
Жилъ — азiатскимъ пашой:
Самъ и судья, и палачъ,
Ночью ѣзжалъ на разбой;
И въ душегубствѣ не разъ
Былъ по суду обвиненъ...
Правда, въ то время у насъ
Знатному что̀ былъ законъ!
Пьянство и ночью и днемъ!
Въ домѣ жилъ цѣлый гаремъ!
Вы же — всю жизнь подъ замкомъ
Въ страхѣ дрожали межъ тѣмъ.
Васъ-то онъ будто любилъ!
Боже мой! онъ какъ злодѣй
Вашу всю жизнь загубилъ,
Васъ загубилъ и дѣтей!
Мѣсяцъ иль два присмирѣвъ,
Первой-то страстной порой,
Ласковъ былъ съ вами, какъ левъ
Съ львицей своей молодой!
Ну, а какъ душу отвелъ...
Бабушка! сердце во мнѣ
Рвется при мысли — что̀ золъ
Вынесли вы-то однѣ!
Вѣрьте, люблю я, какъ мать,
Васъ за страдальный вашъ вѣкъ...
Что-жъ отъ меня вамъ скрывать!
Дѣдъ былъ — дурной человѣкъ!..»
Бабка трясетъ головой,
Шепчетъ на рѣчи его:
«Что говорить мнѣ съ тобой!
Ты не поймешь ничего!»
Вяжетъ старушка чулокъ,
Вяжетъ чулокъ и молчитъ,
И на засохшiй цвѣтокъ

Нѣжно порою глядитъ...
Смотритъ на бабушку внукъ...
Онъ изумленъ, что у ней
Слезы закапали вдругъ
Тихо изъ тусклыхъ очей...
Въ жизни дитя — не умѣлъ
Сердце еще онъ понять!
Онъ испытать не успѣлъ,
Какъ оно можетъ прощать!
Какъ изъ-за прошлыхъ скорбей,
Ихъ разгоняя, что тьму,
Сладкій лишь мигъ все яснѣй
Издали свѣтитъ ему;
И, какъ святой идеалъ,
Образъ рисуетъ того,
Кто это сердце терзалъ,
Кто такъ измучилъ его!..
1857.

ТРИ СМЕРТИ.

ЛИРИЧЕСКАЯ ДРАМА.

Поэтъ Луканъ, философъ Сенека и эпикуреецъ Люцій приговорены Нерономъ къ казни, по поводу Пизонова заговора.

Комната въ античномъ вкусѣ; посрединѣ столъ съ яствами; около него Люцій, эпикуреецъ, одинъ, какъ слѣдуетъ, возлежитъ за обѣдомъ; Сенека пишетъ завѣщаніе; Луканъ въ глубокой задумчивости. Въ углубленіи сцены группа друзей и учениковъ Сенеки.

ЛЮЦІЙ

(омывъ послѣ ѣды руки водою въ чашѣ, поданной рабомъ, говоритъ).

Мудрецъ отличенъ отъ глупца
Тѣмъ, что онъ мыслитъ до конца,
И вотъ — я долго наблюдаю
И нахожу, что смерть разитъ
Всего скорѣе аппетитъ.
Я цѣлый часъ жую, глотаю,
Но все безъ вкуса — и не сытъ!..
Вина попробуемъ! Быть можетъ,
Живая Вакхова струя
Желудокъ дремлющій встревожитъ...
Ну, кто-же пьетъ со мной, друзья?
Луканъ!.. Да ты какъ въ лихорадкѣ!
Въ Сенекѣ строгій стоицизмъ
Давно разрушилъ организмъ!
И если вы въ такомъ упадкѣ —
Не мудрено, что въ этотъ часъ
Мой здравый разумъ бѣситъ васъ!

ЛУКАНЪ.

Въ часъ смерти шутки неприличны!

ЛЮЦІЙ.

Но лучше умереть шутя,
Чѣмъ плакать, рваться, какъ дитя,
Безъ пользы!

ЛУКАНЪ.

Мнѣнія различны!
Кто жизнь обжорству посвятилъ,
Тотъ потеряетъ въ ней немного!

ЛЮЦІЙ.

Э, милый, не суди такъ строго!
Я, признаюсь, еще-бъ пожилъ,
И неохотно умираю...
Но, чтобы съ честью этотъ шагъ
Свершить — въ твоихъ, мой другъ, стихахъ
Себѣ отваги почерпаю.
«Посланье къ смерти» помнишь ты?
Въ немъ есть высокія черты!
Съ скелета смерти снялъ ты смѣло
Земной фантазіи цвѣты...
Ты помнишь:

(Декламируетъ).

«Друзья! Намъ смерть страшна лишь чѣмъ?
Все кажется, что не совсѣмъ,
Не разомъ мы умремъ,
Что будемъ видѣть мы свой трупъ,
Улыбку неподвижныхъ губъ,
Глаза съ тупымъ зрачкомъ;
А мухи, стаей по лицу,
Безъ уваженья къ мертвецу,
И по лбу поползутъ;
И съ содроганьемъ отъ тебя
Родные, близкіе, друзья
Въ испугѣ отойдутъ»...

ЛУКАНЪ.

Ужасный образъ! Какъ я могъ!..

ЛЮЦІЙ.

Позволь! Въ концѣ — благой урокъ.

(Читаетъ далѣе).

«Что даже изъ земли сырой
За рѣзвой жизнію земной
Слѣдить твой будетъ слухъ;
И между тѣмъ, какъ надъ тобой
Весна покровъ разстелетъ свой,
И запестрѣетъ лугъ, —
Червь на тебя ужъ нападетъ
И жадно ѣсть тебѣ начнетъ
И щеки, и бока»...

ЛУКАНЪ *(перебивая его)*

Да перестань!

ЛЮЦІЙ *(продолжаетъ)*.

«И будешь вѣчно рваться ты
На свѣтъ изъ душной темноты —
Да крышка-то крѣпка!
Но, смертный, знай! Твой тщетенъ страхъ,
Вѣдь на твоихъ похоронахъ
Не будешь зритель ты!
Вѣдь вмѣстѣ съ дружеской толпой
Не будешь плакать надъ собой
И класть на гробъ цвѣты;
По смерти сталъ ты внѣ тревогъ;
Ты сталъ загадкою, какъ богъ,
И вдругъ душа твоя,
Какъ радость, встрѣтила покой,
Какого въ жизни нѣтъ земной —
Покой небытія!»
Вѣдь превосходно! Эпиктетомъ
Проникнутъ живо каждый стихъ!
Прошу покорно — вѣрь поэтамъ!
Мечты и вѣрованья ихъ
Подвижнѣй тучекъ золотыхъ!..
Вы всѣ на колоколъ похожи,
Въ который можетъ зазвонить
На площади любой прохожій!
То смерть зоветъ, то хочетъ жить,
То снова къ жизни равнодушенъ...
Задача, право, васъ понять!..

ЛУКАНЪ *(вспыхнувъ)*.

Что-жъ этимъ хочешь ты сказать?
Что вѣтренъ я и малодушенъ?..

СЕНЕКА.

Оставьте споръ! Прилично-ль вамъ
Безумнымъ посвящать рѣчамъ
Свои послѣднія мгновенья!
Смерть — шагъ великій!
(Къ Люцію).
Вѣрь, мой другъ,
Есть смыслъ въ Платоновомъ ученьѣ —
Что это мигъ перерожденья.
Пусть здѣсь убьетъ меня недугъ —
Но, какъ мерцаніе Авроры,
Какъ лилій чистый ѳиміамъ,
Какъ лиръ торжественные хоры,
Иная жизнь насъ встрѣтитъ — тамъ!
Въ душѣ, за симъ земнымъ предѣломъ,
Проснутся, выглянутъ на свѣтъ
Иныя чувства, роемъ цѣлымъ,
Которымъ органа здѣсь нѣтъ.
Мы — боги, скованные тѣломъ,
И въ этотъ дивный переломъ,
Когда я покидаю землю,
Я прежній образъ свой пріемлю,
Вступая въ небо — божествомъ!

ЛЮЦІЙ.

Я спорить не хочу, Сенека!
Но отчего такъ созданъ свѣтъ,
Что гдѣ хоть два есть человѣка —
И два есть взгляда на предметъ?
Твое, какъ молотъ, сильно слово —
Но убѣждаюсь я въ иномъ...
Существованія другого
Не постигаю я умомъ!
Взгляни на лавры вѣковые —
Ихъ листья, каждый въ свой чередъ,
Перемѣняются что годъ —
Одни спадутъ, взойдутъ другіе,
А лавръ все зеленъ, вѣчно свѣжъ,
И листья будто вѣчно тѣ-жъ...
Вотъ такъ и мы— Луканъ, Сенека,
Слуга покорный вашъ — умретъ...
Отпадшій листъ! Но заживетъ,
Какъ прежде, племя человѣка!
Иной появится пѣвецъ,
Другіе будутъ жить и вздорить,
Страдать, любить, о томъ-же спорить,
О чемъ и мы съ тобой, мудрецъ!..
Но пусть по смерти жить мы будемъ!
(Тебѣ готовъ я уступить!)
А все себя мы не принудимъ
Безъ сожалѣнья кончить жить!
Намъ непріятна перемѣна.
Вотъ что мнѣ кто-то говорилъ:
На островѣ какомъ-то жилъ
Философъ секты Діогена.

Онъ въ бѣдномъ рубищѣ ходилъ,
Спалъ, гдѣ пришлось прилечь къ сараю,
Босой, съ клюкой, нужда кругомъ....
Какимъ ужъ случаемъ, не знаю,
Всему вдругъ вздумалося краю
Его избрать своимъ царемъ.
Что-жъ? Царскій пурпуръ одѣвая
И тряпки ветхія скидая,
О нихъ вздохнулъ онъ тяжело,
И пожалѣлъ удѣлъ убогій,
Сказавъ: вѣдь было-же тепло
Подъ сей циническою тогой!
Не то-же-ль съ жизнію земной?
Достигши вѣчнаго предѣла,
Жалѣешь бросить это тѣло —
Покровъ убогій и худой!
Ты говоришь, что мы одною
Съ богами жизнью заживемъ?
Да лучше-ль намъ? Ну, какъ порою,
Смотря, какъ мы свой вѣкъ ведемъ,
Богини съ грозными богами,
Какъ волки, щелкаютъ зубами!
Смотря, какъ смертный ѣстъ и пьетъ,
И съ смертной тѣшится любезной,
Они, быть можетъ, безполезно
Крѣпясь, облизываютъ ротъ!
Что мнѣ въ ихъ жизни безъ волненій?
Мірами что-ли управлять?
Въ нихъ декораціи мѣнять,
И вмѣсто всякихъ развлеченій,
Людьми, какъ шашками, играть,
И какъ актерами плохими,
Отнюдь не увлекаться ими,
Ни скучной пьесой!.. Нѣтъ! Клянусь,
Я въ боги вовсе не гожусь...

ЛУКАНЪ.

Нѣтъ! Не страшатъ меня загадки
Того, что будетъ впереди!
Жаль бросить славныхъ дѣлъ начатки,
И все, что билося въ груди,
Что было мнѣ всего дороже,
Чему всю жизнь я посвятилъ!
Мнѣ страшно думать — для чего-же
Во мнѣ кипѣло столько силъ?
Зачѣмъ-же сила эта крѣпла,
Росла, стремилась къ торжествамъ!
Титанъ, грозившій небесамъ,
Ужели станетъ горстью пепла!
Не можетъ быть! Гдѣ-жъ смыслъ въ богахъ?
Гдѣ высшій разумъ? Провидѣнье?
Вдругъ человѣка взять въ лѣсахъ,
Возвысить въ мірѣ, дать значенье,
И вдругъ — разбить безъ сожалѣнья,
Какъ форму глиняную въ прахъ!..
Ужели съ даромъ пѣсенъ лира
Была случайно мнѣ дана?
Нѣтъ, въ ней была заключена
Одна изъ силъ разумныхъ міра!
Народовъ мысли — образъ дать,
Ихъ чувству — слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое —
Вотъ мой удѣлъ! Вотъ власть моя!
Когда для правды безпріютной,
Въ сердцахъ людей мелькавшей смутно,
Скую изъ слова образъ я,
И тутъ враговъ слѣпая стая
Его подхватитъ, злясь и лая,
Какъ псы обглоданную кость, —
Все, что отвергнуто толпою,
Все веселилося со мною,
Смотря на жалкую ихъ злость!..
А злоба мрачныхъ изувѣровъ,
Ханжей, фигляровъ, лицемѣровъ,
Съ которыхъ маски я сбивалъ?
Дитя — ихъ мучилъ и пугалъ!
Столповъ отечества заставить
Я могъ капризамъ льстить моимъ —
Тѣмъ, что я ихъ стихомъ однимъ
Могъ вознести иль обезславить!
Съ Нерономъ спорить я дерзалъ —
А кто-же спорить могъ съ Нерономъ!
Онъ ногти грызъ, онъ двигалъ трономъ,
Когда я вслѣдъ за нимъ читалъ
И въ залѣ шопотъ пробѣгалъ...
Что-жъ? Не былъ я его сильнѣе,
Когда, не властвуя собой,
Онъ опрокинулъ тронъ ногой
И вышелъ — полотна бѣлѣе?
Вотъ жизнь моя! И что-жъ? Ужель
Вдругъ умереть? И это цѣль
Трудовъ, великихъ начинаній!..
Побѣдный лавръ, вѣнецъ желаній!..
О, боги, нѣтъ! Не можетъ быть!
Нѣтъ, жить, я чувствую, я буду!
Хоть чудомъ — о, я вѣрю чуду!
Но долженъ я и — буду жить!

(Входитъ центуріонъ со свиткомъ въ рукѣ).

ЛЮЦІЙ

(указывая на центуріона).

Вотъ и спаситель! Ну, покуда
Тутъ нѣтъ еще большого чуда!
(Къ центуріону).
Какія новости?

ЦЕНТУРІОНЪ

(подавая ему свитокъ).

Декретъ
Сената.

ЛЮЦІЙ.

Други! шлетъ привѣтъ
Сенатъ къ намъ! Уваженье къ власти!

ЛУКАНЪ.

Читай!

ЛЮЦІЙ.

Стой! кто рѣшитъ впередъ —
Жизнь или смерть? закладъ идетъ?

ЛУКАНЪ.

Я-бъ разорвалъ тебя на части
За эти шутки!
(Вырываетъ свитокъ и читаетъ декретъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что Цезарь, въ неизреченной милости своей, избавляетъ ихъ отъ позорной казни, даруетъ имъ право выбрать родъ смерти и самимъ лишить себя жизни; сроку до полуночи. Центуріонъ обязанъ наблюсти за исполненіемъ декрета и о послѣдующемъ донести).

ЛЮЦІЙ.

Не дуренъ слогъ. Писать умѣютъ.

ЛУКАНЪ.

Злодѣи! изверги!

ЛЮЦІЙ.

Притомъ
Приличье тонко разумѣютъ —
Что одолжаться палачомъ
...городно человѣку...
(Къ центуріону).
Но что ты смотришь на Сенеку?

ЛУКАНЪ.

Ты тронутъ! ты потупилъ взглядъ!
Въ твоемъ лицѣ слѣды смущенья!
О, вѣрь мнѣ, то боговъ внушенье!
Спаси намъ жизнь! благословятъ
Тебя народы! Предъ тобою
Мудрецъ съ маститой сѣдиною —
Онъ чистъ, какъ дѣва, какъ Сократъ!

ЦЕНТУРІОНЪ.

Мой долгъ...

ЛУКАНЪ.

Твой долгъ! а жить безъ славы!
Для дикой прихоти губя
Людей, отечество, себя,
Прожить слѣпцомъ въ грязи кровавой!
О, если долгъ въ твоей груди
Не все убилъ, то — отведи
Меня въ Сенатъ! Какъ съ поля битвы
Предъ смертью ратнику, сказать
Дай мнѣ послѣднія молитвы!
Дай мнѣ предъ смертью завѣщать
Безъ лжи, передъ лицомъ вселенной,
Все, что привыкъ я неизмѣнной,
Святою истиной считать!
(Центуріонъ, не обращая вниманія на Лукана, удаляется въ глубину комнаты. Луканъ продолжаетъ въ сильномъ волненіи).
Я имъ скажу — въ нихъ чести нѣтъ!
Въ нихъ умъ какой-то мглой одѣтъ!
Для нихъ отечество и слава —
Рѣчей напыщенныхъ приправа!
Величіе народа въ томъ,
Что носитъ въ сердцѣ онъ своемъ;
Убивъ въ немъ доблести величье,
Заставивъ въ играхъ и пирахъ
Забыть добра и зла различье,
Въ сердца вселяя только страхъ,
Отъ правды казнью ограждаясь,
И предъ рабами величаясь,
Они мечтаютъ навсегда
Избѣгнуть кары и суда...
Я имъ скажу — готовятъ сами

Свой приговоръ себѣ они!
Что упоенные льстецами
И мысля въ мірѣ жить одни,
Себѣ статуи воздвигаютъ,
Какъ божества, на площадяхъ...
Но вѣкъ ихъ минетъ: разломаютъ,
Съ проклятіемъ растопчутъ въ прахъ
Отцовъ статуи ихъ-же дѣти!
Дѣтей проклятій рядъ столѣтій
Не сниметъ съ головы отцовъ...

СЕНЕКА.

Луканъ! оставь, оставь слѣпцовъ!

ЛЮЦІЙ.

Пришла-жъ охота на циклоповъ,
На двуутробокъ и сорокъ
Взглянуть предъ смертью! взять урокъ
У нихъ дилеммъ, фигуръ и троповъ!

ЛУКАНЪ.

Но какъ безъ боя все отдать!..
Хотя-бъ къ народу мнѣ воззвать!
Пѣвецъ у Рима умираетъ!
Сенека гибнетъ! и народъ
Молчитъ!.. Но нѣтъ, народъ не знаетъ!
Народу милъ и дорогъ тотъ,
Кто спать въ немъ мысли не даетъ!

ЛЮЦІЙ.

Да, милъ какъ бабочка ночная,
Покуда крыльевъ не ожжетъ,
Черезъ огонь перелетая...
Народъ твой первый-же потомъ
И назоветъ тебя глупцомъ.

ЛУКАНЪ

(закрывъ лицо руками).

Но Цезарь!.. мы вѣдь съ нимъ когда-то
Росли, играли, какъ два брата!
Онъ вспомнитъ время дѣтскихъ игръ,
И приговоръ свой остановитъ...
Въ немъ сердце есть... вѣдь онъ не тигръ...
Римъ часто по-пусту злословитъ...
Что я ему, мои мечты
Да пѣсни — всѣ мои заботы!..

ЛЮЦІЙ.

Мой бѣдный мальчикъ, съ жизнью счеты
Еще не кончилъ видно ты!
(Одинъ изъ учениковъ Сенеки входитъ въ комнату. Съ нимъ рабъ. Онъ говоритъ шопотомъ).

УЧЕНИКЪ.

Друзья, — чуръ тише — я съ надеждой!

ЛУКАНЪ.

Прощенье?..

УЧЕНИКЪ.

Въ домѣ выходъ есть;
Со мной двѣ женскія одежды.
Пробраться къ Тибру, въ лодку сѣсть,
И въ Остію! бѣги съ Луканомъ,
А я останусь здѣсь съ рабомъ.
Луканъ съ нимъ сходенъ видомъ, станомъ,
Я сѣдъ, гляжу ужъ старикомъ...
Бѣгите! время есть до срока.
И вы ужъ будете далеко,
Какъ насъ найдутъ здѣсь поутру.

ЛУКАНЪ.

Я говорилъ, что не умру!

СЕНЕКА.

Бѣги, Луканъ! Мнѣ съ сѣдиною
Нейдетъ ужъ бѣгать отъ враговъ.

ЛЮЦІЙ.

А жаль! Я-бъ посмотрѣлъ, каковъ
Ты въ юбкѣ!..

УЧЕНИКЪ.

Гибель предъ тобою!
Смерть въ каждомъ домѣ! Цѣлый Римъ —
Что циркъ. Людей травятъ звѣрями.
Постумъ убитъ рабомъ своимъ;
Пизонъ вскрылъ жилы. Подъ досками
Раздавленъ Кай. Чего жъ вамъ ждать?

СЕНЕКА.

Мой другъ, не дважды умирать!
Разъ — это праздникъ!

УЧЕНИКЪ.

Но съ тобою
Погибнетъ все! ты много намъ
Не досказалъ!

СЕНЕКА.

Найдешь и самъ
Все, что осталося за мною, —
Лишь мысли, истину любя.

ЛУКАНЪ.

Учитель! я молю тебя!

УЧЕНИКЪ.

Вѣдь ты послѣдняя лампада
Во мракѣ лжи!

СЕНЕКА.

Оставь меня.
Ни просьбъ, ни лести мнѣ не надо.
Вѣрь, каждый шагъ свой — знаю я!

УЧЕНИКЪ.

Я это зналъ... я зналъ тебя!
О, горе! что-же будетъ съ нами!
Жить въ мракѣ, плача и скорбя,
Что свѣтъ мелькнулъ передъ глазами
И скрылся!.. Ты душой высокъ!
Ты недоступенъ намъ, Сенека!
Ахъ! правда! въ сердцѣ человѣка
Есть нѣчто высшее, есть Богъ!..
Сейчасъ я видѣлъ — и смущеньемъ
Я пораженъ, какъ мальчикъ, былъ...
Я черезъ форумъ проходилъ.
Съ какимъ-то дикимъ изумленьемъ
Народъ носилки окружилъ.
Въ носилкахъ трупъ Эпихариды...
(Подъ видомъ праздниковъ Киприды
Пизонъ друзей сбиралъ къ ней въ
домъ).
Вчера она, подъ колесомъ,
Въ жестокихъ мукахъ, не винилась
И никого не предала!..
Трещали кости, кровь текла...
Въ носилкахъ петлю изловчилась
Связать платкомъ — и удавилась.
Воскликнулъ самъ центуріонъ:
«Въ рабынь вселился духъ Катоновъ!»
А Римъ? Сенатъ? весь обращенъ
Иль въ палачей, или въ шпіоновъ!

ЛУКАНЪ.

Эпихарида!

УЧЕНИКЪ.

Да, она —
Душа безумныхъ сатурналій!

ЛУКАНЪ.

И ты хотѣлъ, чтобъ мы бѣжали!

ЛЮЦІЙ.

Бываютъ точно времена
Совсѣмъ особеннаго свойства.
Себя не трудно умертвить,
Но жизнь понявъ, остаться жить —
Клянусь, не малое геройство!

ЛУКАНЪ.

И смерть въ рукахъ ея была
Для цѣлой половины Рима —
И никого не предала!
А жить-бы въ золотѣ могла!
На площадяхъ боготворима
Въ мѣди-бъ и въ мраморѣ была,
Какъ мать отечества!.. О, боги!
Сенека! и взглянуть стыжусь
На образъ твой, какъ совѣсть, строгій!
Да развѣ могъ я жить, какъ трусъ!
Нѣтъ, нѣтъ! Клянусь, меня не станутъ
Геройствомъ женщинъ упрекать!
Послѣднихъ римлянъ въ насъ помянутъ!
Ну, Римъ, тебѣ волчица — мать
Была! я вѣрю... въ сказкѣ древней
Есть правда... Ликторъ! я готовъ...
Я здѣсь чужой въ гнилой харчевнѣ
Убійцъ наемныхъ и воровъ!
Смерть тяжела лишь для рабовъ!
Намъ — въ ней тріумфъ.
(Обнимаетъ Сенеку и друзей и говоритъ, поднявъ глаза къ небу).

О, боги! боги!
Вы обнажили предо мной
Видѣнья древности сѣдой
И Олимпійскіе чертоги —
Затѣмъ, чтобъ стихъ могучій мой
Ихъ смертнымъ былъ провозвѣщатель!..
Теперь стою я, какъ ваятель
Въ своей великой мастерской.
Передо мной — какъ исполины
Недовершенныя мечты!
Какъ мраморъ, ждутъ онѣ единой
Для жизни творческой черты...
Простите-жъ, пышныя мечтанья!
Осуществить я васъ не могъ!..
О, умираю я, какъ богъ
Средь начатого мірозданья!
(Луканъ, обнявъ Сенеку и Люція, уходитъ, сопровождаемый ликторами).

СЕНЕКА

(хочетъ за нимъ слѣдовать, но останавливается на движеніи бросившихся къ нему учениковъ и, проводя рукою по челу, говоритъ тихо и торжественно).

Одну имѣлъ я въ жизни цѣль,
И къ ней я шелъ тропой тяжелой,
Вся жизнь моя была досель
Нравоучительною школой;
И смерть есть новый въ ней урокъ,
Есть буква новая, средь вѣчной
И дивной азбуки, залогъ
Науки высшей, безконечной!
Творецъ мнѣ разумъ строгій далъ,
Чтобъ я вселенную извѣдалъ,
И что въ себѣ и въ ней позналъ, —
Въ науку-бъ позднимъ внукамъ предалъ;
Послалъ онъ въ встрѣчу злобу мнѣ,
Развратъ чудовищный и гнусный,
Чтобъ я, какъ дубъ на вышинѣ,
Средь бурь, окрѣпъ въ борьбѣ искусной,
Чтобъ въ массѣ подвиговъ и дѣлъ
Я образъ свой напечатлѣлъ...
Я все свершилъ. Мой образъ вылитъ.
Еще рѣзца послѣдній взмахъ —
И гордо встанетъ онъ въ вѣкахъ.
Рѣзецъ не дрогнетъ. Не осилитъ
Мнѣ руку страхъ. Здѣсь путь свершенъ, —
Но духъ мой, жизнію земною
Усовершенъ и умудренъ,
Вступаетъ въ вѣчность... Предо мною
Открыта дверь — и вижу я
Зарю иного бытія...
(Друзья съ воплями обнимаютъ колѣна философа. Смотря на нихъ, онъ продолжаетъ).

Жизнь хороша, когда мы въ мірѣ
Необходимое звено,
Со всѣмъ живущимъ заодно;
Когда не лишній я на пирѣ;
Когда, идя съ народомъ въ храмъ,
Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ...
Когда-жъ толпа, съ тобою розно,
Себѣ воздвигнувъ божество,
Слѣдитъ съ какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего;
Когда указываетъ пальцемъ,
Тебя завидѣвъ далеко, —
О, жить отверженнымъ скитальцемъ,
Друзья, повѣрьте, нелегко:
Остатки лучшихъ поколѣній,
Съ ихъ древней доблестью въ груди,
Проходимъ мертвые, какъ тѣни,
Мы какъ шуты на площади!
И незамѣтно вѣтеръ крѣпкій
Потопитъ насъ среди зыбей,
Какъ обезсмысленныя щепки
Побѣдоносныхъ кораблей...
Нашъ вѣкъ прошелъ. Пора намъ, братья!
Иные люди въ міръ пришли:
Иныя чувства и понятья
Они съ собою принесли...
Быть можетъ, вѣруя упорно
Въ преданья юности своей,
Мы леденимъ, какъ вихрь тлетворной,
Жизнь обновленную людей.
Быть можетъ.... истина не съ нами!
Нашъ умъ ея уже пойметъ,
И ослабѣвшими очами
Глядитъ назадъ, а не впередъ,
И свѣта истины не видитъ,
И вопіетъ: «спасенья нѣтъ!»
И, можетъ быть, иной пріидетъ
И скажетъ людямъ: «вотъ гдѣ свѣтъ!»
Нѣтъ! намъ пора!.. Открой мнѣ жилы!..
О, величайшее изъ благъ —

Смерть! ты теперь въ моихъ рукахъ!..
Сократъ! учитель мой, другъ милый!
Къ тебѣ иду!..
(Уходитъ сопровождаемый учениками).

ЛЮЦІЙ.

Ты кончилъ хорошо, Сенека!
И славно выдержалъ!.. Ну, вотъ —
Героемъ меньше!.. Злость беретъ,
Какъ поглядишь на человѣка!
Что-жъ изъ того, что умеръ ты?
Что духомъ до конца не падалъ?
Для болтовни, для клеветы
Ты Риму разговоровъ задалъ
Дня на два! Вотъ и подвигъ твой!
(Смотритъ въ окно на небо и дальнія горы).
Какъ тамъ спокойно! Горы ясны...
Вотъ такъ и боги безучастно
Съ небесъ глядятъ на родъ людской!
Да что и видѣть?..
(Оглядывается въ комнату).
Здѣсь ужасно
И жить, не только умирать!
А жить осталося не много...
Что-жъ пользы Немезидѣ строгой
Часъ лишній даромъ отдавать?
Для дѣлъ великихъ отдыхъ нуженъ,
Веселый духъ и — добрый ужинъ...
По смерти слава — намъ не въ прокъ!
И что за счастье, что когда-то
Укажетъ риторъ бородатый
Въ тебѣ для школьниковъ урокъ!..
До тайнъ грядущихъ — нѣтъ мнѣ дѣла!
И — здѣсь-ли кончу я свой вѣкъ,
Иль будетъ жить душа безъ тѣла —
Все буду я — не человѣкъ!..
Ну, а теперь, пока я въ силѣ,
Съ почетомъ отпустить могу
Я тѣло — стараго слугу...
Эй, рабъ!
(Входитъ рабъ).

ЛЮЦІЙ.

Въ моей приморской виллѣ
Мнѣ лучшій ужинъ снаряди,
Въ амфитеатрѣ, подъ горами.
Мнѣ ложе убери цвѣтами;
Балетъ вакханокъ приведи,
Хоръ фавновъ... лиры и тимпаны...
Да хоръ не такъ, какъ въ прошлый разъ:
Пискунъ какой-то — первый басъ!..
Въ саду открой вездѣ фонтаны;
Вотъ ключъ — тамъ, въ дальней кладовой
Есть кубки съ греческой рѣзьбой —
Достань. Да разошли проворно
Рабовъ созвать друзей... Пускай,
Кто живъ, тотъ и придетъ. Ступай
Къ Марцеллу самъ. Проси покорно,
Хранится у него давно
Гораціанское вино.
Скажи, что господинъ твой молитъ
Не отказать ему ни въ чемъ,
Что нынче — умирать изволитъ!
Ну, все... ты вѣрнымъ былъ рабомъ,
И не забытъ въ моей духовной.
(Рабъ упадаетъ къ его ногамъ).
Да не торгуйся, не скупись —
Чтобъ ужинъ вышелъ баснословный!..
Да, главное забылъ... Стучись
Въ палаты Пирры беззаботной!
Снеси цвѣтовъ корзины ей,
И пусть, смѣяся безотчетно,
Она ко мнѣ, весны свѣтлѣй,
На ужинъ явится скорѣй.
(Рабъ уходитъ).
И на колѣняхъ дѣвы милой,
Я съ напряженной жизни силой
Въ послѣдній разъ упьюсь душой
Дыханьемъ травъ, и моремъ спящимъ,
И солнцемъ, въ волны заходящимъ,
И Пирры ясной красотой!..
Когда-жъ пресыщусь до избытка,
Она смертельнаго напитка,
Умильно улыбаясь, мнѣ,
Сама не зная, дастъ въ винѣ,
И я умру шутя, чуть слышно,
Какъ истый мудрый сибаритъ,
Который, трапезою пышной
Насытивъ тонкій аппетитъ,
Средь ароматовъ мирно спитъ.
1852.

Два міра.

Децій, богатый римлянинъ, пресыщенный жизнью, обрекъ себя на самоубійство. Въ его благородной душѣ жило

презрѣніе къ римскому обществу временъ Нерона, но кромѣ этого презрѣнія не было ничего, — не было *свѣта*, который указывалъ бы путь. Неронъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что Децій не обнаружилъ восторга послѣ его декламаціи, и осудилъ его на смерть. Осужденіе принято Деціемъ равнодушно и онъ передъ своею смертью устраиваетъ пиръ для друзей. Нѣкоторые изъ друзей сочувствуютъ ему, но Деція не трогаютъ ихъ рѣчи.

ДЕЦІЙ

(равнодушно, полушутливо).

Что значитъ жизнь? Изъ тьмы и въ тьму
Промчался мотылекъ, мгновенье
Блеснувъ на солнцѣ!.. Человѣкъ
Самъ по-себѣ что значитъ въ мірѣ?
Кому онъ нуженъ? Конченъ вѣкъ,
И за приборъ его на пирѣ
Другой садится.... *(Вдругъ одушевляясь).* Но для насъ
Для старыхъ римлянъ, для фамилій,
Которыхъ съ Римомъ жизнь слилась,
Которыхъ предки Риму были
Отцами и которыхъ духъ
Изъ рода въ родъ передавался
И держитъ Римъ, — ужъ то нейдетъ
Сравненье!.. Въ Римъ теперь собрался
Со всей вселенной всякій сбродъ;
Въ курульныхъ креслахъ возсѣдаютъ
Чуть не вчерашніе рабы
И грязнымъ пальцемъ наклоняютъ,
Куда хотятъ, вѣсы судьбы...
Отъ этой сволочи презрѣнной
Мы устранились и смиренно
Живемъ въ провинціяхъ, въ поляхъ;
На Римъ, пока онъ въ ихъ рукахъ,
Глядимъ извнѣ какъ чужестранцы
Или какъ трезвые спартанцы
На перепившихся рабовъ...
Мы ждемъ, и наша вся забота
Лишь въ томъ, чтобъ старый духъ отцовъ
Являлся требовать отчета
Въ палаты кесарей порой;
Чтобъ у поруганнаго трона
Онъ появлялся судіей,
Грозящимъ призракомъ Катона, —
А этотъ призракъ всякій разъ
Встаетъ, во всѣ дома стучится,
Лишь только новое свершится
Самоубійство между насъ!

ЮВЕНАЛЪ.

Самоубійство, мечъ, отрава!
И въ этомъ — лучшихъ изъ мужей
Теперь величіе и слава!
Что-жъ съ бѣдной музою своей
Поэтъ тутъ сдѣлаетъ?.. Не знаешь,
На чемъ стоишь! почти теряешь
Ужъ и понятіе о томъ,
Что называть добромъ и зломъ!

ДЕЦІЙ.

Да, жаль мнѣ васъ!.. На вашу лиру
Изъ міра нечему пахнуть,
Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
Ей отозваться какъ-нибудь!..
У дикихъ скиѳовъ и тевтоновъ
Видалъ ночные я пиры:
Среди глухихъ, лѣсныхъ притоновъ,
Зажгутъ они свои костры,
Въ кругу усядутся въ долинѣ
И пьютъ меды, а посрединѣ
Поетъ пѣвецъ. Напѣвъ ихъ дикъ,
Для насъ пожалуй непріятенъ, —
Но какъ могучъ простой языкъ!
Какъ жестъ торжественъ и понятенъ!
И кто тамъ больше былъ поэтъ
Пѣвецъ иль слушатели сами?
Но эта ночь, въ лѣсу, съ кострами,
И между листьевъ лунный свѣтъ,
И въ лихорадочной тревогѣ
Кругомъ косматый этотъ людъ —
Все, — даже самые ихъ боги,
Что въ вихряхъ мчатся, тоже тутъ,
Съ высотъ внимаютъ, — все дышало
Въ тѣхъ пѣсняхъ пламенныхъ... Но въ нихъ
Пѣвецъ вливалъ въ свой звучный стихъ
То, что толпа ему давала...
А вы? куда васъ повлекутъ
И что вамъ слушатели скажутъ?
Какія цѣли вамъ укажутъ
И въ ваши пѣсни что вольютъ?

ЮВЕНАЛЪ.

И Римъ такой-же былъ когда-то!
Такая-жъ пѣснь и въ немъ жила!

Онъ пѣлъ Виргинію, дѣла
Коріолана, Цинцинната!..
О, Децій, нѣтъ! съ собой самимъ,
Съ тобой къ чему мнѣ лицемѣрить?
Но я почти не вѣрю въ Римъ!

ДЕЦІЙ.

Кто вѣритъ въ разумъ, тотъ не вѣрить
Не можетъ въ Римъ!.. Аѳины: въ нихъ
Искусства намъ явилось солнце;
Ихъ геній въ юномъ Македонцѣ
Протекъ между племенъ земныхъ,
Съ мечомъ неся рѣзецъ и лиру.
Римъ все собой объединилъ,
Какъ въ человѣкѣ разумъ; міру
Законы далъ и міръ скрѣпилъ.
Находятъ временныя тучи,
Но разумъ бодрствуетъ, могучій
Не никнетъ духъ... И сядь на тронъ
Философъ — съ трона свѣтъ польется,
И будетъ кесаревъ законъ
Закономъ разума. Вернется
Златой быть можетъ вѣкъ. Твой даръ
Сатира. Помни-жъ, что сатира —
Дочь разума. Ея ударъ
Разитъ передъ глазами міра.
Чтобъ міръ призналъ твои права,
Ты долженъ самъ стоять высоко:
Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко,
Когда здорова тетива!
Вотъ что тебѣ я на прощанье
Сказать могу!..
(По знаку Деція рабы и кліенты къ нему подходятъ и надѣваютъ на него верхнюю тогу).

ЮВЕНАЛЪ (*въ раздумьи*).

...Ужасное сознанье!
Въ чемъ, гдѣ же эта высота?
Въ душѣ кипитъ негодованье,
Подъ нимъ же, боги, пустота!

Другія рѣчи ведутся въ катакомбахъ, куда собираются христіане наканунѣ обнародованія императорскаго декрета, грозящаго имъ новыми пытками и казнями. Здѣсь сходятся всѣ, въ большей или меньшей степени озаренные „свѣтомъ", нашедшіе этотъ „свѣтъ" или только ищущіе. Является сюда и красавица Лида, богатая и знатная римлянка, недавно еще наслаждавшаяся жизнью Рима, теперь убѣжденная христіанка. Она понимаетъ, что Децій— головой выше всѣхъ его окружающихъ, она любитъ его и хочетъ дать и ему тотъ „свѣтъ", который недавно озарилъ ее. Изъ рѣчей христіанъ особенно цѣнны слова Главка, Павзанія и Іова.

ГЛАВКЪ (*спокойно*).

На все Господня воля!
(Вдругъ одушевляясь).
Но —
За что насъ гонятъ? Озлобленье
На что — постичь я не могу!
И чѣмъ Христосъ, Онъ, отдающій
Динарій кесарю, врагу
Прощающій, Свой крестъ несущій
Покорно, учащій любить,
Любить безстрашно и безлестно,
И въ мірѣ совершенну быть
Какъ совершенъ Отецъ Небесный —
Чѣмъ ненавистенъ имъ?
(Помолчавъ).
И все-жъ
Къ нему прійдутъ! И зло, и ложь
Падутъ. Богатый и убогій,
Простой и мудрый — всѣ прійдутъ!
Со всѣхъ концовъ земныхъ дороги
Всѣхъ ко Христу ихъ приведутъ...
Людское горе и страданья,
Всѣ духа жажды и терзанья,
Источники горючихъ слезъ, —
Всѣ приметъ въ сердце ихъ Христосъ,
Всѣ канутъ въ это море!..
(Близъ группы этихъ молодыхъ людей сидитъ на скамьѣ, съ мрачнымъ видомъ Павзаній. На послѣднія слова онъ отвѣчаетъ).

ПАВЗАНІЙ

(мрачно и съ возрастающимъ отчаяніемъ).

Братья!
Блаженъ, кто самъ пришелъ къ Христу,
Соблюдъ красу и чистоту,
Какъ дѣва къ жениху въ объятья;
Къ кому-же низошелъ Онъ Самъ,
Его извлечь среди крушенья
Изъ волнъ кипящихъ, — о! спасенье
Тебѣ быть можетъ тяжелѣй,

Чѣмъ смерть въ волнахъ... Въ душѣ твоей
Всѣ язвы прежнія огнями
Горятъ.... и слышишь надъ собой:
«Кто понесетъ Мой крестъ, тотъ Мой» —
Но помнишь: чистыми руками
Онъ несъ Свой крестъ... а у тебя
Онѣ въ крови и надъ тобою
Гремитъ проклятье...
(Опускаетъ голову на грудь. Молодые люди хранятъ благоговѣйное молчаніе, смотря на Павзанія съ участіемъ и недоумѣніемъ. Среди минутнаго молчанія слышенъ голосъ Іова).

ІОВЪ.

По истинѣ скажу вамъ: плачь,
Кому онъ скажетъ въ осужденье,
Что ни студёнъ ты, ни горячъ...
Любовь — огонь, а сердце — злато;
Лишь чрезъ огонь пройдя, оно
Свѣтло и чисто...

Полный контрастъ обстановкѣ этихъ катакомбъ и глубоко-созерцательному настроенію христіанъ представляетъ пышный дворецъ Декія, гдѣ собрались самые пестрые представители падающаго Рима, гдѣ льется вино, поются пѣсни въ честь наслажденія. Подъ блестящимъ покровомъ показной радости и земного счастья видна скука, пресыщеніе, недовольство собой и другими. Декій обнаруживаетъ истину этихъ затаенныхъ настроеній, съ холоднымъ презрѣніемъ отказываясь отъ возможности получить прощеніе Кесаря. Въ угоду гостямъ Декій угощаетъ ихъ зрѣлищемъ боя гладіаторовъ.

Гладіаторы наступаютъ другъ на друга. Галлъ съ мечомъ. Севъ съ палицей. Сыплются удары на щиты.

ЛЕЗБІЯ (*слѣдя за боемъ*).

Ну — пропалъ!
А! извернулся!.. Этотъ Севъ
Раскормленъ очень... впрочемъ годенъ
Для палицы. Вотъ Галлъ — свободенъ,
Увертливъ, худъ и быстръ какъ левъ
Ливійскій!..

Севъ наноситъ страшный ударъ. Галлъ роняетъ щитъ.

ДЕКІЙ.

Ну, ты проиграла!

Севъ снова замахивается. Лезбія встаетъ на ложѣ. Декій смотритъ, приподнявшись на локтѣ.

ЛИДА (*глухо*).

И Декій смотритъ!..

Но Галлъ увертывается; тяжелый ударъ Сева падаетъ на полъ. Галлъ быстро вонзаетъ свой короткій мечъ ему между реберъ. Севъ падаетъ.

ЛЕЗБІЯ.

Угадала!
Ура! побѣда!..
(Рукоплещетъ и всѣ съ нею).

Галлъ вопросительно смотритъ на Лезбію, наступивъ ногой на Сева.

ЛЕЗБІЯ.

Ну, кончай!
Vae victis!

ОБЩІЕ КРИКИ.

Кончай! кончай!
(Галлъ закалываетъ Сева подъ горло).

ЛЕЗБІЯ

(вспрыгиваетъ съ ложа, подбѣгаетъ къ Севу и смотритъ на рану. Около нея сбираются и другія женщины и молодые люди).

Ударъ на славу!
(Къ Декію, указывая на Галла).
Ты, Декій, мнѣ его отдай!

ДЕКІЙ.

Да всѣхъ бери!.. Хоть-бы въ забаву
Что удалось!

ЦИНИКЪ

(шатаясь, подходитъ и толкаетъ ногой убитаго).

Матерый звѣрь!

ТУЛЛІЯ.

Ужъ близокъ къ Стиксу, чай, теперь,
Такъ вотъ ему на переправу.

Кладетъ убитому въ ротъ монету. Всѣ смѣются. Туллія Децію.

Теперь что-жъ? Общій бой?..

Оскорбивъ еще разъ императора Нерона открыто высказаннымъ о немъ мнѣніемъ и этимъ окончательно уничтоживъ всякую надежду на помилованье, Децій отдаетъ въ подарокъ всѣмъ присутствующимъ свою виллу со всѣми ея драгоцѣнностями и богатствами. Съ презрѣніемъ смотритъ онъ, какъ жадно всѣ кидаются расхищать его имущество, величая его „богомъ" за его щедрость.

ДЕЦІЙ.

Стократъ проклятье вамъ!.. И могъ
Съ ватагой этой ненасытной
Однимъ я воздухомъ дышать!

Всѣ разбѣгаются, Децій готовъ уже выпить чашу съ ядомъ, какъ вдругъ вошла Лида и патриції Марцеллъ, тоже христіанинъ. Лида стала говорить Децію о Христѣ.

ДЕЦІЙ (*озадаченный*).

Спасенье
Мнѣ въ христіанахъ? Ихъ ученье
Я знаю и не разъ слыхалъ
Ихъ проповѣдниковъ: худые,
И загорѣлые, босые...
Ихъ въ Римѣ много... Одного
Я живо помню. Былъ забавенъ
Восточный выговоръ его,
И жестъ порывистъ и неплавенъ,
Но дикимъ паѳосомъ своимъ
Онъ поражалъ... Я помню, было
Внѣ Рима. Солнце заходило,
И онъ указывалъ на Римъ...
Самъ на горѣ стоялъ... Открытый,
Высокій лобъ... Народъ кругомъ...
И мы подъѣхали верхомъ
Съ прогулки... «Змѣй многоочитый,—
Онъ восклицалъ, — ты міръ земной,
Обвивъ, сдавилъ его собой,
И здѣсь, на семихолмьѣ, въ Римѣ,
Въ златомъ вѣнцѣ и діадимѣ
Главой покоишься своей...»
Я оглянулся: блескъ заката,
Весь вѣчный городъ, блескъ огней,
Златая кесарей палата,
Водопроводы, виллы... Змѣй —
Великолѣпное сравненье!
Онъ разумѣлъ развратъ, паденье
И порчу нравовъ; говорилъ
Все въ апологахъ, но оставилъ
Въ насъ впечатлѣнье. Впрочемъ былъ
Изъ римскихъ гражданъ...

ЛИДА (*быстро*).

То былъ Павелъ!

Децій упрекаетъ Марцелла за то, что онъ, римлянинъ, измѣнилъ Риму и подрываетъ его основы.

МАРЦЕЛЛЪ

(*тономъ глубокаго убѣжденія*).

......Я понялъ, намъ
Не Богъ предметомъ поклоненья
Во храмѣ былъ, а самый храмъ!
Порядокъ въ людяхъ водворяя,
Цѣль жизни — мы открыли имъ?..
Одна случайность роковая
Являлась въ ней и намъ самимъ!..
Таковъ нашъ Римъ, что онъ ни строитъ,
Онъ строитъ на пескѣ морскомъ;
Прійдетъ волна, и зданье смоетъ
И всѣхъ, кто жизни чаетъ въ немъ...

ДЕЦІЙ

(*перебивая съ величайшею живостью*).

О, Римъ гетеръ, шута и мима —
Онъ мерзокъ, онъ падетъ!.. Но нѣтъ,
Вѣдь въ томъ, что носитъ имя Рима,
Есть нѣчто высшее!.. Завѣтъ
Всего, что прожито вѣками!
Въ немъ мысль, вознесшая меня
И надъ людьми, и надъ богами!
Въ немъ Прометеева огня
Неугасающее пламя!
Въ символъ побѣды это мной
Въ предѣлахъ вѣчности самой
На вѣкъ поставленное знамя,
Мой разумъ, предъ которымъ вся
Раскрыта тайна бытія!
И этотъ Римъ не уничтожитъ
Никто! никто меня не можетъ
Низвергнуть съ этой высоты...

МАРЦЕЛЛЪ

(*горько; потомъ строго*).

И вотъ — одинъ — передъ толпою,
На высотѣ всѣмъ чуждый, ты

Лишь самъ любуешься собою,
И съ чашей яду лишь глядишь,
Въ красивой позѣ-ль ты стоишь!..
Онъ — разумъ,—значитъ, злая сила,
Когда, чтобъ въ высотѣ стоять —
Мильоны ближнихъ надо было
Ему себѣ въ подножье взять...

ДЕЦІЙ

(въ высочайшемъ разгарѣ страсти).

Мильоны ближнихъ!.. Что такое
Мнѣ эти ближніе... Рабовъ
Ты разумѣешь!.. О, пустое
Мечтанье этихъ мудрецовъ!
Рабы и въ пурпурѣ мнѣ гадки!
Какъ? Изъ того, что той порой,
Когда стихіи межъ собой
Боролись въ бурномъ безпорядкѣ,
Земля, межъ чудищъ и звѣрей,
Межъ грифовъ и химеръ крылатыхъ,
Изъ нѣдръ извергла и людей,
Свирѣпыхъ, дикихъ и косматыхъ,
Мнѣ изъ того въ нихъ братьевъ чтить?..
Да первый тотъ, кто возложитъ
На нихъ ярмо возмогъ, тотъ разомъ
Сталъ выше всѣхъ, какъ власть, какъ разумъ!
Кто-жъ суевѣрья ихъ презрѣлъ,
И мыслью смѣлою къ чертогамъ
Боговъ ихъ жалкихъ возлетѣлъ,
Тотъ самъ для нихъ уже сталъ богомъ,
И въ полномъ правѣ съ высоты
Глядѣть какъ въ безотчетномъ страхѣ
Внизу барахтаются въ прахѣ
Всѣ эти темные кроты!..
Да! если есть душа вселенной,
Есть божество, — оно во мнѣ!
И если, чтобъ ему вполнѣ
Раскрыться, нужно непремѣнно,
Чтобъ гибли тысячи тупыхъ
Существъ, немыслящихъ, слѣпыхъ,—
Пусть гибнутъ!.. такова ихъ доля!
Имъ даже счастіе неволя!
Лишь съ дня, когда онъ въ рабство впалъ,
Для міра рабъ хоть нѣчто сталъ!
(Продолжаетъ ходить).

МАРЦЕЛЛЪ *(строго и горько).*

Все знаю! такъ насъ поучалъ
Нашъ славный разумъ! онъ, который
Самъ о себѣ намъ говоритъ:
«Я истина», и безъ опоры
На мечъ, блѣднѣетъ и дрожитъ!
Неронъ, онъ убѣжденъ, что тоже
Въ немъ истина!.. Великій жрецъ
И циникъ также.. Отчего-же
Твой разумъ лучше всѣхъ, мудрецъ?

ЛИДА

(смотритъ на Декія съ ужасомъ).

Какъ ночь душа его мрачна!
Онъ — Боже! никого не любитъ...
(Плачетъ истерически).
Ихъ гордость римская... Она
Ихъ умъ мрачитъ... Она ихъ губитъ...

ДЕЦІЙ

(останавливаясь передъ нею).

Къ чему-же слезы?.. Перестань...
(Смотритъ на нее внимательнѣе).
Но какъ ты, Лида, измѣнилась...
О, какъ ты стала хороша...

ЛИДА

(послѣ сильнаго напряженія, голосомъ искренняго чувства и все болѣе одушевляясь).

Я, Декій!.. Я давно простилась
Со всѣмъ земнымъ!... Твоя душа —
Ты міръ обнять не можешь взоромъ;
И вознестись на высоту,
И ту постигнуть красоту,
То совершенство, предъ которымъ
Ничто твой жалкій, бѣдный міръ,
Гдѣ ты лишь самъ себѣ кумиръ!
Да, гордость, Декій!.. Ослѣпила
Она тебя!.. Въ земныхъ цѣпяхъ
Душа источникъ свой забыла,
А онъ, о Декій, въ небесахъ!
Слова Христовы западаютъ
Мгновенно въ душу — оттого,
Что намъ Его напоминаютъ
И возвращаютъ намъ Его...
И тутъ ужъ смерть—конецъ разлуки!

Побѣдный выходъ изъ тюрьмы, —
И примешь все ты — смерть и муки,
Чтобъ къ свѣту вырваться изъ тьмы...
Ахъ, Децій! міръ — одно терзанье!
И къ свѣту разъ открылъ пути —
Ты будешь знать одно желанье —
Всѣмъ указать — и всѣхъ спасти!..

МАРЦЕЛЛЪ.

Ну, Децій! Время... Со своими
Я ухожу... Прощай...
(Хочетъ идти, но возвращается опять и говоритъ Децію, указывая на христіанъ).
...Ты видишь — вотъ — живыя
Все души, — въ каждомъ разумъ свой —
Но всѣ любовію одной, —
Какъ солнцемъ глубины морскія, —
Озарены!.. Здѣсь нѣтъ вождей!
Творятъ дѣла здѣсь ужъ не люди!
Для всѣхъ, какъ для простыхъ орудій,
Сокрыты цѣли! Безъ мечей
Идемъ къ побѣдѣ несомнѣнной!
Пойми-жъ что свыше лозунгъ данъ!
То Божій духъ по всей вселенной
Летитъ какъ нѣкій ураганъ...
Что было свѣтомъ — въ мракъ отходитъ!
Всѣ солнца гаснутъ! Новый день
И солнце новое восходитъ,
Все прежнее бѣжитъ какъ тѣнь.
Что-жъ гордый человѣкъ, усильно
За тѣнь хватаясь, вмѣстѣ съ ней
Исчезнуть хочешь въ тьмѣ могильной,
Въ безумной гордости своей!
Себя поставивши судьею
Надъ всей вселенной, никогда
Ужъ не признаешь надъ собою
Глаголовъ Божьяго суда?...

ДЕЦІЙ

(къ Марцеллу твердо и выразительно).

Мой судъ — я самъ! Все, чѣмъ мой разумъ
Могучъ и свѣтелъ, далъ мнѣ Римъ; —
И пусть идутъ всѣ боги разомъ,
И съ ними всѣ народы — имъ
Не уступлю и упреждаю
Ихъ вызовъ...
(Беретъ чашу; Лида бросается къ нему, онъ ее отталкиваетъ).
Прочь! *(Къ цинику).* А ты бѣги
И въ Римѣ всѣмъ кричи: враги
Въ его стѣнахъ! что умираю
Я на посту своемъ за Римъ!
За вѣчный Римъ!...
(Выпиваетъ чашу).

ЛИДА

(искренно, страстно).

Судъ только Божій будетъ!
Ты, Децій, ты любилъ, что зналъ;
Зналъ Римъ! его любилъ ты много,
Собой пожертвовалъ, страдалъ...
О! Жертва всякая у Бога
Сочтется...

ДЕЦІЙ

(съ ненавистью, грозно).

Лида! я-бъ васъ гналъ,
Когда-бы жилъ еще! терзалъ
Звѣрьми-бъ, живого-бъ не оставилъ!..

ЛИДА *(слезы въ голосѣ).*

Ты-бъ гналъ, покуда-бъ не узналъ,
Покуда-бъ не прозрѣлъ какъ Павелъ,
И больше насъ тогда-бъ Христа
Великимъ разумомъ прославилъ!
Въ тебѣ была вѣдь прямота!
Прозрѣвъ, отдался-бъ въ искупленье
Всѣхъ золъ, что сотворилъ!.. Прощать
Ты-бъ научился... да!.. прощать!
Вѣдь христіанство, все ученье,
Нѣтъ, не ученье — жизнь — прощенье,
Ежеминутное прощенье,
Прощенье вѣчное!..

Ѳ. Тютчевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Видѣніе.

Есть нѣкій часъ въ ночи всемірнаго молчанья,
И въ оный часъ явленій и чудесъ
Живая колесница мірозданья
Открыто катится въ святилище небесъ.
Тогда густѣетъ ночь, какъ хаосъ на водахъ;
Безпамятство, какъ Атласъ, давитъ сушу;
Лишь музы дѣвственную душу
Въ пророческихъ тревожатъ боги снахъ.

* *
*

Ты зналъ его въ кругу большого свѣта:
То своенравно веселъ, то угрюмъ,
Разсѣянъ, дикъ иль полонъ тайныхъ думъ,
Таковъ поэтъ — и ты презрѣлъ поэта!
На мѣсяцъ взглянь: весь день, какъ облакъ тощій,
Онъ въ небесахъ едва не изнемогъ;
Настала ночь, и свѣтозарный богъ,
Сіяетъ онъ надъ усыпленной рощей!

Поэзія.

Среди громовъ, среди огней,
Среди клокочущихъ зыбей,
Въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ —
Небесная — къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей.

* *
*

Не вѣрь, не вѣрь поэту, дѣва!
Его своимъ ты не зови,
И пуще пламеннаго гнѣва
Страшись поэтовой любви!
Его ты сердце не усвоишь
Своей младенческой душой,
Огня палящаго не скроешь
Подъ легкой дѣвственной фатой.
Поэтъ всесиленъ, какъ стихія,
Не властенъ лишь въ себѣ самомъ:
Невольно кудри молодыя
Онъ обожжетъ своимъ вѣнцомъ.
Вотще поноситъ или хвалитъ
Поэта суетный народъ:
Онъ не змѣею сердце жалитъ,
Но какъ пчела его сосетъ.
Твоей святыни не нарушитъ
Поэта чистая рука,
Но ненарокомъ — жизнь задушитъ
Иль унесетъ за облака

* *
*

Живымъ сочувствіемъ привѣта,
Съ недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта,
Не искушай его мечты!
Всю жизнь въ толпѣ людей затерянъ,
Порой доступенъ ихъ страстямъ,
Поэтъ, я знаю, суевѣренъ,
Но рѣдко служитъ онъ властямъ.
Передъ кумирами земными
Проходитъ онъ, главу склонивъ,

Или стоитъ онъ передъ ними
Смущенъ и гордо-боязливъ.
Но если вдругъ живое слово
Съ ихъ устъ, сорвавшись, упадетъ,
И сквозь величія земного
Вся прелесть женщины мелькнетъ.
И человѣческимъ сознаньемъ
Ихъ всемогущей красоты
Вдругъ озарятся, какъ сіяньемъ,
Изящно-дивныя черты, —
О, какъ въ немъ сердце пламе-
нѣетъ!
Какъ онъ восторженъ, умиленъ!
Пускай служить онъ не умѣетъ,
Боготворить умѣетъ онъ.
(1840. Мюнхенъ).

Ночные голоса.

Какъ сладко дремлетъ садъ темно-
зеленый,
Объятый нѣгой ночи голубой;
Сквозь яблони цвѣтами убѣленной,
Какъ сладко свѣтитъ мѣсяцъ золотой!
Таинственно, какъ въ первый день
созданья,
Въ бездонномъ небѣ звѣздный сонмъ
горитъ;
Музыки дальной слышны восклп-
цанья,
Сосѣдній ключъ слышнѣе говоритъ.
На міръ дневной спустилася за-
вѣса;
Изнемогло движенье, трудъ уснулъ;
Надъ спящимъ градомъ, какъ въ вер-
шинахъ лѣса,
Проснулся чудный, еженочный гулъ...
Откуда онъ, сей гулъ непостижи-
мый?
Иль смертныхъ думъ, освобожденныхъ
сномъ,
Міръ безтѣлесный, слышный, но не-
зримый,
Теперь роится въ хаосѣ ночномъ?..

* * *

Не остывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Все въ зарницахъ трепетало.
Словно тяжкія рѣсницы
Подымались надъ землею
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загоралися порою.

* * *

Какъ океанъ объемлетъ шаръ зем-
ной,
Земная жизнь кругомъ объята снами,
Настанетъ ночь, и звучными волнами
Стихія бьетъ о берегъ свой.
То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и
проситъ,
Ужъ въ пристани волшебный ожилъ
челнъ,
Приливъ растетъ и быстро насъ уно-
ситъ
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ.
Небесный сводъ, горящій славой
звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены.

* * *

Какъ хорошо ты, о море ночное!
Здѣсь лучезарно, тамъ сизо-черно!
Въ лунномъ сіяніи, словно живое,
Ходитъ и дышетъ, и блещетъ оно.
На безконечномъ, на вольномъ про-
сторѣ
Блескъ и движеніе, грохотъ и громъ...
Тусклымъ сіяньемъ облитое море,
Какъ хорошо ты въ безлюдьи ночномъ!
Зыбь ты великая, зыбь ты морская!
Чей это праздникъ такъ празднуешь
ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткія звѣзды глядятъ съ высоты...
Въ этомъ волненіи, въ этомъ сіяньи,
Вдругъ онѣмѣвъ, я потерянъ стою,
И какъ охотно бы въ ихъ обаяньи
Всю потопилъ бы я душу свою!
2 (14) января 1865. Ницца.

* * *

Ночное небо такъ угрюмо
Заволокло со всѣхъ сторонъ:

То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сонъ.
Однѣ зарницы огневыя,
Воспламеняясь чередой,
Какъ демоны глухонѣмые,
Ведутъ бесѣду межъ собой.
Какъ по условленному знаку,
Вдругъ неба вспыхнетъ полоса,
И быстро выступятъ изъ мраку
Поля и дальнія лѣса!
И вотъ опять все потемнѣло,
Все стихло въ чуткой темнотѣ,
Какъ бы таинственное дѣло
Рѣшалось тамъ — на высотѣ...

18 августа 1865. Дорогой.

Русская географія.

Москва и градъ Петровъ, и Константиновъ градъ —
Вотъ царства русскаго завѣтныя столицы...
Но гдѣ предѣлъ ему? и гдѣ его границы
На сѣверъ, на востокъ, на югъ и на закатъ?
Грядущимъ временамъ судьбы ихъ обличатъ...
Семь внутреннихъ морей и семь великихъ рѣкъ...
Отъ Нила до Невы, отъ Эльбы до Китая —
Отъ Волги по Евфратъ, отъ Ганга до Дуная...
Вотъ царство русское... и не прейдетъ во вѣкъ,
Какъ то предвидѣлъ Духъ и Даніилъ предрекъ.

Разсвѣтъ.

Не въ первый разъ кричитъ пѣтухъ;
Кричитъ онъ живо, бодро, смѣло;
Ужъ мѣсяцъ на небѣ потухъ,
Струя въ Босфорѣ заалѣла.
Еще молчатъ колокола,
А ужъ Востокъ заря румянитъ:
Ночь безконечная прошла,
И скоро свѣтлый день настанетъ.
Вставай же, Русь! Ужъ близокъ часъ!
Вставай Христовой службы ради!
Ужъ не пора-ль, перекрестясь,
Ударить въ колоколъ въ Царьградѣ?
Раздайся, благовѣстный звонъ,
И весь востокъ имъ огласися!
Тебя зоветъ и будитъ онъ!
Вставай, мужайся, ополчися!
Въ доспѣхи вѣры грудь одѣнь,
И съ Богомъ, исполинъ державный!..
О, Русь, великъ грядущій день,
Вселенскій день и православный!

* *
*

Нѣтъ, карликъ мой, трусъ безпримѣрный,
Ты, какъ ни жмися, какъ не трусь,
Своей душой маловѣрной
Не соблазнишь святую Русь....
Иль всѣ святыя упованья,
Всѣ убѣжденья истребя,
Она отъ своего призванья
Вдругъ отречется отъ тебя?..
Иль такъ ты дорогъ Провидѣнью,
Такъ друженъ съ нимъ, такъ за одно,
Что, дорожа твоею лѣнью,
Вдругъ остановится оно?..
Не вѣрь въ святую Русь кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой —
И Богъ побѣды не отсрочитъ
Въ угоду трусости людской.
То, что обѣщано судьбами
Ужъ въ колыбели было ей,
Что ей завѣщано вѣками
И вѣрой всѣхъ ея царей;
То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечемъ,
То, что орелъ Екатерины
Ужъ прикрывалъ своимъ крыломъ,
Вѣнца и скиптра Византіи
Вамъ не удастся насъ лишить!
Всемірную судьбу Россіи,
Нѣтъ, вамъ ея не запрудить!..

Май, 1850.

Пророчество.

Не гулъ молвы прошелъ въ народѣ,
Вѣсть родилась не въ нашемъ родѣ —
То древній гласъ, то свыше гласъ:

«Четвертый вѣкъ ужъ на исходѣ, —
Свершится онъ, и грянетъ часъ!
И своды древніе Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ Христовъ алтарь!..»
Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!
1 марта 1850.

* *
*

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!
Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

* *
*

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать —
Въ Россію можно только вѣрить.
28 ноября 1866.

* *
*

Ты долго-ль будешь за туманомъ
Скрываться, русская звѣзда,
Или оптическимъ обманомъ
Ты обличишься навсегда?
Ужель навстрѣчу жаднымъ взорамъ,
Къ тебѣ стремящимся въ ночи,
Пустымъ и ложнымъ метеоромъ
Твои разсыплются лучи?
Все гуще мракъ, все пуще горе,
Все неминуемѣй бѣда:
Взгляни, чей флагъ тамъ гибнетъ въ морѣ!
Проснись теперь, иль никогда...
20 декабря 1866.

Два единства.

Изъ переполненной Господнимъ гнѣвомъ чаши
Кровь льется черезъ край, и западъ топетъ въ ней.
Кровь хлынетъ и на васъ, друзья и братья наши, —
Славянскій міръ, сомкнись тѣснѣй...
«Единство — возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней, —
Быть можетъ спаяно желѣзомъ лишь и кровью»...
Но мы попробуемъ спаять его любовью,
А тамъ увидимъ, что прочнѣй...
1866.

Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые!
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотитъ.
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ.
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный —
Все вторитъ весело громамъ.
Ты скажешь: вѣтреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь на землю пролила.

* *
*

Съ поляны коршунъ поднялся,
Высоко къ небу онъ взвился;
Все выше, далѣ вьется онъ,
И вотъ ушелъ за небосклонъ.
Природа-мать ему дала
Два мощныхъ, два живыхъ крыла;
А я здѣсь въ потѣ и въ пыли,
Я, царь земли, прирос къ земли!

* *
*

И гробъ опущенъ ужъ въ могилу,
И все столпилося вокругъ.
Толкутся, дышатъ черезъ силу,
Спираетъ грудь тлетворный духъ.
И надъ могилою раскрытой,
Въ возглавіи, гдѣ гробъ стоитъ,
Ученый пасторъ сановитой
Рѣчь погребальную гласитъ.
Вѣщаетъ бренность человѣчью,
Грѣхопаденье, кровь Христа;
И умною, пристойной рѣчью
Толпа различно занята...
А небо такъ нетлѣнно-чисто,
Такъ безпредѣльно надъ землей,
И птицы рѣютъ голосисто
Въ воздушной безднѣ голубой...

* * *

Не то, что мните вы, природа,—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.
Вы зрите листъ и цвѣтъ на древѣ,
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою внѣшнихъ чуждыхъ силъ?..
Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ, какъ впотьмахъ,
Для нихъ и солнцы, знать, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.
Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была!
И, языками неземными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.
Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Органа жизнь, глухонѣмой!
Увы, души въ немъ не встревожитъ
И голосъ матери самой.

* * *

Слезы людскія, о слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

Фонтанъ.

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣетъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучомъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной,
И снова пылью огнецвѣтной
Ниспасть на землю осужденъ.
О, смертной мысли водометъ,
О, водометъ неистощимый!
Какой законъ непостижимый
Тебя стремитъ, тебя мятетъ?
Какъ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты.

* * *

Такъ въ жизни есть мгновенія,
Ихъ трудно передать,
Они самозабвенія
Земного благодать.
Шумятъ верхи древесные
Высоко надо мной
И птицы лишь небесныя
Бесѣдуютъ со мной.
Все пошлое и ложное
Ушло такъ далеко,
Все мило-невозможное
Такъ близко и легко.
И любо мнѣ, и сладко мнѣ,
И міръ въ моей груди,
Дремотою обвѣянъ я —
О, время, погоди!

* * *

Смотри, какъ роща зеленѣетъ,
Палящимъ солнцемъ облита,
И въ ней какою нѣгой вѣетъ
Отъ каждой вѣтки и листа!
Войдемъ и сядемъ надъ корнями
Деревъ, поимыхъ родникомъ,

Тамъ, гдѣ обвѣянный ихъ мглами,
Онъ шепчетъ въ сумракѣ нѣмомъ.
Надъ нами бредятъ ихъ вершины,
Въ полдневный зной погружены,
И лишь порою крикъ орлиный
До насъ доходитъ съ вышины...
1857.

* *
*

Родной ландшафтъ подъ дымчатымъ навѣсомъ
Огромной тучи снѣговой;
Синѣетъ даль съ ея угрюмымъ лѣсомъ,
Окутаннымъ осенней мглой!
Все голо такъ и пусто, необъятно,
Въ однообразіи нѣмомъ,
Мѣстами лишь просвѣчиваютъ пятна
Стоячихъ водъ, покрытыхъ первымъ льдомъ.
Ни звуковъ здѣсь, ни красокъ, ни движенья;
Жизнь отошла и, покорясь судьбѣ,
Въ какомъ-то забытьи изнеможенья,
Здѣсь человѣкъ лишь снится самъ себѣ.
Какъ свѣтъ дневной, его тускнѣютъ взоры;
Не вѣритъ онъ, хоть видѣлъ ихъ вчера,
Что есть края, гдѣ радужныя горы
Въ лазурныя глядятся озера...
1859.

А. Фетъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Псевдо-поэту.

Молчи, поникни головою,
Какъ бы представъ на страшный судъ,
Когда случайно предъ тобою
Любимца музъ упомянутъ!
На рынокъ! Тамъ кричитъ желудокъ,
Тамъ для стоокаго слѣпца
Цѣннѣй грошовый твой разсудокъ,
Безумной прихоти пѣвца,
Тамъ сбытъ малеванному хламу
На этой затхлой площади,—
Но къ музамъ, къ чистому ихъ храму
Продажный рабъ не подходи!
Влача по прихоти народа
Въ грязи низкопоклонный стихъ,
Ты слова гордаго: свобода
Ни разу сердцемъ не постигъ,
Не возносился богомольно
Ты въ ту свѣжѣющую мглу,
Гдѣ беззавѣтно лишь привольно
Свободной пѣснѣ, да орлу.

Музѣ.

Пришла и сѣла. Счастливъ и встревоженъ,
Ласкательный твой повторяю стихъ—
И если даръ мой предъ тобой ничтоженъ,
То ревностью не ниже я другихъ.
Заботливо храня твою свободу,
Непосвященныхъ я къ тебѣ не звалъ
И рабскому ихъ буйству я въ угоду
Твоихъ рѣчей не оскверналъ.
Все та же ты, завѣтная святыня,
На облакѣ, незримая землѣ,
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ, нетлѣнная богиня,
Съ задумчивой улыбкой на челѣ.

Поэтамъ.

Сердце трепещетъ отрадно и больно,
Подняты очи и руки воздѣты:
Здѣсь на колѣняхъ я снова невольно,
Какъ и бывало, предъ вами, поэты.
Въ вашихъ чертогахъ мой духъ окрылился,—
Правду провидитъ онъ съ высей творенья:
Этотъ листокъ, что изсохъ и свалился,—
Золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣньи.
Только у васъ мимолетныя грезы
Старыми въ душу глядятся друзьями,
Только у васъ благовонныя розы
Вѣчно восторга блистаютъ слезами.
Съ торжищъ житейскихъ, безцвѣтныхъ и душныхъ,
Видѣть такъ радостно тонкія краски:
Въ радугахъ вашихъ, прозрачно-воздушныхъ,
Неба родного мнѣ чудятся ласки.

5 іюня 1890.

* *
*

Однимъ толчкомъ согнать ладью живую
Съ наглаженныхъ отливами песковъ,
Одной волной подняться въ жизнь иную,
Учуять вѣтръ съ цвѣтущихъ береговъ,
Тоскливый сонъ прервать единымъ звукомъ,
Упиться вдругъ невѣдомымъ, роднымъ,
Дать жизни вздохъ, дать сладость тайнымъ мукамъ,
Чужое вмигъ почувствовать своимъ,
Шепнуть о томъ, предъ чѣмъ языкъ нѣмѣетъ,
Усилить бой безтрепетныхъ сердецъ, —
Вотъ чѣмъ пѣвецъ лишь избранный владѣетъ!
Вотъ въ чемъ его и признакъ, и вѣнецъ!

28 окт. 1887.

Сонетъ.

Когда отъ хмѣля преступленій
Толпа развратная буйна
И радъ влачить въ грязи злой геній
Мужей великихъ имена, —
Мои сгибаются колѣни
И голова преклонена:
Зову властительныя тѣни
И ихъ читаю письмена,
Въ тѣни таинственнаго храма
Учусь сквозь волны ѳиміама
Словамъ наставниковъ внимать
И, забывая гулъ народный,
Ввѣряясь думѣ благородной,
Могучимъ вздохомъ ихъ дышать.

* *
*

Когда у райскихъ вратъ изгнанникъ
Стоялъ униженъ, нагъ и нѣмъ,
Предсталъ съ мечомъ небесъ посланникъ
И путь закрылъ ему въ эдемъ.
Но, падшихъ душъ услыша стоны,
Творецъ мольбѣ скитальца внялъ:
Крылатыхъ стражей легіоны
Адама внукамъ Онъ послалъ,
Чтобъ хоть одна съ родного неба
Намъ улыбнулася душа,
Когда мы бьемся изъ-за хлѣба,
Въ кровавомъ потѣ, чуть дыша.
Но и въ кругахъ духовъ небесныхъ
Земные стоны сочтены
И силой крыльевъ безтѣлесныхъ
Еговы дѣти не равны.
Твой ангелъ — перьевъ лебединыхъ
Не распускаетъ за спиной:
Онъ на крылахъ летитъ орлиныхъ,
Поникнувъ грустно головой,
Въ рукѣ — пророческая лира,
Въ другой — горящій Божій громъ;
Такъ на твоемъ въ пустынѣ міра
Онъ камнѣ станетъ гробовомъ.

Муза.

Мы рождены для вдохновенья.
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.
Пушкинъ.

Ты хочешь проклинать, рыдая и стеня,
Бичей подыскивать къ закону?
Поэтъ, остановись! Не призывай меня, —
Зови изъ бездны Тизифону!
Плѣнительные сны лелѣя на-яву,
Своей божественною властью
Я къ наслажденію высокому зову
И къ человѣческому счастью.
Когда, безчинствами обиженный опять,
Въ груди заслышишь зовъ къ рыданью,
Я ради мукъ твоихъ не стану измѣнять
Свободы вѣчному призванью.
Страдать! — Страдаютъ всѣ! — Страдаетъ темный звѣрь,
Безъ упованья, безъ сознанья, —
Но передъ нимъ туда навѣкъ закрыта дверь,
Гдѣ радость теплится страданья.
Ожесточенному и черствому душой
Пусть радость эта незнакома:
Зачѣмъ же лиру бьешь ребяческой рукой,

Что не труба она погрома?
Къ чему противиться природѣ и судьбѣ?

На землю сносятъ эти звуки
Не бурю страстную, не вызовы къ борьбѣ,
А исцѣленіе отъ муки.
8 мая 1887.

Музѣ.

Надолго ли опять мой уголъ посѣтила,
Заставила еще томиться и любить?
Кого на этотъ разъ собою воплотила?
Чьей рѣчью ласковой сумѣла подкупить?

Дай руку. Сядь. Зажги свой факелъ вдохновенный.
Пой, добрая! Въ тиши признаю голосъ твой
И стану, трепетный, колѣнопреклоненный,
Запоминать стихи, пропѣтые тобой.
Какъ сладко, позабывъ житейское волненье,
Отъ чистыхъ помысловъ пылать и потухать,
Могучее твое учуя дуновенье,
И вѣчно-дѣвственнымъ словамъ твоимъ внимать!
Пошли, небесная, ночамъ моимъ безсоннымъ
Еще блаженныхъ сновъ и славы, и любви,
И нѣжнымъ именемъ, едва произнесеннымъ,
Мой трудъ задумчивый опять благослови.

* *
*

Скучно мнѣ вѣчно болтать о томъ, что высоко, прекрасно:
Всѣ эти толки меня только къ зѣвотѣ ведутъ.
Бросивъ педантовъ, бѣгу съ тобой побесѣдовать, другъ мой:
Знаю, что въ этихъ глазахъ, черныхъ и умныхъ глазахъ,
Больше прекраснаго, чѣмъ въ нѣсколькихъ стахъ фоліантовъ,
Знаю, что сладкую жизнь пью съ этихъ розовыхъ губъ!
Только пчела узнаетъ въ цвѣткѣ затаенную сладость,
Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ.

Ключъ.

Межъ селеньемъ и рощей нагорной
Вьется свѣтлою лентой рѣка,
А на храмѣ надъ озимью черной
Яркій крестъ поднялся въ облака.
И толпой голосистой и жадной
Все въ зарѣ набѣжитъ со степей,
Точно вѣсть надъ волною прохладной
Пронеслась: освѣжись и испей!
Но въ шумящей толпѣ ни единый
Не присмотрится къ кущамъ деревъ
И не слышенъ имъ зовъ соловьиный
Въ ревѣ стадъ и плесканьи вальковъ.
Лишь одинъ въ часъ вечерній, завѣтный,
Я къ журчащему сладко ключу
По тропинкѣ лѣсной незамѣтной
Путь обычный во мракѣ сыщу.
Дорожа соловьинымъ покоемъ,
Я ночного пѣвца не спугну
И устами, спаленными зноемъ,
Къ освѣжительной влагѣ прильну.

* *
*

Какъ бѣденъ нашъ языкъ: хочу — и не могу!...
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствуетъ въ груди прозрачною волною:
Напрасно вѣчное томленіе сердецъ! —
И клонитъ голову маститую мудрецъ
Предъ этой ложью роковою.
Лишь у тебя, поэтъ, крылатый слова звукъ
Хватаетъ на лету и закрѣпляетъ вдругъ
И темный бредъ души, и травъ неясный запахъ:

Такъ, для безбрежнаго покинувъ скудный долъ,
Летитъ за облака Юпитера орелъ,
Снопъ молніи неся мгновенный въ вѣрныхъ лапахъ.
11 іюня 1887.

* *
*

Какъ богатъ я въ безумныхъ стихахъ!
Этотъ блескъ мнѣ отраденъ и нуженъ, —
Всѣ алмазы мои въ небесахъ,
Всѣ росинки подъ ними жемчужинъ;
Выходи, красота, не робѣй!
Звуки есть, дорогія есть краски, —
Это все я, поэтъ-чародѣй,
Расточу за мгновеніе ласки.
Но, когда ты приколешь цвѣтокъ
Шаловливо, иль съ думой лукавой,
И, какъ въ дымкѣ, твой кроткій зрачокъ
Загорится сердечной отравой
И палетъ молодого стыда
Чуть ланиты овѣетъ зарею, —
О, какъ бѣденъ, какъ жалокъ тогда,
Какъ безпомощенъ я предъ тобою!
1 февр. 1887.

* *
*

Какъ ярко полная луна
Посеребрила эту крышу!
Мы здѣсь подъ тѣнью полотна, —
Твое дыханіе я слышу.
У неостывшаго гнѣзда
Ночная пѣснь гремитъ и таетъ...
О, погляди, какъ та звѣзда
Горитъ — горитъ — и потухаетъ...
Понятенъ блескъ ея лучей
И полночь съ пѣснею своею,
Но что горитъ въ душѣ моей,
Тебѣ сказать я не умѣю.
Вся эта ночь у ногъ твоихъ
Воскреснетъ въ звукахъ пѣснопѣнья,
Но тайну счастья въ этотъ мигъ
Я унесу безъ выраженья.

* *
*

Нѣтъ, я не измѣнилъ: до старости глубокой
Я, тотъ-же преданный, я рабъ твоей любви,
И старый ядъ цѣпей, отрадный и жестокій,
Еще горитъ въ моей крови.
Хоть память и твердитъ, что между насъ могила,
Хоть каждый день бреду томительно къ другой, —
Не въ силахъ вѣрить я, чтобъ ты меня забыла,
Когда ты здѣсь, передо мной.
Мелькнетъ-ли красота иная на мгновенье,
Мнѣ чудится, — вотъ-вотъ — тебя я узнаю,
И нѣжности былой я слышу дуновенье,
И, содрогаясь, я пою.
2 февр. 1887.

Цвѣты.

Съ полей несется голосъ стада,
Въ кустахъ малиновки звенятъ
И съ побѣлѣвшихъ яблонь сада
Струится сладкій ароматъ.
Цвѣты глядятъ съ тоской влюбленной,
Безгрѣшно-чисты, какъ весна,
Роняя съ пылью благовонной
Плодовъ румяныхъ сѣмена.
Сестра цвѣтовъ, подруга розы,
Очами въ очи мнѣ взгляни,
Навѣй живительныя грезы
И въ сердце пѣсню зарони!

* *
*

Не въ сумрачный чертогъ Наяды говорливой
Пришла она плѣнять мой слухъ самолюбивый
Разсказомъ о щитахъ, герояхъ и коняхъ,
О шлемахъ кованыхъ и сломанныхъ мечахъ;

Скрывая низкій лобъ подъ вѣтвію лавровой,
Съ цитарой золотой иль изъ кости слоновой
Ни разу на моемъ не прилегла плечѣ
Богиня гордая въ расшитой епанчѣ.
Мнѣ слуха не ласкалъ языкъ ея могучій,
И гибкій, и простой, и звучный безъ созвучій;
По волѣ Піеридъ съ достоинствомъ пѣвца
Я не мечталъ стяжать широкаго вѣнца.
О, нѣтъ! Подъ дымкою ревнивой покрывала
Мнѣ Музу молодость иную указала:
Отягощала прядь душистая волосъ
Головку дивную узломъ тяжелыхъ косъ.
Цвѣты послѣдніе въ рукѣ ея дрожали,
Отрывистая рѣчь была полна печали,
И женской прихоти, и серебристыхъ грезъ,
Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слезъ;
Какой-то нѣгою томительной волнуемъ,
Я слушалъ, какъ слова встрѣчались съ поцѣлуемъ,
И долго безъ нея душа была больна
И несказаннаго стремленія полна.

* * *

Солнце садится и вѣтеръ утихнулъ летучій,
Нѣтъ и слѣда тѣхъ огнями пронизанныхъ тучъ.
Вотъ на окраинѣ дрогнулъ живой и не жгучій,
Всю эту степь озарившій и гаснущій лучъ.
Солнца ужъ нѣтъ, нѣтъ и дня неустанныхъ стремленій,
Только закатъ будетъ долго чуть зримо горѣть...
О, если-бъ небо судило безъ тяжкихъ томленій
Такъ-же и мнѣ, оглянувшись на жизнь, умереть!

29 апр. 1883.

Грезы.

Мнѣ снился сонъ, что сплю я непробудно,
Что умеръ я и въ грезы погруженъ,
И на меня ласкательно и чудно
Надежды тѣнь навѣялъ этотъ сонъ.
Я счастья жду, — какого? — самъ не знаю...
Вдругъ — колоколъ, — и все уяснено,
И, просіявъ душой, я понимаю,
Что счастье — въ этихъ звукахъ вотъ оно!
И звуки тѣ прозрачнѣе и чище,
И радостнѣй всѣхъ голосовъ земли.
И чувствую — на дальнее кладбище
Меня подъ нихъ, качая, понесли...
Въ груди восторгъ и сдавленная мука,
Хочу привстать, хоть разъ еще вздохнуть
И на волнѣ ликующаго звука
Умчася вдаль, во мракѣ потонуть.

* * *

Я люблю многое, близкое сердцу.
Только рѣдко люблю я...
Чаще всего мнѣ пріятно скользить по заливу,
Такъ, — забываясь
Подъ звучную мѣру весла,
Омоченнаго пѣной шипучей,
Да смотрѣть, много-ль отъѣхалъ
И много-ль осталось,
Да не видать-ли зарницы...
Изо всѣхъ островковъ,
На которыхъ рѣдко мерцаютъ
Огни рыбаковъ запоздалыхъ,
Милъ мнѣ одинъ предпочтительно:
Красноглазый кроликъ
Любитъ его;
Гордый лебедь каждою весною
Съ протянутой шеей летаетъ вокругъ
И садится съ размаху
На тихія воды;
Надъ обрывомъ утеса
Растетъ, помавая вѣтвями,
Широколиственный дубъ.
Сколько ужъ лѣтъ тутъ живетъ соловей!
Онъ поетъ по зарямъ,

Да и позднею ночью, когда
Мѣсяцъ обманчивымъ свѣтомъ
Серебритъ и волны, и листья.
Онъ не молкнетъ, — поетъ
Все громче и громче...
Странныя мысли
Приходятъ тогда мнѣ на умъ:
Что это — жизнь или сонъ?
Счастливъ я или только обманутъ?
Нѣтъ отвѣта...
Мелкія волны что-то шепчутъ съ кормою,
Весло недвижимо
И на небѣ ясномъ высоко сверкаетъ зарница.

* *
*

Шопотъ. Робкое дыханье.
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Соннаго ручья.
Свѣтъ ночной. Ночныя тѣни, —
Тѣни безъ конца.
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица.
Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слезы,
И заря, заря!..

* *
*

Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ,
Какъ-то просторнѣй,
Даже въ столицѣ не тѣсно.
Окна растворишь, —
Тихо и чутко
Плыветъ прохладительный воздухъ...
А небо? А мѣсяцъ?
О, этотъ мѣсяцъ волшебникъ!
Какъ будто-бы кровли
Покрыты зеркальнымъ стекломъ,
Шпили и кресты — брилліанты,
А тамъ, за луной, небосклонъ
Чѣмъ дальше, свѣтлѣй и прозрачнѣй,
Смотришь и дышишь
И слышишь дыханье свое
И бой отдаленныхъ часовъ
Да крикъ часового,
Да изрѣдка стукъ колеса
Или пѣніе вѣстника утра.
Вмѣстѣ съ зарею и сонъ налетаетъ на вѣжды.
Свѣтелъ какъ призракъ.
Голову клонитъ, — а жаль отъ окна оторваться!

Мелодія.

Мѣсяцъ зеркальный плыветъ по лазурной пустынѣ,
Травы степныя унизаны влагой вечерней.
Рѣчи отрывистѣй, сердце опять суевѣрнѣй...
Длинныя тѣни вдали потонули въ ложбинѣ.
Въ этой ночи, какъ въ желаніяхъ, все безпредѣльно!
Крылья растутъ у какихъ-то воздушныхъ стремленій,
Взялъ-бы тебя и помчался-бы также безцѣльно,
Свѣтъ унося, покидая невѣрныя тѣни!
Можно-ли, другъ мой, томиться въ тяжелой кручинѣ?
Какъ не забыть, хоть на время, язвительныхъ терній?
Травы степныя сверкаютъ росою вечерней,
Мѣсяцъ зеркальный бѣжитъ по лазурной пустынѣ...

* *
*

Измученъ жизнью, коварствомъ надежды,
Когда имъ въ битвѣ душой уступаю,
И днемъ, и ночью смежаю я вѣжды,
И какъ-то странно порой прозрѣваю.
Еще темнѣе мракъ жизни вседневной,
Какъ послѣ яркой осенней зарницы,
И только въ небѣ, какъ зовъ задушевный,
Сверкаютъ звѣздъ золотыя рѣсницы.
И такъ прозрачна огней безконечность,
И такъ доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я изъ времени въ вѣчность
И пламя твое узнаю, солнце міра!

И неподвижно на огненныхъ розахъ
Живой алтарь мірозданья курится;
Въ его дыму, какъ въ творческихъ грезахъ,
Вся сила дрожитъ и вся вѣчность снится.

И все, что мчится по безднамъ эфира,
И каждый лучъ, плотской и безплотный, —
Твой только отблескъ, о солнце міра,
И только сонъ, только сонъ мимолетный!..

И этихъ грезъ въ міровомъ дуновеньи,
Какъ дымъ, несусь я и таю невольно,
И въ этомъ прозрѣньи, и въ этомъ забвеньи
Легко мнѣ жить и дышать мнѣ не больно.

Смерть.

«Я жить хочу — кричитъ онъ, дерзновенный, —
«Пускай обманъ! О, дайте мнѣ обманъ!»
И въ мысляхъ нѣтъ, что это — ледъ мгновенный,
А тамъ, подъ нимъ, — бездонный океанъ...

Бѣжать? — Куда? Гдѣ правда, гдѣ ошибка?
Опора гдѣ, чтобъ руки къ ней простерть?
Что̀ ни расцвѣтъ живой, что̀ ни улыбка —
Уже подъ ними торжествуетъ смерть!

Слѣпцы напрасно ищутъ, гдѣ дорога,
Довѣрясь чувствъ слѣпымъ поводырямъ;
Но если жизнь — базаръ крикливый Бога,
То только смерть — его безсмертный храмъ.

* *
*

Духъ всюду сущій и единый.
(Державинъ).

Я потрясенъ, когда кругомъ
Гудятъ лѣса, грохочетъ громъ,
И въ блескѣ огней гляжу я снизу,
Когда, испугомъ обуянъ,
На скалы мечетъ океанъ
Твою серебряную ризу;
Но, просвѣтленный и нѣмой,
Овѣянъ властью неземной,
Стою не въ этотъ мигъ тяжелый,
А въ часъ, когда, какъ-бы во снѣ,
Твой свѣтлый ангелъ шепчетъ мнѣ
Неизреченные глаголы.
Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
Въ томленьяхъ крайняго усилья,
И вѣрю сердцемъ, что растутъ
И тотчасъ въ небо унесутъ
Меня раскинутыя крылья.

Теперь.

Мой прахъ уснетъ, забытый и холодный,
А для тебя настанетъ жизни май;
О, хоть на мигъ душою благородной,
Тогда стихамъ, звучавшимъ мнѣ, внимай!

И вдумчивымъ и чуткимъ сердцемъ дѣвы
Безумныхъ сновъ волненья ты поймешь,
И отъ чего въ дрожащіе напѣвы
Я уходилъ — и ты за мной уйдешь.

Привѣтами, встающими изъ гроба,
Сердечныхъ тайнъ безсмертье ты провѣрь:
Внѣвременной повѣемъ жизнью оба,
И ты, и я, мы встрѣтимся...
— Теперь!

* * *

Далекій другъ, пойми мои рыданья!
Ты мнѣ прости болѣзненный мой крикъ —
Съ тобой цвѣтутъ въ душѣ воспоминанья
И дорожить тобой я не отвыкъ.

Кто скажетъ намъ, что жить мы не умѣли,
Бездушные и праздные умы,
Что въ насъ добро и нѣжность не горѣли

И красотѣ не жертвовали мы?
Гдѣ-жъ это все? Еще душа пылаетъ, —
По прежнему готова міръ объять...
Напрасный жаръ! — никто не отвѣчаетъ:
Воскреснутъ звуки — и замрутъ опять...
Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мнѣ голосъ твой принесъ —
Въ ланитахъ кровь и въ сердцѣ вдохновенье...
Прочь этотъ сонъ, — въ немъ слишкомъ много слезъ!
Не жизни жаль съ томительнымъ дыханьемъ —
Что̀ жизнь и смерть!.. — А жаль того огня,
Что̀ просіялъ надъ цѣлымъ мірозданьемъ,
И въ ночь идетъ, — и плачетъ, уходя!..

* * *

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекія звѣзды вглядясь, —
Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась.
Я думалъ... не помню, что̀ думалъ, —
Я слушалъ таинственный хоръ;
И звѣзды тихонько дрожали, —
И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ...

Среди звѣздъ.

Пусть мчитесь вы, какъ я, покорны мигу,
Рабы, какъ я, мнѣ прирожденныхъ числъ,
Но лишь взгляну на огненную книгу, —
Не численный я въ ней читаю смыслъ.
Въ вѣнцахъ, лучахъ, алмазахъ, какъ калифы,
Излишнія средь жалкихъ нуждъ земныхъ,
Незыблемой мечты іероглифы,
Вы говорите: «Вѣчность — мы; ты — мигъ.
Намъ нѣтъ числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вѣчной догоняешь тѣнь;
Мы здѣсь горимъ, чтобъ въ сумракъ непроглядный
Къ тебѣ просился беззакатный день.
Вотъ почему, когда дышать такъ трудно,
Тебѣ отрадно такъ поднять чело
Съ лица земли, гдѣ все темно и скудно,
Къ намъ, въ нашу глубь, гдѣ пышно и свѣтло».

* * *

Буря на небѣ вечернемъ,
Моря сердитаго шумъ;
Буря на морѣ — и думы,
Много мучительныхъ думъ.
Буря на морѣ — и думы,
Хоръ возрастающихъ думъ...
Черная туча за тучей,
Моря сердитаго шумъ...

* * *

Какъ мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся.
Съ любимой мечтою
Не хочется сердцу разстаться.
Но цвѣтъ вдохновенья
Печаленъ средь буднichныхъ терній;
Былое стремленье
Далеко, какъ отблескъ вечерній.
Но память былого
Все крадется въ сердце тревожно...
О, еслибъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

* * *

Какая ночь! На всемъ какая нѣга!
Благодарю, родной полночный край!
Изъ царства льдовъ, изъ царства вьюгъ и снѣга
Какъ свѣжъ и чистъ твой вылетаетъ май!
Какая ночь! Всѣ звѣзды до единой
Тепло и кротко въ душу смотрятъ вновь,
И въ воздухѣ за пѣсней соловьиной
Разносится тревога и любовь.
Березы ждутъ. Ихъ листъ полупрозрачный
Застѣнчиво манитъ и тѣшитъ взоръ...

Онѣ дрожатъ. Такъ дѣвѣ новобрачной
И радостенъ и чуждъ ея уборъ.
Нѣтъ, никогда нѣжнѣй и безтѣлеснѣй
Твой ликъ, о, ночь, не могъ меня томить!
Опять къ тебѣ иду съ невольной пѣсней,
Невольной — и послѣдней, можетъ быть...

* * *

Какъ нѣжишь ты, серебряная ночь,
Въ душѣ разсвѣтъ нѣмой и тайной силы!..
О, окрыли и дай мнѣ превозмочь
Весь этотъ тлѣнъ, бездушный и унылый!
Какая ночь! Алмазная роса
Живымъ огнемъ съ огнями неба въ спорѣ;
Какъ океанъ, разверзлись небеса,
И спитъ земля, и теплится, какъ море...
Мой духъ, о, ночь! какъ падшій Серафимъ
Призналъ родство съ нетлѣнной жизнью звѣздной,
И, окрыленъ дыханіемъ твоимъ,
Готовъ летѣть надъ этой тайной бездной.

* * *

О, какъ волнуюся я мыслію больною,
Что въ мигъ, когда закатъ такъ дѣвственно хорошъ,
Здѣсь на балконѣ ты, лицомъ передъ зарею,
Восторга моего, быть можетъ, не поймешь!
Внизу — померкшій садъ уснулъ. Лишь тополь дальній
Все грезитъ въ вышинѣ и ставитъ листъ ребромъ,
И зыблетъ, уловя денницы блескъ прощальный,
И чистымъ золотомъ, и мелкимъ серебромъ.
И вѣрить хочется, что все, что̀ такъ прекрасно,
Такъ тихо властвуетъ въ прозрачный этотъ мигъ,
По небу и душѣ проходитъ не напрасно,
Какъ оправданіе стремленій роковыхъ.

* * *

Только въ мірѣ и есть, что тѣнистый
Дремлющихъ кленовъ шатеръ!
Только въ мірѣ и есть, что лучистый
Дѣтски-задумчивый взоръ!
Только въ мірѣ и есть, что душистый
Милой головки уборъ!
Только въ мірѣ и есть—этотъ чистый
Влѣво бѣгущій проборъ!

* * *

Сіяла ночь; луной былъ полонъ садъ; лежали
Лучи у нашихъ ногъ въ гостиной безъ огней:
Рояль былъ весь раскрытъ, и струны въ немъ дрожали,
Какъ и сердца у насъ, за пѣснею твоей.
Ты пѣла до зари, въ слезахъ изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нѣтъ любви иной.
И такъ хотѣлось жить, чтобъ звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать надъ тобой!
И много лѣтъ прошло, томительныхъ и скучныхъ,
И вотъ въ тиши ночной твой голосъ слышу вновь,
И вѣетъ какъ тогда, во вздохахъ этихъ звучныхъ,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.
Что нѣтъ обидъ судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нѣтъ конца и цѣли нѣтъ иной,
Какъ только вѣровать въ рыдающіе звуки,
Тебя любить, обнять и плакать надъ тобой!

Часть I. Выпускъ 2-й: Исторія русской письменности отъ начала до XVIII вѣка. Изданіе 5. Ц. въ переплетѣ 1 руб.

Часть II. Исторія литературы съ эпохи Петра Великаго до Пушкина. Изд. 4, исправленное. Ц. въ переплетѣ 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ I-й: Исторія новой русской литературы XIX столѣтія. **(Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій).** Изданіе 3. Ц. въ перепл. 1 р. 20 к.

Часть III. Выпускъ 2-ой: Очерки русской литературы XIX ст. 40—60-хъ годовъ. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Сокращенный курсъ исторіи русской словесности въ двухъ частяхъ. Часть первая. Народная словесность.—Исторія русской письменности отъ начала до XVIII в. Ц. въ переплетѣ 1 р.

Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Примѣнительно къ „Исторіи русской словесности".

Томъ 1, вв. 1—3, т. 2, вв. 1—5 и т. 3, вв. 1, 2 и 3 *допущены* Ученымъ Комит. М-ва Нар. Пр. въ качествѣ *учебнаго пособія* въ средне-учебныя заведенія Мин. Нар. Просв.; вслѣдствіе такого постановленія они допускаются и въ учебн. зав. Вѣд. Императрицы Маріи и учебн. зав. Мин. Торгов. и Промышлен.

Томъ I. Выпускъ I-ый: Народная словесность. Изд. 5. Ц. въ перепл. 90 к.

Томъ I. Вып. 2-й: Русская письменность съ XI до XVIII в. Изданіе 5. Ц. въ переплетѣ 90 к.

Томъ I. Вып. 3-й: Русская литература XVIII-го в. Изданіе 4. Ц. въ перепл. 80 к.

Томъ II. Вып. I-й: Русская литература XVIII—XIX в. Изд. 3. Ц. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Выпускъ 2-й: Русская литература начала XIX в. Изданіе 2. Ц. въ перепл. 75 к.

Томъ II. Выпускъ 3-й: Русская литература начала XIX в. Изданіе 2. Ц. въ перепл. 60 к.

Томъ II. Вып. 4-й: Русская литература 20—30-ыхъ годовъ XIX в. Пушкинъ и Гоголь. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Томъ II. Вып. 5-й: Русская литература 30—40-ыхъ годовъ XIX в. Кольцовъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій. Ц. въ переплетѣ 1 р. 40 к.

Томъ III. Вып. I-й: Русская литература 40—60-ыхъ годовъ XIX в. Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 1 р.

Томъ III. Вып. 2-й: Русская литература 40—60-хъ годовъ XIX в. Л. Толстой и Ѳ. Достоевскій. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 1 р.

Томъ III. Вып. 3-й: Русская литература 60—70-хъ годовъ XIX в. Н. Некрасовъ, Гр. А. Толстой, Я. Полонскій, А. Майковъ, Ѳ. Тютчевъ и А. Фетъ. Изд. 2. Ц. въ переплетѣ 60 к.

Томъ III. Вып. 4-й: Русская критическая литература XIX в. Ц. въ переплетѣ 1 руб.

Очерки изъ исторіи русскаго романа. Томъ I. Вып. 1-й и 2-й. Цѣна 7 руб.

Михайло Ломоносовъ. Жизнь и творчество. Съ портретомъ Ломоносова, съ видами: памятника его, холмогоръ, церкви и школъ имени Ломоносова, въ Динисовкѣ. Ц. 20 к.

Книги подъ редакціей проф. В. В. Сиповскаго:

I.—БѢЛИНСКІЙ, В. Г. Избранныя сочиненія о Пушкинѣ, Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ, подъ редакціей и со вступительной статьей В. В. Сиповскаго. Цѣна въ папкѣ 50 к. Содержаніе: *Вступительная статья В. В. Сиповскаго. Пушкинъ:* Народность, гуманность и художественность—отличительныя черты поэзіи Пушкина. Евгеній Онѣгинъ. Борисъ Годуновъ. *Гоголь:* Повѣсти. Ревизоръ. *Лермонтовъ:* Стихотворенія. *Кольцовъ:* Стихотворенія. *Мысли о литературѣ.* Поэзія, ея область и высокое значеніе. Идеализація и типы. Отношеніе поэта къ дѣйствительности. **Чистая прибыль отъ перваго изданія поступитъ на устройство Народнаго дома имени В. Г. Бѣлинскаго въ гор. Чембарѣ, Пензенской губ.**

2.—ЛОМОНОСОВЪ, М. В. Избранныя сочиненія. Съ портретомъ и автографомъ Ломоносова и рисунками. Подъ редакціей и со вступительной статьей В. В. Сиповскаго для учащихся. Изд. 2. Цѣна въ папкѣ 40 коп.

СТЕФАНОВСКІЙ, И. Учебный курсъ теоріи словесности. Изд. 5. Ц. 75 к. *Доп. М. Н. Пр.*

ТАРАСЫГИНЪ, Ѳ. А. Матушка Русь. Хрестоматія. 2 части. Съ портретами и рисунками. Редакція Ѳ. А. Витберга. Ч. I. Для учениковъ младшихъ I и II классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 2. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к. Ч. II.

Для учениковъ младшихъ III и IV классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 1 р. *Обѣ части Учен. Комит. Нар. Пр. допущ. въ качествѣ учебн. пособія въ младш. класс. средн. учебн. зав.—Рек. Гл. Упр. В. У. З.—Доп. Св. Син.—Рек. Учебн. Ком. Вѣд. Учрежд. Императрицы Маріи.*

ШУЙСКАЯ, А. П. Краткій курсъ русской грамматики—учебникъ и сборникъ примѣровъ для разбора и другихъ упражненій. Изд. 3. Ц. въ папкѣ 60 к. *Одобр. С. С.*—2-е изд. *Одобр. М. Н. Пр.—Удостоенъ преміи Митр. Макарія, присуждаемой за лучшіе учебники.*

ВАСЕНКО, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Очеркъ исторіи Отечественной войны. Съ предисловіемъ проф. С. Ө. Платонова. Для учащихся въ средней школѣ. Съ рисунками, виньетками и картами. Въ переплетѣ. Книга поступитъ въ продажу весной 1912 г.

— Годъ великаго испытанія. Для народа и начальныхъ школъ. Съ рисунками и виньетками. Книга поступитъ въ продажу весной 1912 г.

БУЛЬФІУСЪ, А. Г. Учебникъ средней исторіи. Изд. 3. *Доп. М. Н. Пр.—Рек. В. У. З.* Ц. въ переплетѣ 80 к.

ЕФИМЕНКО, А. Я. Учебникъ русской исторіи. Для младшихъ классовъ ср. уч. зав. и городск. училищъ. Учен. Ком. М. Н. Пр. допущено какъ руководство для 3 кл. женскихъ гимназій. Съ 44 рис. и 5 картами. Въ переплетѣ 90 к.

— Народная война 1812 г. Съ рисунками и виньетками. Книга поступитъ въ продажу весной 1912 г.

ЛИБЕНЪ, П., и ШУЙСКАЯ, А. Краткій курсъ русской исторіи, съ приложеніемъ родословныхъ и хронологическихъ таблицъ и 8 картъ.

Изд. 4, значительно дополненное и иллюстрированное. Ц. 60 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ руководства для низшихъ уч. зав. и для тѣхъ уч. зав., въ коихъ проходится элементарный курсъ отечественной исторіи, и въ качествѣ пособія для младшихъ классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

ПЛАТОНОВЪ, С. Ө. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Изд. 4, съ приложеніемъ 5 картъ, составленныхъ И. Н. Михайловымъ. Ц. въ переплетѣ 2 р. *Допущ. М. Н. Пр. въ качествѣ руководства для средн. учебн. завед.*

— Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ XVI-XVII вв. Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время. Изданіе 3-е съ приложеніемъ двухъ картъ. Ц. 3 р. 50 к.

С. Ө. ПЛАТОНОВУ—ученики, друзья и почитатели. Сборникъ статей, посвященныхъ **С. Ө. Платонову.** Ц. 2 руб.

ПЛАТОНОВА, Н. Н. Кохановская (Н. Н. Соханская). 1823—1884. Біографическій очеркъ. Съ портр. Ц. 1 р. 50 к. Удостоено отъ Академіи Наукъ Ахматовской преміи.

СИПОВСКІЙ, В. Д. Исторія древней Греціи въ разсказахъ и картинахъ. Съ 50 политипаж. въ текстѣ и однимъ на отдѣльн. листѣ. Изданіе 4-е, допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго пособія для мужск. гимназ. и прогимн., а также въ учен. библ. средн. учебн. зав. Ц. 75 к.

— Сократъ и его время. Съ рисунками. Изданіе 3. Цѣна на лучшей бумагѣ въ папкѣ, для подарковъ 1 р., на простой бумагѣ 40 к.

СКВОРЦОВЪ, И. В. Русская исторія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Изданіе 2-е. Въ переплетѣ ц. 1 р. 70 к. *Доп. М. Н. Пр.—Одобр. У. К. Св. Син. какъ руководство.—У. К. Вѣд. уч. Имп. Маріи одобрено какъ руководство.—Св. Син. удостоена преміи Митр. Макарія, присуждаемой за лучшіе учебники.*

ФРИДОЛИНЪ, П. П. Краткая исторія европейскаго искусства. Съ 132 рисунками, въ перепл. 1 р. 75 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. книга признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ средн. уч. зав.—Уч. Ком. Вѣд. Учр. Импер. Маріи рекомендована для внѣкласснаго чтенія въ средн. уч. зав.—Гл. упр. в.-уч. зав. допущена въ ротныя библіот. кадетскихъ корпусовъ.

ШУЙСКАЯ, А. Краткій курсъ русской грамматики—учебникъ и сборникъ примѣровъ для разбора и другихъ упражненій. Изд. 3. Ц. въ папкѣ 60 к. *Одобр. С. С.—2-е изд. Одобр. М. Н. Пр.—Удостоенъ преміи Митр. Макарія, присуждаемой за лучшіе учебники.*

J. Brown

8.00

Цѣна въ переплетѣ 60 коп.

[illegible]

[illegible] Я. Б[illegible] и К°.

С.-Петербургъ [illegible]

[illegible]

Бр. [illegible]МАНОВЫХЪ

въ М[illegible] и Казани.

[illegible] Фонтанка [illegible] Спб.